

Федеральное агентство по образованию
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

**ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
И БЫТОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
И ЛИТЕРАТУРЫ**

Сборник научных трудов

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского госуниверситета
2009

УДК [882(09)+93/99(093)](066)

ББК Ф4(0)30 Я73-3

П 78

Рецензенты:

Н.И. Солнцев – доктор исторических наук, доцент

Г.С. Самойлова – кандидат филологических наук, доцент

П 78 Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы: Сборник научных трудов / Под ред. Русинова В.Н. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2009. 191 с.

ISBN 978-5-91326-123-6

Редакционная коллегия:

Е.А. Молев, В.Н. Русинов (отв. редактор),

С.А. Рылов, Ф.А. Селезнев, М.Г. Уртминцева

В статьях сборника представлены результаты исследования ряда вопросов, относящихся к историческому источниковедению, истории древнерусской литературы, текстологии. В центре внимания находятся отдельные летописные свидетельства, памятники агиографии. Обоснована необходимость существенного уточнения, касающегося названия столицы древлян, выяснен истинный смысл вызывавших споры летописных данных о побоище 1377 г. на р. Пьяне. На основе анализа многочисленных списков «Жития блаженного Петра, царевича Ордынского» выявлены редакционные разновидности этого памятника и публикуется его текст по одному из наиболее ранних списков с переводом на современный русский язык. Дана характеристика двух связанных с нижегородским ареалом рукописных прологов.

Для специалистов и всех интересующихся русской средневековой историей, письменностью, культурой.

ISBN 978-5-91326-123-6

© Нижегородский госуниверситет
им. Н.И. Лобачевского, 2009

Искоростень или Коростень?

В.Н. Русинов

В составе «Повести временных лет» под 945–946 гг. многие древнерусские летописные своды сообщают о гибели киевского князя Игоря в земле древлян и о мести княгини Ольги древлянам за убийство мужа. Летописный рассказ неоднократно упоминает о древлянском городе, возле которого был убит и погребен Игорь. Но в одних случаях летописи передают название этого города как *Искоростень*, *Искоростень* или даже *Скоростень*, а в других определяют его как *Коростень*. Подобные вариации наименования одного и того же города обусловили в справочных изданиях, исторической литературе и в изданиях самих летописей странный разноречивый при упоминаниях о главном городе древлян. Выяснению того, чем вызван этот разноречивый в источниках, а также в историографии, справочной литературе и каким было действительное название города в древности, и посвящена предлагаемая статья.

Первым или одним из первых исследователей, труд которого отразил противоречивые показания древнерусских летописей при обозначении главного города древлян под 945–946 гг., следует считать В.Н. Татищева. Оказалось, что в «Истории российской» ученый пользовался двумя вариантами названия этого города (*Искоростень* и *Коростень*), считая их, по-видимому, синонимами. Это касается как «летописных» разделов его историографического труда¹, так и связанных с ними научных построений или примечаний². Не может быть никаких сомнений в том, что формы топонимов *Искоростень* или *Искоростень* значились в использованных В.Н. Татищевым для своей «Истории» древнерус-

ских летописях, откуда и стали ему известны. Так же из летописей ученый мог узнать о параллельном существовании в древности и топонима *Коростень*. Эти выводы с очевидностью вытекают из свидетельств В.Н. Татищева о находившихся в его распоряжении летописных источниках³. С одной стороны, он пользовался копией Радзивиловской летописи, которая, как и ее оригинал, должна была под 945–946 гг. упоминать о древлянском городе *Искоростене*. Вполне возможно, что то же самое географическое название в соответствующих местах давал и известный В.Н. Татищеву, но впоследствии не сохранившийся пергаменный Раскольничий манускрипт. С другой стороны, под руками у исследователя находились некоторые не дошедшие до нас списки Воскресенской и Никоновской летописей, в которых, судя по сохранившимся спискам этих летописных памятников, под 945–946 гг. могли употребляться формы топонима *Коростень*. Он мог быть отражен и в ряде других летописных источников В.Н. Татищева, представлявших собой также достаточно поздние памятники летописания в поздних списках.

В одном из первоначальных примечаний к своему труду по отечественной истории В.Н. Татищев заметил, что «могилу Игореву в 1710-м году, весьма высокий холм у самого Искоростеня, я сам видел»⁴. Но топоним *Искоростень* использован здесь ученым, конечно, не как известное ему живое географическое название. Это видно из окончательной редакции соответствующего примечания: «Могила Игорева. При городе Коростене есть холм весьма высокой на ровном месте близ речки, и доднесь так называется, которой и я в 1710-м году, идучи из Киева с командою, осматривал...»⁵. Совершенно ясно, что употребленное В.Н. Татищевым в более раннем варианте примечания название *Искоростень* основано на известных ему летописных свидетельствах, а не

на живой традиции, заключающейся, вне всякого сомнения, в использовании топонима *Коростень*.

Как и В.Н. Татищев, значительное количество летописных источников для создания своего труда по истории Российского государства привлек Н.М. Карамзин⁶. Среди них находились такие летописные памятники, как не дошедшая до нас Троицкая летопись, а также хорошо известные Лаврентьевская, Ипатьевская, Радзивиловская, Хлебниковская летописи, свидетельства которых под 945–946 гг. могут быть поняты как указание на существование древлянского города, именовавшегося *Изкоростенем* или *Искоростенем*. Наряду с этими ученый имел в своем распоряжении Воскресенскую, Никоновскую и другие летописи, в которых соответствующие годовые статьи упоминали древлянский город *Коростень*. Тем не менее Н.М. Карамзин, в отличие от В.Н. Татищева, использовал в своей работе только этот последний топоним в форме *Коростен*⁷. Явно на основании данных географического словаря А. Щекатова он полагал, что в его время *Коростен* представлял собой «местечко Искорость в Волынской губернии на реке Уше, между Овручем и Житомиром»⁸. Позднее, как и Н.М. Карамзин, признавал только топоним *Коростень*, например, Д.И. Иловайский⁹.

С.М. Соловьев, подобно В.Н. Татищеву, находил возможным оперировать как топонимом *Искоростень*, так и топонимом *Коростень*¹⁰. Поводом для употребления обоих вариантов названия древлянской столицы историку служило, конечно, их отражение в летописных источниках. Судя по одному из замечаний, топоним *Искоростень*, а следовательно и топоним *Коростень*, он воспринимал как слова женского рода¹¹.

Исключительный интерес с точки зрения рассматриваемого вопроса имеют летописеведческие труды А.А. Шахма-

това. Помимо того, что этот ученый был выдающимся знатоком и исследователем древнерусских летописей, он ставил перед собой задачи по восстановлению текстов не дошедших до нас гипотетических летописных сводов и предлагал варианты их реконструкций. Разумеется, это требовало от А.А. Шахматова глубочайшего проникновения в древние летописные тексты не только в чисто лингвистическом аспекте, но и в текстологическом. В реконструкцию гипотетического «Древнейшего киевского свода» 1039 г. А.А. Шахматов внес известие о том, что киевский князь Игорь был убит древлянами, вышедшими «из града Искоростеня»¹². Однако в своей реконструкции столь же гипотетического «Новгородского свода» 1050 г. ученый поместил текст, свидетельствующий о том, что Игоря убили древляне, вышедшие «из града Коростеня», и о том, что могила князя «у Коростеня града» продолжает сохраняться¹³. Позднее, в реконструкции предполагаемого «Начального свода» 1095 г., помещая известие об убийстве Игоря древлянами, А.А. Шахматов повторил восстановленную им формулировку «Древнейшего киевского свода» 1039 г., гласящую о том, что древляне вышли «из града Искоростеня», а сообщение об Игорева могила сформулировал с использованием слов «у Искоростеня града»¹⁴. Воспроизводя рассказ «Повести временных лет» о так называемой четвертой мести Ольги древлянам под 946 г., исследователь поместил известную по основным спискам «Повести» формулировку, согласно которой княгиня Ольга устремилась «на Искоростень град»¹⁵. Как видно, А.А. Шахматов признавал существование с глубокой древности топонимов *Искоростень* и *Коростень*. При этом ученому представлялось, что топоним *Искоростень*, характерный для южнорусских летописных списков, заменялся топонимом *Коростень* в севернорусских¹⁶. Высокий, особенно в первой половине XX в., авторитет трудов

А.А. Шахматова по истории древнерусского летописания, без сомнения, в немалой степени способствовал закреплению представлений о существовании в древности двух вариантов названия столицы древлян.

Начиная с первой половины XX в., в научных трудах отечественных авторов для обозначения города древлян, с которым был связан яркий эпизод из древнерусской истории середины X в., употребляется почти исключительно топоним *Искоростень*. Он фигурирует, например, в работах Л. Нидерле¹⁷ Е.А. Рыдзевской¹⁸, А.С. Орлова¹⁹, Б.Д. Грекова²⁰, В.В. Мавродина²¹, М.Н. Тихомирова²², А.Н. Насонова²³, П.Н. Третьякова²⁴, Д.С. Лихачева²⁵, Б.А. Рыбакова²⁶ и других авторов. То же самое географическое название позднее оказывается в ходу у таких ученых, как И.П. Русанова²⁷, А.Н. Сахаров²⁸ М.Я. Сюзюмов²⁹, П.П. Толочко³⁰, О.В. Творогов³¹, В.Я. Петрухин³², и других. Естественно, что оно же фигурирует в очерках и в курсах по отечественной истории³³, объясняется в работах по топонимике³⁴.

Большой интерес представляют сведения о древлянском городе *Искоростене* или *Коростене*, помещенные в справочно-энциклопедических изданиях. Впервые они появляются, по-видимому, в «Географическом словаре» А. Щекатова. Так, в словарной статье «Коростень» автор пояснил, что в старину это был древлянский город, который теперь именуется *Искорошь* или *Скорость*, а расположен он на р. Уши в Овручском уезде Волынской губернии. Не преминул А. Щекатов сообщить и летописные сведения, сделавшие известным этот город в древности³⁵. Подобные же сведения он поместил также в словарной статье «Древляне», заметив, что среди принадлежавших древлянам городов продолжает существовать и *Искорошь*, прежде называвшийся *Коростень*³⁶. Таким образом, здесь древлянский город обозначен уже не как *Искорошь*, а как *Искорошь*, что объясняется, ви-

димо, нестабильностью современной А. Щекатову русской орфографии или простой опечаткой в статье «Коростень». Судя по всему, составитель «Словаря» рассматривал топоним *Коростень* как уже не существующее в его время географическое название. Топоним же *Искоростень* ему, по всей вероятности, вообще не был известен.

Среди географических наименований, сопровождающихся пояснениями в «Географическо-статистическом словаре Российской империи» П. Семенова, топоним *Коростень* отсутствует. Зато поясняющая статья посвящена названию *Искорость*, которое определено как наименование «местечка» близ р. Уши в Овручском уезде Волынской губернии³⁷. При этом добавлено, что летопись Нестора упоминает об *Искорости* под именем *Изкоростеня* или *Искоростеня*. Сообщаются и связанные с данным «местечком» летописные сведения. Что же касается топонима *Коростень*, то он, по всей вероятности, просто выпал из поля зрения составителя «Словаря». Не зафиксированы им и наименования *Ис-корошь*, *Скорость*, приводимые у А. Щекатова как современные ему названия. Поразительно, но «Географическо-статистический словарь» в примечаниях к статье «Искорость» дает ссылку прежде всего на первый том Полного собрания русских летописей, изданный в 1846 г., то есть на свидетельства Лаврентьевской и других летописей под 945–946 гг. о древлянском городе *Искоростене*.

В составе «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона как географические названия отмечены *Коростень*, *Скоростень*, но при этом сделана отсылка к словарной статье «Искорость»³⁸. В ней разъясняется, что так именуется «местечко» на р. Уше в Овручском уезде Волынской губернии, где в древности находился главный древлянский город *Искоростень* (как вариант упомянут также *Коростен*), с которым связаны известные события древне-

русской истории 945–946 гг.³⁹ Согласно с этим и в статье «Древляне» отмечено, что *Искоростень* был политическим центром древлян в эпоху их самостоятельности⁴⁰. Вместе с тем в словарной статье «Волынская губерния» упомянуто как современное географическое название «местечко» *Искорость* (в древности *Коростен*) в сопровождении явной небылицы о том, будто здесь «в углублении на камне среди р. Ужи» находится «купальня» княгини Ольги⁴¹.

Издававшаяся несколько позднее «Большая энциклопедия», в отличие от «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, название *Коростень* как подлежащее объяснению географическое понятие не отмечает. Однако помещенная в ней статья «Искорость» повторяет те же самые сведения, которые читаются в «Энциклопедическом словаре»⁴². При этом в статье «Древляне» сделано упоминание об *Искоростене* как о главном городе древлян⁴³.

В составе «Нового энциклопедического словаря», как и в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, от названий *Коростень*, *Скоростень* сделана отсылка к статье «Искорость»⁴⁴. Под этой рубрикой сообщаются те же сведения, что и в прежнем издании «Словаря», хотя *Искорость* отождествляется уже не с «древним» *Искоростенем*, а с «историческим» *Коростенем*⁴⁵. Однако в статье «Древляне», как и в старом «Словаре», главным политическим центром древлян эпохи их самостоятельности назван *Искоростень*⁴⁶.

Показательно, что сведениями о «местечке» *Искорость*, помещавшимися в справочно-энциклопедических изданиях XIX – первой четверти XX в., некоторые авторы пользовались еще и в конце 20-х гг. прошлого столетия. Так, в одной из статей А.И. Лященко название *Искорость*, неизвестно

откуда попавшее в разные справочники, отождествляется с летописным *Искоростенем* и современным *Коростенем*⁴⁷.

В первом издании «Большой советской энциклопедии» понятия *Искоростень*, *Искорость* или *Скорость* как географические названия, подлежащие объяснению, отсутствуют. Тем не менее *Искоростень* упомянут среди древлянских городов в статье «Древляне»⁴⁸. Но в противоречии с этими сведениями пояснительные данные к статье «Ольга» содержат упоминание о том, что Ольга сожгла древлянский город *Коростень*⁴⁹. При этом сам *Коростень* определен в посвященной ему статье уже как город в Киевской области, хотя и безотносительно к его древней истории⁵⁰.

Второе издание «Большой советской энциклопедии» содержит более пространную статью, посвященную топониму *Коростень*. Здесь отмечено, что так именуется город, расположенный на р. Уж в Житомирской области УССР⁵¹. Но применительно к древней истории Руси, явно в соответствии с утвердившимися представлениями, фигурирует исключительно топоним *Искоростень*, употребленный в пояснительных статьях к понятиям «Древляне»⁵² и «Ольга»⁵³.

В составе «Советской исторической энциклопедии» топоним *Искоростень* рассматривается как предшественник топонима *Коростень* с указанием на то, что в древности это был главный «град» древлян, а ныне — город на р. Уж в Житомирской области Украины⁵⁴.

Наконец, в третьем издании «Большой советской энциклопедии» при географическом названии *Искоростень* сделана отсылка к статье «Коростень»⁵⁵. В ее тексте *Коростень* определен как город на р. Уж в Житомирской области Украины, но содержится и указание на то, что в прошлом это был *Искоростень*, один из древнейших русских городов, главный город древлян⁵⁶. В соответствии с таким взглядом и статья «Древляне» упоминает о том, что *Искоростень* был

главным городом древлян, а теперь он именуется *Коростенем*⁵⁷.

Если проанализировать данные справочно-энциклопедических изданий XIX – начала XX в., то станет ясно, что в них, как и в историографии того времени, древлянский город, упоминаемый летописными статьями 945–946 гг., фигурирует под названиями *Искоростень* или *Коростень* с явной тенденцией считать первое из них более древним. Однако применительно к своему времени эти издания называют уже не город *Коростень*, а «местечко» *Искорость*, локализуя его на р. «Уши» или «Уше», что находится в противоречии с общеизвестным фактом существования там в то время города *Коростеня*, причем на р. Уж, а вовсе не «Ушь» или «Уша». В советских энциклопедических изданиях, как и в современной им историографии, окончательно утверждается мнение о принадлежности географического названия *Искоростень* глубокой древности, а топонима *Коростень* — позднейшей эпохе. Что же касается наименований *Искорость*, *Скорость*, *Скоростень* и т. п., отмечавшихся в справочниках досоветской эпохи, то на страницах советских справочных изданий они уже не встречаются. Одновременно изживается и представление о *Коростене* как о «местечке», а на смену ошибочному гидрониму «Ушь» или «Уша» приходит достоверное наименование — р. Уж⁵⁸. Убеждение в том, что современный украинский город *Коростень* в древности носил имя *Искоростеня*, как будто зафиксированное древними летописями, сохраняется и поныне. Однако в действительности, как будет показано, это мнение является не более чем распространенным историко-географическим мифом. Чтобы разобраться в обозначенной проблеме с географическими наименованиями *Искоростень*, *Коростень* и подобными им, необходимо снова обратиться к

свидетельствам давно известных летописных и других источников. При этом очень важно понаблюдать за тем, как эти свидетельства воспроизводятся в существующих изданиях памятников древнерусского летописания.

С одной стороны, явно выделяются основные списки летописей лаврентьевской традиции (Лаврентьевский, Радзивилловский и Академический) и ипатьевской традиции (Ипатьевский и Хлебниковский). Во всех этих летописях о вошедшем в древнерусскую историю стольном городе древлян обычно дважды упоминается под 945 г. и один раз под 946 г. Соответствующие фрагменты летописного текста читаются в них с некоторыми вариациями порядка слов или орфографии, не представляющими, однако, никакого значения с точки зрения рассматриваемого вопроса, за одним исключением, касающимся орфографических вариантов, которые иногда используются при обозначении самого древлянского города. Поэтому необходимые для наблюдений отрывки пока достаточно привести по древнейшему из сохранившихся летописных списков, содержащих текст «Повести временных лет», следовательно по Лаврентьевской летописи, указывая тут же орфографические особенности обозначения столицы древлян в других упомянутых выше летописях. Лаврентьевская летопись сообщает о том, что князь Игорь не послушал древлян, пытавшихся отговорить его от нового похода за данью в «Деревскую» землю, и тогда «въшедше изъ града Изъкоръстѣна древлене оубиша Игоря»⁵⁹. В соответствующем месте Ипатьевской летописи: «Искоростѣна»⁶⁰; Радзивилловской летописи: «Искоростина»⁶¹; Академической летописи: «Искоростѣна»⁶²; Хлебниковской летописи: «Изкоростѣна»⁶³. Немногим ниже в Лаврентьевской летописи сообщается о погребении убитого князя и о том, что «есть могила его оу Искоръстѣна граде в Деревхъ и

до сего днѣ»⁶⁴. В соответствующем месте Ипатьевской летописи: «Искоростина»⁶⁵; Радзивиловской и Академической летописей: «Искоростѣнь»⁶⁶; Хлебниковской летописи: «Искоростина»⁶⁷. Далее, в рассказе под 946 г., после сообщений о походе, организованном княгиней Ольгой в землю древлян, их поражении, бегстве и «затворении» в своих городах летописец продолжает: «(О)льга же оустрени сѧ съ сѣмѣ своимѣ [на Искоростѣнь градѣ]*»⁶⁸. В соответствующем месте Ипатьевской летописи: «Искоростѣнь»⁶⁹; Хлебниковской летописи: «Искоростѣнь»⁷⁰. Совершенно очевидно, что во втором и третьем из приведенных летописных фрагментов древлянский город именуется *Искоростенем*, а потому и в первом отрывке есть повод усматривать отражение того же самого топонима. Вместе с тем следует учитывать, на основании показаний Лаврентьевского и Хлебниковского списков в первом из рассматриваемых контекстов, возможность существования этого топонима, как будто, и в форме *Искоростень*. Именно в таком виде, то есть с обозначением главного города древлян как *Искоростеня* (или *Искоростиня*), а также *Искоростеня*, все рассматриваемые контексты приведены уже в одном из первых изданий Лаврентьевской и Ипатьевской летописей с вариантами по сходным с ними летописям⁷¹. Те же самые чтения применительно к обозначениям столицы древлян воспроизводятся и в позднейших изданиях этих летописей⁷². Что касается представленных в Ипатьевском, Радзивиловском, Академическом и Хлебниковском летописных списках чтения «Искоростина», то есть с буквой и вместо буквы ѣ после буквы т (ср.: «Изъкорѣ-

* Текст в квадратных скобках, отсутствующий в Лаврентьевском списке, приведен по Радзивиловскому и сходному с ним Академическому спискам (см.: Радзивиловская летопись... С. 29).

ст'ѣна», «Искорост'ѣна» и т. п.), то они наверняка объясняются причинами диалектного характера. Действительно, в ряде древнерусских говоров, носителями которых могли оказаться те или иные переписчики уже существовавших памятников древнерусского летописания, к XIII–XIV вв. звук *ѣ* изменился и перешел в звук *и*. В самых разных текстах, включая, разумеется, и летописные, это могло вызывать замену *ѣ* на *и*, особенно в незнакомых словах, к числу которых должно было относиться и наименование главного города древлян. Стоит заметить, что написания типа «Искоростиня» встречаются и в других привлеченных к исследованию летописных списках.

Специальной оговорки заслуживают рассматриваемые летописные фрагменты в предложенной М.Д. Приселковым реконструкции текста несохранившейся Троицкой летописи. Ввиду того, что текст этой летописи, как было установлено еще Н.М. Карамзиным, отличался близостью к тексту Лаврентьевской летописи в соответствующих хронологических пределах, именно лаврентьевский текст М.Д. Приселков положил в основу своей реконструкции. Поэтому при восстановлении текста Троицкой летописи под 945 г. он поместил совпадающие с Лаврентьевской чтения, хотя и с неожиданной разбивкой на слова в одном из рассматриваемых контекстов: «И вышедше из града из Корьстена древляне убиша Игоря... Есть могила его у Искорьстена града в Деревех и до сего дне»⁷³. Если принять предложенное М.Д. Приселковым чтение «из града из Корьстена» вместо обычного в соответствующем контексте для изданий Лаврентьевской летописи чтения «из града Изькорьстена», то получится, что древляне вышли из города *Коростеня*, а убитый ими князь Игорь был похоронен возле города *Искоростеня*. На первый взгляд, логичнее было бы в первом случае со-

хранить чтение «из града Изкоръстения», коль скоро во втором можно понять не иначе, как «у Искоръстения града». Тогда не получилось бы и того странного противоречия в обозначении одного и того же населенного пункта, дважды упомянутого в реконструированном отрывке летописного текста. Однако названия *Коростень* и *Искоростень*, судя по всему, являлись для М.Д. Приселкова топонимическими синонимами. Естественно, что и под 946 г. ученый использовал в реконструируемом тексте чтение, которое дает Лаврентьевская летопись: «Ольга же устремися с сыном своим. А деревляне затворишася в граде и боряхуся крепко из града»⁷⁴. Но это чтение, как нетрудно заметить при его сопоставлении с соответствующим текстом Ипатьевской, Радзивиловской и близких к ним летописей, после выражения «устремися с сыном своим» не содержит слов «на Искоростень град, яко те бяху убили мужа ея, и ста около града с сыном своим»⁷⁵. Если согласиться с реконструкцией М.Д. Приселкова, то нужно будет признать, что эти слова отсутствовали и в несохранившейся рукописи Троицкой летописи. Но такой взгляд возможен лишь в двух случаях. Во-первых, если бы Лаврентьевский список послужил протографом для Троицкого, но в науке это теперь отрицается⁷⁶. Во-вторых, если бы приведенные слова не находились в Ипатьевском, Радзивиловском и сходных с ними списках, отражающих, следовательно, их общий более древний источник, но дело обстоит как раз наоборот. Поэтому принимать точку зрения М.Д. Приселкова в данном случае совсем не обязательно. Более того, можно не сомневаться в том, что отсутствие фрагмента летописного текста, о котором идет речь, в Лаврентьевском списке является следствием очевидного пропуска, допущенного при изготовлении этого списка или уже находившегося в его протографе. Совершенно ясно, что за словами «устремися с сыном своим» в

исправном тексте должно было следовать необходимое по смыслу продолжение, которое и сохранилось в ряде летописных памятников. Ясна и причина, обусловившая пропуск этого продолжения в Лаврентьевском списке или в его протографе. Дело, конечно, в том, что утратившийся летописный фрагмент заканчивается словами «с сыном своим» совершенно так же, как и непосредственно предшествующий. Это создавало условия для гаплогрфии, жертвой которого и стал какой-то переписчик или редактор летописного текста.

С другой стороны, можно выделить группу списков Новгородской первой летописи младшего извода (Академический, Комиссионный и Толстовский). В ее составе находятся только те два упоминания о городе древлян, которые относятся к 945 г. Что же касается рассказа этой летописи под 946 г., то повествование о четвертой мести Ольги древлянам здесь отсутствует, а потому никакой древлянский город в соответствующей годовой статье не упоминается. При этом интересующий текст Новгородской первой летописи под 945 г. сохранили Комиссионный и Толстовский списки, последний из которых признается копией с Академического списка⁷⁷. В составе Толстовского списка под этим годом после упоминания об отказе князя Игоря прекратить повторный поход за древлянскую данью сообщается, что «они же (т. е. древляне. — В.Р.) из града ис Коростеня изшедше... дружину Игореву и самого князя Игоря убиша... и есть могила его у Коростеня града в Древах и до сего дне»⁷⁸. Едва ли летописный фрагмент, приведенный по относящемуся к середине XVIII в. Толстовскому списку, передает утраченный текст гораздо более древнего Академического списка без поновления языка и некоторой амплификации. Однако слова «из града ис Коростеня», судя по летописям лаврентьевской и ипатьевской традиций, наверняка читались и в Академиче-

Академическом списке. Второе упоминание о *Коростене* в цитированном отрывке («у *Коростеня града*») дает право полагать, что именно *Коростень*, а не *Искоростень* подразумевается и в предшествующем контексте и соответствующий текстовый фрагмент верно передан издателем летописного текста («из *града ис Коростеня*»). Это подтверждается и соответствующими чтениями Комиссионного списка: «*изшедше древляне из града Корестеня противу и убиша Игоря и дружину его... и есть могила его близ града Коростеня в Древах и до сего дни*»⁷⁹. Стоит заметить, что в цитированном отрывке форма *Корестеня* (в именительном падеже она выглядела бы, следовательно, как *Корестень*) не может, конечно, считаться каким-то особым вариантом названия столицы древлян, поскольку возникла, скорее всего, на месте читавшейся в протографе формы **Корѣстѣнѧ**, в которой при переписке буква ѣ была принята за букву ꙗ и в соответствии с ее обычным к XIV–XV вв. звучанием в северных и северо-восточных древнерусских диалектах записана как ꙗ. Весьма показательны, что А.Н. Насонов, подготовивший и осуществивший в 1950 г. издание Новгородской первой летописи, списки которой младшего извода указывают на существование в древности топонима *Коростень*, а вовсе не *Искоростень*, предпочитал, как было отмечено выше, пользоваться в своих научных работах топонимом *Искоростень*. Ученый явно руководствовался показаниями основных списков «Повести временных лет», придавая им решающее значение.

Нельзя пройти мимо показаний Софийской первой и Новгородской четвертой летописей, близких друг к другу и в известной мере отражающих новгородскую летописную традицию, а также мимо данных Львовской летописи. Заключенные в Софийской первой и Новгородской четвертой

летописях под 945 г. упоминания о главном древлянском городе⁸⁰ вполне согласуются с показаниями Толстовского списка Новгородской первой летописи младшего извода. Впрочем, некоторые списки, представляющие Софийскую первую летопись, в упоминании о месте погребения князя Игоря дают чтение не «у *Коростеня града*», а «у *Користеня града*»⁸¹. Но и форму *Користеня* (в именительном падеже соответственно *Користень*) нельзя признать реально существовавшим вариантом названия города древлян. Как и чтение *Корестеня*, подобное обозначение могло возникнуть на месте чтения *Корѣстѣнѣ*, в котором буква ѣ была принята за букву ꙗ, но заменена не на букву ѣ, а буквой и сообразно с судьбой звука ꙗ в ряде древнерусских диалектов. В то же время Софийская первая и Новгородская четвертая летописи, в отличие от Новгородской первой младшего извода, под 946 г. содержат и рассказ о четвертой мести Ольги древлянам. При этом в Софийской первой летописи интересное место читается так: «*Олга же устремися с сыном своим Святославом на Коростень град*»⁸². Видимо, поэтому при издании текста Софийской первой летописи свидетельство под 945 г. о городе, из которого вышли навстречу Игорю древляне, передано как «из града ис Коростеня», хотя, казалось бы, его можно было дать в редакции «из града Искоростеня». Именно такой вариант прочтения и помещен под 945 г. в издании Новгородской четвертой летописи⁸³, а причина этого состоит явно в том, что при упоминании под 946 г. об Ольгином «устремлении» к древлянскому городу данная летопись, в отличие от Софийской первой, содержит такой текст: «*Олга же устремися с сыном своим на Искоростень град*»⁸⁴. С показаниями Новгородской четвертой летописи в соответствующих контекстах практически совпадают чтения Львовской летописи⁸⁵. Тем не менее это не по-

мешало ее издателям напечатать свидетельство о выступлении древлян из своего города с разбивкой «из града из Коростень». Все это означает, что в некоторых летописных памятниках при упоминаниях о главном древлянском городе под 945–946 гг. наблюдалась явная путаница, выражавшаяся в допустимости для его обозначения как географического названия *Искоростень*, так и топонима *Коростень*, причем подобный разнобой сказывался и на редакции соответствующих отрывков в издаваемых летописных текстах.

Особый интерес с точки зрения рассматриваемого вопроса представляют показания некоторых поздних летописей, создатели которых далеко не всегда просто копировали тексты своих оригиналов, а часто излагали их по-своему, сокращая или амплифицируя повествование, поновляя язык и стиль и тем самым обнаруживая собственное понимание сохранившихся летописных свидетельств. Одной из таких летописей является летописный свод, вышедший из-под пера неизвестного по имени ростовского книжника в 1534 г. и сохранившийся в составе Тверского летописного сборника. Судя по авторским ремаркам, этот свод создавался с привлечением значительного количества источников, прежде всего летописных. Во всех трех рассматриваемых случаях упоминания древлянского города ростовский автор, без сомнения, видел указание на *Коростень*, что и нашло отражение в изданном тексте Тверского сборника⁸⁶. Показательно, что и жителей этого города, укрывшихся в 946 г. за его стенами от воинов Ольги, составитель свода 1534 г. прямо назвал *коростенцами*: «А коростенци затворишася в граде»⁸⁷. Совершенно ясно, что наименованием города древлян он считал топоним *Коростень*. Другим памятником летописания, создававшимся в XVI в. с использованием многочисленных летописных источников при весьма существенной во многих случаях редакционной обработке и поновлении

текста, является Никоновская летопись. В ее составе, в отличие от многих других летописей, включая и поздние, город древлян упомянут под 945 г. только один раз: «Убиша Игоря древляне у Коростеня града»⁸⁸. Далее, под 946 г., сообщается, что Ольга «приат вся грады их (т. е. древлян. — В.Р.) и у Коростеня стоя лето»⁸⁹. Как видно, создатели Никоновской летописи названием города древлян тоже считали топоним *Коростень*. Еще один подобный же летописный памятник, хотя гораздо меньших масштабов, представляет собой Густынская летопись, созданная в конце XVII в. украинским иеромонахом М.П. Лосицким. Здесь нашло отражение одно из упоминаний о столице древлян под 945 г. и свидетельство о ней под 946 г. Так, о выступивших навстречу Игоревой дружине древлянах под 945 г. сообщается: «Древляне же, изшедше из града Коростеня, убиша Игоря...», а под 946 г. о действиях Ольги сказано: «Олга же устремися на Коростень град...»⁹⁰. Очевидно, что и для создателя Густынской летописи название города древлян звучало не как *Искоростень*, а как *Коростень*. Правда, нельзя упускать из виду, что топоним *Коростень* мог восприниматься ростовским автором свода 1534 г., составителями Никоновской летописи и особенно создателем Густынской летописи не столько как наименование, известное им по данным тех или иных летописных свидетельств под 945–946 гг., сколько как название реально существовавшего в их время населенного пункта, чем тогда прежде всего и должно было определяться звучание соответствующего топонима.

К поздним свидетельствам летописного характера относятся данные «Хроники» польского автора второй половины XVI в. М. Стрыйковского. Город, являвшийся некогда столицей древлян, фигурирует в его компилятивном труде под названием *Chorosten* (другие падежные формы: *Choro-*

scienia, Choroscieniem и пр.)⁹¹, то есть без начального форманта *Из-* или *Ис-*. С. Роспонд указывал на это как на лучшее доказательство того, что топоним *Искоростень* создан в результате агглютинативного соединения предлога *изъ/исъ* с корневой частью слова⁹². Но из оставленных М. Стрыйковским свидетельств ученый в данном случае сделал явно ошибочный, хотя, на первый взгляд, и очевидный, вывод. Ведь свидетельства М. Стрыйковского, как и данные многих русских летописей позднего происхождения, указывают лишь на то, что главный древлянский город, оставивший яркий след в древнерусской истории, мог именоваться *Коростенем*. Между тем С. Роспонд в своих утверждениях исходил из убеждения в бесспорном существовании географического названия *Искоростень*.

Для исследования поставленного вопроса определенный интерес представляют также показания Владимирского летописца, Воскресенской и Новгородской Карамзинской летописей. Владимирский летописец содержит только те два упоминания о столице древлян, которые приурочены к 945 г. Существующее издание данного памятника воспроизводит эти упоминания в таком виде: «*И сшед* из града Искоростеня [древляне] и убиша Игоря и погребен бысть у Скоростеня града в Деревех*»⁹³. Внимание здесь в первую очередь привлекает необычная форма «*Скоростеня*», которой обозначено наименование древлянского города. Воскресенская летопись сохранила как оба упоминания об этом городе под 945 г., так и упоминание о нем под 946 г. Во втором и третьем из рассматриваемых случаев здесь фигурирует

* Чтение «*И сшед*» издатели допустили по недоразумению. Должно быть «*Исшед*». Но и это чтение было по невежеству внесено каким-то переписчиком вместо *исшедше*.

топоним *Коростень*⁹⁴. Но в первом, судя по отсылке издателей к рукописи, помещен такой текст: «*и вышедше из града Съкоростеня древляне и убиша Игоря*»⁹⁵. Все три упоминания о городе древлян сохранила в соответствующих контекстах и Новгородская Карамзинская летопись. Два свидетельства, находящиеся под 945 г., имеют в недавно опубликованном тексте этой летописи такой вид: «*И вышедше из града Искоростеня древляне убиша Игоря... и гроб его у Скоростеня града в Деревех и до сего дне*»⁹⁶. Третье свидетельство, под 946 г., выглядит так: «*Олга же устремися с сыномъ на Скоростень град*»⁹⁷. Как видно, в Воскресенской и Новгородской Карамзинской летописях упоминания столицы древлян тоже оказываются возможными в формах вроде *Съкоростеня*, *Скоростеня*, *Скоростень*. Таким образом, отмеченные свидетельства трех летописных памятников, как будто, дают основание полагать, что наименование главного древлянского города, упоминаемого древнерусскими летописями в известиях 945–946 гг., для некоторых переписчиков или редакторов летописных текстов могло звучать и как *Скоростень*.

Помимо летописных данных, к исследованию могут быть привлечены также свидетельства источников церковного происхождения, прежде всего «Жития Ольги». Как известно, посвященные Ольге тексты агиографического характера вошли в состав достаточно древней по происхождению «Памяти и похвалы князю Владимиру», но в ней эпизоды, связанные с убийством древлянами князя Игоря и дальнейшими событиями, отражения еще не нашли. Эти летописные сюжеты использованы в позднейшем «Житии Ольги», очевидно не ранее конца XVII в., но в существенно иной редакции, что особенно важно. В соответствии с первым упоминанием о древлянском городе под 945 г., заключенным в известиях многих преимущественно поздних ле-

тописей, и «Житие» сообщает о том, что древляне убили князя Игоря «под' градомъ своимъ Коростенемъ»⁹⁸. При втором упоминании, не находящем себе прямого текстуального соответствия в летописном тексте, княгиня Ольга, как сказано в «Житии», «по шкѣщанію своимъ... къ столномъ ихъ (т. е. древлян. — В.Р.) градъ Коростеню приближашеся»⁹⁹. Наконец, в третьем случае, по словам составителя «Жития», одержавшие победу над древлянами киевляне во главе с Ольгой «гнаша ихъ скѣвше даже до столнаго града Коростеня»¹⁰⁰. Из этих свидетельств вытекает, что по какой-то причине создатель редакции агиографического сочинения, посвященного княгине Ольге, предпочел употреблять наименование города древлян в форме *Коростень*, а отнюдь не *Искоростень*.

Наблюдения, произведенные над привлеченными к исследованию летописными и другими источниками, могут быть обобщены в следующем виде. Данные о наименовании города древлян, возле которого, если доверять летописным свидетельствам, в 945 г. был убит и погребен киевский князь Игорь и который в 946 г. был уничтожен княгиней Ольгой, содержащиеся в этих источниках, противоречивы. При этом противоречия обнаруживаются как между свидетельствами разных летописей, так иногда и в показаниях одного и того же летописного памятника. В существующих изданиях древнерусских летописей не было выработано единого подхода при передаче тех фрагментов их текста, в которых находились упоминания о городе древлян. Это объясняется тем, что вопрос о его действительном названии не был не только разрешен, но даже и поставлен. Памятники летописания, отражающие древнейшие летописные традиции, прежде всего Лаврентьевская и Ипатьевская летописи вместе с близкими к ним летописными списками, как

будто зафиксировали в качестве наименования древлянского города топоним *Искоростень*. В то же время Новгородская первая летопись, сохранившая в своем младшем изводе, возможно, не менее древнюю летописную традицию, дает топоним *Коростень*, что вполне подтверждается и материалом Софийской первой летописи. Летописные своды более позднего происхождения, сохранившиеся в составе Новгородской четвертой, а также Львовской летописей, отражают в соответствующих местах оба варианта названия города древлян: как *Искоростень*, так и *Коростень*. Почему при этом не совпадают показания текстуально весьма сходных Софийской первой и Новгородской четвертой летописей, пока можно лишь предполагать. Судя по данным Владимирского летописца, Воскресенской и Новгородской Карамзинской летописей, было возможно и такое восприятие названия древлянского города позднейшими переписчиками, которое, на первый взгляд, позволяет предполагать существование топонима *Скоростень*. Вместе с тем такие летописные своды позднего происхождения, как Никоновская летопись, Тверской летописный сборник, Густынская летопись, содержат чтения, отражающие название *Коростень*. Этот же топоним дает «Хроника» польского автора XVI в. М. Стрыйковского, а также позднее «Житие Ольги», вышедшее, по всей видимости, из-под пера Дмитрия Ростовского. Нельзя не признать, что весьма обычным топоним *Коростень* становится именно в поздних летописных источниках, в которых прежний текст подвергался той или иной редакционной обработке, то есть хотя бы частично создавался заново.

Переходя к вопросу о топонимах *Искоростень* и *Коростень*, под которыми в сохранившихся источниках обычно фигурирует главный древлянский город, необходимо обратить внимание на ряд существенных обстоятельств.

Во-первых, географические названия, как известно, отличаются устойчивостью, а если и подвергаются с течением времени тем или иным естественным преобразованиям, то они почти всегда объяснимы с точки зрения языковых закономерностей, чаще всего фонетических. Однако в случае с топонимом *Искоростень*, если допустить, что именно он был первоначальным наименованием главного древлянского города, а позднее трансформировался в *Коростень*, непонятно, почему утратился начальный формант *Ис-* (< *Изъ*). Изменение первоначального названия в данном случае тем более необъяснимо, если учесть, что городская жизнь в соответствующем населенном пункте, по наблюдениям археологов, никогда не прерывалась¹⁰¹. В то же время географические названия, начинающиеся с *Ис-* или *Из-*, вообще не характерны для древнерусской топонимики и встречаются крайне редко.

Во-вторых, название *Искоростень* выглядит странным с этимологической точки зрения. Наиболее убедительной нужно считать его предполагаемую связь с праславянской основой, заключенной в слове **korsta*, которая, судя по ее отражению в славянских языках, могла ассоциироваться с понятием «неровное место»¹⁰². Но подобную этимологизацию можно конкретизировать с учетом того, что речь идет о географическом наименовании восточнославянского происхождения. Как известно, дифтонгические сочетания **or*, **ol*, **er*, **el* между согласными начали перестраиваться под влиянием закона открытого слога еще в праславянское время, но по-разному изменились у восточных, южных и западных славян. У восточных славян эти результаты выразились в развитии первого полногласия. Применительно к праславянской форме **korsta* это означает, что в древнерусском языке она сначала преобразовалась в форму **korъsta* (с редуцированным гласным ъ), а позднее в форму *короста* (с

переходом редуцированного звука *ъ* в гласный полного образования *о*). Доказательством безусловной справедливости этих выкладок является, например, закономерное возникновение у южных славян на месте праславянской формы **korsta* существительного *краса* с аналогичным значением. По-древнерусски слово *короста* обозначало болезненные изменения на коже с образованием наростов, ран, высыпаний, делающих ее неровной. Если учесть, что берега и русло р. Уж в том месте, где и поныне расположен город *Коростень*, изобилуют залегающими на поверхности скальными породами, то нельзя ли топоним *Коростень* понять как «неровное место», «место, покрытое выступающими деталями рельефа»? Нельзя ли также усмотреть аналогии в том, что подобно тому, как надетое на палец украшение известной формы, создающее впечатление нароста, неровности, именуется словом *перстень*, и каменистое, неровное место на р. Уж воспринималось древними восточными славянами в лице древлян как некий нарост и было определено ими, поначалу в чисто нарицательном плане, словом *коростень*? С лингвистической точки зрения предложенная этимологизация топонима *Коростень* выглядит достаточно прозрачной, а это делает неубедительным мнение о древнем происхождении зафиксированного в ряде летописей названия *Искоростень*. Остается неясным, почему к этимологически вполне понятному (и в этом смысле самодостаточному) географическому названию *Коростень* в качестве приставки добавился элемент *Ис-* (<*Из-*). Поэтому и утверждение С. Роспонда о его агглютинации, на которое впоследствии ссылался В.П. Нерознак¹⁰³, не кажется убедительным. В этой связи стоит обратить внимание на топоним *Коростышев*, которым именуется украинский город на р. Тетерев, расположенный, следовательно, в том же регионе, что и *Коростень*. Как

можно с уверенностью полагать, этимология названия *Коростышев* аналогична этимологии топонима *Коростень*, чем и подтверждается ошибочность предложенного С. Роспондом мнения.

В-третьих, представленная Новгородской первой летописью младшего извода древняя летописная традиция, отразившаяся также и в Софийской первой летописи, не подтверждает название *Искоростень* как древнюю топонимическую реальность, давая вместо него топоним *Коростень*. Судя по тексту Новгородской первой летописи младшего извода, тот же топоним должен был читаться под 945 г. и в утраченной части очень древнего Синодального списка старшего извода этой летописи. Что же касается чтения «*на Искоростень град*», отраженного под 946 г. Новгородской четвертой летописью, то оно не может считаться показательным с точки зрения рассматриваемого вопроса, так как явно вторично по сравнению с чтением «*на Коростень град*» Софийской первой летописи, точнее отражающей в данном случае текст какого-то более раннего летописного свода. Указанием на это могут служить некоторые признаки вторичного привлечения текста «*Повести временных лет*» для составления летописного свода, представленного Новгородской четвертой летописью. Так, ее свидетельство под 946 г. о том, что княгиня Ольга «*устремися с сыном своим на Искоростень град*», сближается с соответствующим текстом древнейших списков «*Повести*», одновременно удаляясь от чтения Софийской первой летописи не только упоминанием *Искоростеня*, но также отсутствием имени Святослава. Помимо отмеченного, имеются и другие признаки того вторичного влияния, которое «*Повесть*» оказала на представленный Новгородской четвертой летописью свод¹⁰⁴.

В-четвертых, несмотря на представленность в части летописных списков типа Лаврентьевской и Ипатьевской летописей под 945–946 гг. географического названия *Искоростень* (а таких списков когда-то находилось в обращении, разумеется, гораздо больше, чем дошло до нас) в позднейшей летописной традиции распространение получил все же топоним *Коростень*.

Все эти наблюдения и соображения позволяют высказать утверждение о том, что широко распространенное мнение, приписывающее столице древлян по крайней мере в X в. название *Искоростень*, основано на каком-то заблуждении или недоразумении. Проблема, однако, разрешается довольно легко, если на соответствующие летописные свидетельства взглянуть критически, с учетом палеографических особенностей древних летописных списков и некоторых иногда отражавшихся в них речевых явлений. Разгадка содержится в первом упоминании о городе древлян под 945 г., текст которого, как и множество других текстов в древних летописных или иных источниках, обычно представлял собой нерасчлененную на слова последовательность букв. В составе Лаврентьевской летописи она выглядит так: «ивышедшеизъградаизъкоръ -стѣнадеревленеюубишаигора»¹⁰⁵. А вот то же самое место по Радзивиловскому списку: «иисшѣшигорѣискоростинадеревлане · ноубишаигора»¹⁰⁶. Следует иметь в виду, что для текста «Повести временных лет», судя по ее сохранившимся спискам, не слишком характерно такое синтаксическое явление, как повторение предлогов перед каждым однородным членом предложения. В тексте памятника конструкции подобного рода весьма немногочисленны. Вот одна из них, находящаяся, правда, только в Лаврентьевском списке: «придоставтъгорамъхъ-киевъскимъ»¹⁰⁷. Как видно, здесь предлог «къ», употреб-

ленный перед формой существительного «горамъ», повторен в виде «хъ» (из-за регрессивной диссимиляции по глухости) перед формой прилагательного «киевъскимъ». Поэтому вся цитированная фраза с разбивкой на слова может иметь только такой вид: «придо҃ста къ горамъ хъ киевъскимъ». Ведь очевидно, что последовательность «кго-рамъхъкиевъскимъ» во второй части содержит сочетание предлога къ, записанного как хъ, с вполне понятным по смыслу прилагательным, а это обеспечивает надежное понимание всей конструкции. Однако далеко не так очевидно, что и вторая часть в последовательности вроде «изъграда-изъкоръстѣна» или «исгорѣискоростина» тоже представляет сочетание предлога изъ, в относительно поздних рукописях часто записывавшегося как ис или даже как исъ (в силу регрессивной ассимиляции по глухости), с другим словом, а именно существительным, которое является названием города, поскольку оно, без сомнения, не относилось к числу общеизвестных, да к тому же отражает и довольно редкий словообразовательный тип. Не настраивала на верное прочтение и сравнительная редкость повторения предлогов перед однородными членами, свойственная тексту «Повести временных лет». Явно поэтому какой-то переписчик летописного текста не понял, что «изъградаизъкоръстѣна» и т. п. означает «изъ града изъ коръстѣна», а не «изъ града изъкоръстѣна», как ему показалось. Иначе говоря, при прочтении он по недоразумению допустил неверную разбивку текста на слова, в которой и родился псевдотопоним *Искоростень*. Как можно полагать, тот же самый переписчик или редактор в соответствии с ошибочным прочтением наименования древлянского города превратил следующее

упоминание об этом городе под 945 г. в последовательность «оуискоръстѣньграда», заменив ею первоначальное чтение «оукоръстѣньграда», означавшее «оу коръстѣнь града». Совершенно так же он, несомненно, «скорректировал» и упоминание о том же самом городе под 946 г., переделав последовательность «накоръстѣньградъ» (что означало «на коръстѣнь градъ») в «нанкоръстѣньградъ» (что можно было понять только как «на искоръстѣнь градъ»). Благодаря этому мифический топоним *Искоростень* был запущен в летописный оборот и впоследствии принимался практически всеми издателями летописных текстов и их исследователями как первоначальное наименование главного древлянского города.

Весьма непросто решить вопрос о том, где и когда могло быть допущено ошибочное прочтение летописного текста «Повести временных лет» под 945 г., повлекшее за собой возникновение искаженного географического названия *Искоростень*, и при каких обстоятельствах оно нашло отражение как в лаврентьевской, так и в ипатьевской традициях памятника. По этому поводу можно высказать лишь ряд осторожных предположений. Представляется маловероятным, что невольное искажение топонима *Коростень* в результате неверной разбивки на слова сплошного текста при его чтении произошло где-то в южной Руси под пером местного уроженца на раннем этапе бытования «Повести временных лет» в рукописной традиции. Как можно полагать, здесь лучше, чем в удаленных от Киева и вообще от Среднего Поднепровья восточнославянских землях, должны были знать древлянский город *Коростень*. Более вероятно, что искажение этого названия сначала вкралось в одну из традиций «Повести» где-нибудь на северо-востоке Руси. Здесь, вдали от киевского юга, на периферии распадавшегося

Древнерусского государства ни о каком *Коростене* могли вообще ничего не знать и не слышать. Важным указанием на то, что «переименование» *Коростеня* в *Искоростень* произошло, скорее всего, на северо-востоке Руси, могут служить данные так или иначе пересекающейся с «Повестью временных лет» новгородской летописной традиции, сохранившей топоним *Коростень*. Не следовало бы ничего невероятного усматривать и в том, если бы наименование этого города было невольно испорчено под пером какого-нибудь выходца с ростово-суздальского северо-востока, оказавшегося, например, в одном из киевских или, скажем, переяславских монастырей как раз для того, чтобы скопировать «Повесть» или включавший ее текст более поздний летописный свод. Впоследствии испорченное наименование *Искоростень* из одной летописной традиции путем заимствования соответствующих ошибочных чтений могло проникнуть и в другую. Однако и предположение о возникновении одинакового искажения одного и того же топонима в обеих традициях независимо друг от друга тоже нельзя исключать, поскольку в одно и то же заблуждение могли по недоразумению легко впасть и разные переписчики или редакторы летописного текста. С учетом всех этих соображений допустимо предположение о возможности искажения топонима *Коростень* переписчиками текста «Повести временных лет» достаточно рано — уже во второй половине XII в.

Нельзя, однако, не отметить, что с утвердившимся и широко распространившимся в XX в. мнением о том, будто город *Коростень* первоначально именовался *Искоростенем*, резко контрастирует точка зрения, отразившаяся в самом раннем издании Радзивиловской (иначе — Кенигсбергской) летописи. Насколько известно, это издание осуществлено по копии 1713 г. и содержит массу отклонений, в том

числе поправок, сравнительно с текстом, дошедшим до нас в самом Радзивиловском списке. Поправки иногда представляют исключительный интерес, так как обнаруживают воззрения, к которым в спорных случаях склонялись издатели. Так, летописные сообщения о выступлении древлян из своего города против Игоря с дружиной, о его убийстве и погребении они поместили в следующем виде: «... и *изшедше из города из Коростеня древляне убиша Игоря и дружину его... и погребен бысть Игорь, и есть могила его у Коростеня града в Деревех и до сего дни*»¹⁰⁸. Как видно, чтение Радзивиловского списка при втором упоминании древлянского города («*искоростѣнѣаграда*») заменено чтением «у Коростеня града». Судя по этому, издатели середины XVIII в. заподозрили в данном случае порчу текста, поскольку в первом упоминании о городе древлян («*исгородѣискоростинѣа*») правильно, в отличие от позднейших издателей основных списков летописей лаврентьевской и ипатьевской традиций, воспринимали последовательность «*исгородѣискоростинѣа*» как сочетание предлога «ис» (< *изъ*) с формой существительного родительного падежа «*коростинѣа*». Однако в противоречии с этим своим взглядом они оставили радзивилловский текст, сообщающий под 946 г. о приближении Ольги с войнами к *Искоростеню*, в неприкосновенности: «*Ольга же устремися со сыном своим на Искоростень град*»¹⁰⁹. Дело, возможно, в том, что подготовка летописного текста к изданию производилась не каким-то одним человеком, а несколькими, обладавшими далеко не равноценными качествами и навыками. Впрочем, название *Искоростень* могло в этом месте остаться без исправления на *Коростень* просто по недостатку внимания к этой стороне дела. Таким образом, решения, принимавшиеся первыми издателями древнерусских летописей еще в середине XVIII в., остались, как

это ни парадоксально, в небрежении у позднейших издателей и исследователей и не обострили их внимание к вопросу о действительном названии главного города древлян.

Теперь оказывается возможным объяснить происхождение и таких встречающихся в поздних летописных сводах обозначений главного древлянского города, которые заставляют предполагать существование топонима *Скоростень*. Не подлежит сомнению, что этот вариант появился в летописях под 945–946 гг. там, где по обыкновению не разбитый на слова текст содержал выражения вроде *изъграда изъкоръстѣнѧ*, *изъградаискоръстѣнѧ* и т. п. и обусловленные их ошибочным восприятием позднейшими переписчиками искаженные чтения типа *оуискоръстѣнѧграда*, *наискоръстѣнѧградъ* и т. п. Как можно с уверенностью полагать, некоторые переписчики или редакторы древних или не очень древних летописных памятников, встречая в находившихся в их распоряжении протографах подобные места, оказывались в затруднении, поскольку могли не знать наименования упоминаемого в них города, и по своему разумению «исправляли» непонятный текст, подвергая его дальнейшему искажению. В результате сочетания типа *изъградаизъкоръстѣнѧ*, но особенно типа *изъградаискоръстѣнѧ* могли быть осмыслены как *изъ града съкоростѣнѧ* или *изъ града скоростѣнѧ*; сочетания вроде *оуискоръстѣнѧграда*, *наискоръстѣнѧградъ* — как *оу скоростѣнѧ града*, *на скоростѣнѧ градъ*. Достаточно ясны и те механизмы восприятия и правки текста, которые при этом вступали в действие. Очевидно, что некоторые переписчики летописных текстов, сталкиваясь в статьях 945–946 гг. с чтениями вроде *искоръстѣнѧ*, *оуискоръстѣнѧ*, *наискоръстѣнѧ*, недоумевали и усматривали в них искажения. Для выправления подобных чтений наибо-

лее естественным казалось отнести букву с, написанную перед буквой к, к названию города. Именно таким образом, несомненно, и произошло ошибочное наименование *Скоростень*. Что же касается предшествовавшей формам этого названия буквы и, то ее наличие, без сомнения, принималось за явное искажение текста, и она просто опускалась. Следовательно, первое С в наименовании *Скоростень* есть не что иное, как осколок принявшего вследствие оглушения согласного з форму *ис* предлога *из* (<*изъ*), не имеющий к первоначальному имени древлянского города никакого отношения. В свою очередь формы и выражения *скоростѣнь*, *оу скоростѣнь*, на *скоростѣнь* могли легко превратиться соответственно в *скорости*, *оу скорости*, на *скорость*, тем более что в полууставном почерке или в полууставе, приближающемся к скорописи, буква *ѣ* далеко не всегда явно отличалась от буквы *ь*, а неразборчивое географическое название не принадлежало к числу знакомых. Одним из летописных списков, заключающих в известиях 945–946 гг. такие искаженные чтения, по всей вероятности, и воспользовался А. Щекатов, приводя в своем «Словаре» как топоним название *Скорость*. Из этого вытекает, что данное наименование возникло, скорее всего, в письменности путем искажения малознакомого или совсем незнакомого псевдотопонима *Искоростень*. Но если на месте непонятных фрагментов летописного текста вроде *искоростѣнь* и т. п. могло, как было показано, возникнуть чтение *Скорость*, то по тем же самым причинам здесь мог появиться и вариант *Искорость*, зафиксированный в ряде справочно-энциклопедических изданий XIX – начала XX в. Подобным же образом вполне могла произойти и отмеченная А. Щекатовым как топоним форма *Искорошь*. Скорее всего, она тоже появилась на месте ис-

каженного чтения *Искоростень* или *Искорость*, но уже в результате неверного прочтения слога *-сте-* или элемента *-сть* в полууставном или в скорописном варианте. При таком начертании сочетание букв *ст* (особенно когда у буквы *т* были низко опущены отвесы коромысла) часто представляло собой четыре следующие одна за другой слегка изогнутые вертикальные линии, из которых первые три могли быть в незнакомом слове или в поврежденном тексте невольно приняты за букву *ш*, а четвертая вместе с последующей буквой *ѣ* или буквой *ь* прочитана как буква *ѣ*. Подобная оплошность могла быть допущена как переписчиком того или иного летописного текста, использованного впоследствии А. Щекатовым, так и им самим. Существование помещенных в «Словаре» А. Щекатова названий *Искорошь* и *Скорость* как современных ему живых топонимов опровергается, между прочим, свидетельствами В.Н. Татищева. Побывав почти за 100 лет до издания труда А. Щекатова под стенами города, бывшего когда-то столицей древлян, он именуется применительно к своему времени не иначе как *Коростенем*, а вовсе не *Искорошью* или *Скоростью*. Кроме того, два варианта наименования одного и того же города, приведенные А. Щекатовым, сами по себе вызывают сомнение и заставляют подозревать их происхождение вследствие недоразумений. Важным, хотя и косвенным, доказательством связи этих наименований с ошибочным прочтением каких-то летописных свидетельств можно считать широкое использование составителем «Словаря» летописных источников, явствующее из многих его статей. Именно на основании летописных данных А. Щекатов мог сделать вывод о том, что в древности город древлян именовался *Коростенем*, а позднее его название стало звучать якобы как *Искорошь* или *Скорость*.

Следует отметить, что одним из факторов, благоприятствовавших проникновению ложных топонимов *Искорость*, *Искорошь*, *Скорость* в справочно-энциклопедические издания своего времени, было, по всей вероятности, отсутствие доступных картографических данных, которые могли бы пролить свет на вопрос о названии бывшей столицы древлян в новое время. Так, на атласах Российской империи 1745 г. и 1792 г. соответствующий населенный пункт еще не мог быть зафиксирован, поскольку правобережье Днепра, включая земли по р. Уж, где и расположен *Коростень*, отошли к России лишь после третьего раздела Речи Посполитой, то есть в самом конце XVIII в. По непонятной причине этот населенный пункт не отмечен и на карте Королевства Польского середины XVIII в., хотя такие расположенные неподалеку города, как Owgiusze (Овруч), Zytomierz (Житомир), Czernobyl (Чернобыль), Radomisl (Радомысль), Skorodno (Скородно), на ней обозначены¹¹⁰.

Таким образом, если город древлян и определяется как *Искоростень*, *Искорость*, *Искорошь*, *Скоростень* или *Скорость*, то лишь в испорченных невежественными переписчиками летописных текстах, в основанных на подобных свидетельствах научных трудах, да в пояснительных статьях многочисленных справочно-энциклопедических изданий. На самом же деле этот город всегда оставался *Коростенем*, как называется и поныне. Тем самым разоблачается один из, пожалуй, самых забавных историографических и топонимических мифов, давно возникших в отечественной исторической науке.

Источники, литература и примечания

1. *Татищев В.Н.* История российская. Т. I. М.–Л., 1962. С. 111; Т. II. М.–Л., 1963. С. 44–46.

2. Там же. Т. I. С. 354; Т. II. С. 222, 305.
3. Там же. Т. I. С. 123–125.
4. Там же. Т. II. С. 305.
5. Там же. С. 222.
6. *Карамзин Н.М.* История государства российского. Изд. 5. Кн. I. СПб., 1840 (репринт: М., 1988). С. XV–XVI.
7. Там же. Примечания к тому I, главам VI–VII. Стб. 95, 98–100.
8. Там же. Примечания к главе II. Стб. 24.
9. *Иловайский Д.И.* История России. Ч. I. Киевский период. М., 1876. С. 38, 39.
10. *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. I. История России с древнейших времен. М., 1988. С. 95, 143, 146, 148, 149, 225, 226, 300, 301.
11. Там же. С. 301.
12. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Тексты // ЛЗАК. Вып. 20. СПб., 1908. С. 544.
13. Там же. С. 613.
14. *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Т. I. Текст // ЛЗАК. Вып. 29. Пг., 1917. С. 62.
15. Там же. С. 66.
16. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах... С. 172.
17. *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956. С. 156.
18. *Рыдзевская Е.А.* К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. Материалы и исследования. М., 1978. С. 195.
19. *Орлов А.С.* Курс лекций по древнерусской литературе. М.–Л., 1939. С. 73.
20. *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1949. С. 452.
21. *Мавродин В.В.* 1) Древняя Русь. Л., 1946. С. 183; 2) Очерк истории Древней Руси до монгольского завоевания // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. М., 1948. С. 13. См. также карты между с. 8 и с. 9, с. 30 и с. 31.

22. *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. Изд. 2. М., 1956. С. 13, 16, 44, 45, 55, 59, 62, 67, 185, 255, 304.
23. *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 64. Следует заметить, что в тексте этой работы на указанной странице название древлянского города напечатано как «Искорестень». Повидимому, здесь незамеченная опечатка, так как «Географический указатель» содержит топоним *Искоростень* (с. 240).
24. *Третьяков П.Н.* 1) Древлянские «грады» // Академику Б.Д. Грекову ко дню 70-летия. Сборник статей. М., 1952. С. 64–68; 2) У истоков Древней Руси // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953. Карта между с. 24 и с. 25.
25. *Лихачев Д.С.* 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л., 1947. С. 164; 2) Историко-литературный очерк о «Повести временных лет» // Повесть временных лет. Ч. II. Приложения. М.–Л., 1950. С. 12, 119.
26. *Рыбаков Б.А.* 1) Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. 1963. С. 53–54; 2) Первые века русской истории. М., 1964. С. 41, 42; 3) Мир истории. Начальные века русской истории. Изд. 2. М., 1987. С. 77, 82, 103.
27. *Русанова И.П.* Территория древлян по археологическим данным // Советская археология. 1960. № 1. С. 63.
28. *Сахаров А.Н.* «Мы от рода русского...». Рождение русской дипломатии. Л., 1986. С. 227.
29. *Сюзюмов М.Я., Иванова С.А.* Комментарии к «Истории» Льва Дьякона // Лев Дьякон. История. М., 1988. С. 200 (комм. 69).
30. *Толочко П.П.* Киевская земля // Древнерусские княжества. М., 1975. С. 25, 51.
31. *Творогов О.В.* Примечания к тексту «Повести временных лет» // Повесть временных лет. Петрозаводск, 1991. С. 178.
32. *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 156, 249.
33. См., например: 1) Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. В двух частях. Часть I. (IX–XIII вв.). Древняя Русь. М., 1953. С. 85, 125, 950; 2) Краткая история СССР. Ч.

1. Л., 1972. С. 29; 3) История России с древнейших времен до 1861 года. Учебник для вузов. М., 1996. С. 39; 4) История России с древнейших времен до конца XVII в. Учебное пособие для студентов вузов. М., 1996. С. 72; 5) Древнерусское государство IX–XVII вв. Учебное пособие для вузов. М., 2006. С. 91.
34. См., например: *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточно-славянская ономастика. М., 1972. С. 28–29; *Нерозник В.П.* Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 79–80.
 35. *Щекатов А.* Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком. Ч. II. Г–К. М., 1804. Стб. 749–750.
 36. Там же. Стб. 285.
 37. *Семенов П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. II. СПб., 1865. С. 366.
 38. Энциклопедический словарь (Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона). Т. XVI (Кн. 31). СПб., 1895. С. 325.
 39. Там же. Т. XIII (Кн. 25). СПб., 1894. С. 369.
 40. Там же. Т. XI (Кн. 21). СПб., 1893. С. 122.
 41. Там же. Т. VII (Кн. 13). СПб., 1892. С. 124.
 42. Большая энциклопедия. Т. X. СПб., 1902. С. 192.
 43. Там же. Т. VIII. СПб., 1902. С. 722.
 44. Новый энциклопедический словарь. Т. XXII. Год и место издания не указаны. Стб. 837.
 45. Там же. Т. XIX. Год и место издания не указаны. Стб. 697.
 46. Там же. Т. XVI. СПб. Год издания не указан. Стб. 722.
 47. См.: *Лященко А.И.* Летописное сказание о мести Ольги древлянам (По поводу статьи проф. А. Брюкнера) // Известия по русскому языку и словесности. Т. II. Кн. I. Л., 1929. С. 330.
 48. БСЭ. Изд. 1. Т. XXIII. М., 1931. Стб. 429.
 49. Там же. Т. XLIII. М., 1939. Стб. 109.
 50. Там же. Т. XXXIV. М., 1937. Стб. 346.
 51. БСЭ. Изд. 2. Т. XXIII. М., 1953. С. 41.
 52. Там же. Т. XV. М., 1952. С. 191.
 53. Там же. Т. XXXI. М., 1955. С. 6.

54. Советская историческая энциклопедия. Т. VI. М., 1965. Стб. 328.
55. БСЭ. Изд. 3. Т. X. М., 1972. Стб. 1371.
56. Там же. Т. XIII. М., 1973. Стб. 596–597.
57. Там же. Т. VIII. М., 1972. Стб. 1452.
58. Правда, еще и в 40-х гг. XX в. встречаются работы, в которых одной из зон расселения древлян называется бассейн р. «Уши», а не р. Уж. См., например: *Державин Н.С.* Славяне в древности. Культурно-исторический очерк. М., 1946. Стб. 24.
59. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Изд. 2. Т. I. Вып. 1. Повесть временных лет. Л., 1926 (репринт: М., 1962; М., 1997). Стб. 55.
60. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Изд. 2. Т. II. СПб., 1908 (репринт: М., 1962; М., 1998). Стб. 43.
61. Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Т. XXXVIII. Л., 1989. С. 28.
62. См.: Там же. Вариант 94.
63. См.: Ипатьевская летопись... Стб. 43. Вариант 19.
64. Лаврентьевская летопись... Стб. 55.
65. Ипатьевская летопись... Стб. 43.
66. Радзивилловская летопись... С. 28.
67. Ипатьевская летопись... Стб. 43.
68. Лаврентьевская летопись... Стб. 58.
69. Ипатьевская летопись... Стб. 46.
70. Там же.
71. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846. С. 23. 25. В этом издании Лаврентьевской летописи нашли отражение не только варианты из Троицкой, но также из Ипатьевской, Радзивилловской и других летописей.
72. См.: Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872. С. 54, 57; СПб., 1897. С. 54, 57; Лаврентьевская летопись... Стб. 55, 58; Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 34, 37; Ипатьевская летопись... Стб. 43, 46; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Изд. 3. Т. II. Вып. 1. Пг., 1923. Стб. 45, 48; Радзивилловская летопись... С. 28, 29.
73. См.: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.–Л., 1950. С. 79.

74. Там же. С. 81.
75. См.: Ипатьевская летопись... Стб. 46; Радзивилловская летопись... С. 29.
76. *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XVI вв. Л., 1976. С. 30.
77. См.: *Насонов А.Н.* Предисловие (к изданию Новгородской первой летописи) // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. С. 11.
78. Новгородская первая летопись... С. 110 и прим. 39–44.
79. Там же. С. 110.
80. Софийская первая летопись // ПСРЛ. Изд. 2. Т. V. Вып. 1. Л., 1925. С. 31; Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. М., 2000. Стб. 45–46; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 1. Пг., 1915 (репринт: М., 2000). С. 37.
81. См.: Софийская первая летопись... С. 31 (прим. под буквой э); Софийская первая летопись старшего извода... Стб. 46.
82. Софийская первая летопись... С. 33; Софийская первая летопись старшего извода... Стб. 48.
83. Новгородская четвертая летопись... С. 39.
84. Там же. С. 39.
85. Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. Ч. I. СПб., 1910 (репринт: М., 2005). С. 55, 57.
86. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863 (репринт: М., 2000). Стб. 57, 60.
87. Там же. Стб. 60.
88. Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. IX. СПб., 1862 (репринт: М., 2000). С. 28.
89. Там же.
90. Густынская летопись // ПСРЛ. Т. XL. СПб., 2003. С. 33.
91. Примеры см.: *Роспонд С.* Указ. соч. С. 29.
92. *Роспонд С.* Указ. соч. С. 28–29.
93. Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. XXX. М., 1965. С. 20.
94. Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856 (репринт: М., 2001). С. 283, 284.
95. Там же. С. 283 и прим. под одной звездочкой.

96. Новгородская Карамзинская летопись // ПСРЛ. Т. LXII. СПб., 2002. С. 36.
97. Там же. С. 37.
98. См., например: Книга житий святых. Июнь–Август. Киев, 1764. Л. 313 об.; Книга житий святых. Июль. М., 1805. Л. 86.
99. См., например: Книга житий святых. Июнь–Август. Киев, 1764. Л. 314 об.; Книга житий святых. Июль. М., 1805. Л. 87.
100. См., например: Книга житий святых. Июнь–Август. Киев, 1764. Л. 315; Книга житий святых. Июль. М., 1805. Л. 87 об.
101. *Третьяков П.Н.* Древнерусские грады... С. 66.
102. *Нерознак В.П.* Указ. соч. С. 79–80.
103. См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. (Е–Муж). М., 1967. С. 335; *Роспонд С.* Указ соч. С. 29.
104. См. об этом: *Русинов В.Н.* Послание епископа Симона к иноку Поликарпу и его источники // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Сборник научных трудов. Н. Новгород, 2002. С. 76–77.
105. Лаврентьевская летопись (рукопись). РНБ. Ф. п. IV. 2. Л. 14 об.
106. Радзивилловская летопись (рукопись). БРАН. 34.5.30. Л. 27 об.
107. Лаврентьевская летопись (рукопись)... Л. 8.
108. Летопись Несторова с продолжениями по Кенигсбергскому списку, до 1206 года // Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен. Ч. I. СПб., 1767. С. 46–47.
109. Там же. С. 50.
110. См.: *Mapa Geographica Regni Poloniae // Atlas novus terrarum orbis imperia, regna et status.* Norimbergae A. 1752. № 42.

Житие блаженного Петра, царевича Ордынско- го: история текста

«Житие блаженного Петра» (царевича Ордынского) — один из самых оригинальных памятников ростовской литературы, который привлекал и привлекает внимание исследователей необычностью формы и содержания. В.О. Ключевский писал: «По литературной форме житие царевича — простая повесть, чуждая житейных приемов, без предисловия в начале, без похвалы и чудес в конце, хотя автор называет Петра блаженным»¹.

Следует сразу отметить, что в научной литературе за этим агиографическим произведением закрепилось название «Повесть о Петре, царевиче Ордынском», не соответствующее тому, которое читается в заголовках абсолютного большинства списков («Житие блаженного Петра»). В данной статье оба названия используются как равнозначные.

Литературная жизнь памятника продолжалась в течение нескольких столетий: Житие Петра Ордынского активно переписывалось в XVI–XVII вв., а в состав рукописных сборников оно включалось вплоть до XIX в. Во второй половине XIX в. это произведение попало в поле зрения исследователей, и в числе первых должно быть названо имя известного русского филолога и искусствоведа Ф.И. Буслаева. Именно его исследование «Повести о Петре, царевиче Ордынском» (или, как он писал, «сказания» о Петре Ордынском)², вышедшее за рамки пересказа и отдельных замечаний, послужило началом научного подхода к тексту памятника. Отдельным аспектам поэтики и истории его текста посвящены работы В.О. Ключевского, М.О. Скрипиля, Л.А. Дмитриева, Я.С. Лурье, Р.П. Дмитриевой³. Кроме того, некоторые агиографические элементы «Жития блаженного Петра» рассматривались в трудах церковных авторов: архи-

епископа Филарета (Гумилевского), митрополита Макария (Булгакова), Е.Е. Голубинского, Н. Чуфаровского⁴. Конкретные исторические детали, которыми так богат этот памятник, обусловили интерес к нему не только литературоведов, но и историков: А.Н. Насонова, И.У. Будовница, М.Д. Полубояриновой, Н.С. Борисова и других⁵, обращавшихся к «Житию Петра Ордынского» как к источнику по социально-политической истории России и, прежде всего, по истории взаимоотношений Ростовского княжества с Ордой. В то же время еще первые исследователи произведения обратили внимание на тесное переплетение в нем исторических и легендарных элементов, поэтому одним из наиболее интересных и спорных вопросов при изучении «Повести» всегда был вопрос о времени появления и исторической основе этого памятника⁶. Датировка памятника колеблется у разных исследователей от начала XIV в. до конца XV в.

Определенным этапом, подводящим итоги в изучении «Повести о Петре, царевиче Ордынском», стала коллективная монография группы исследователей древнейших славянских литератур на славянском семинаре Свободного университета Берлина. Авторы поставили перед собой задачу «провести систематическое литературно-социологическое изучение» отдельного русского средневекового текста (цель — отработка методологии изучения текстов древнерусских произведений как источников историко-социологической информации). Именно поэтому авторы ограничились обобщением уже написанного до них русскими исследователями: по их собственному признанию, они смогли ознакомиться только с «небольшой частью рукописей», сознательно оставляя текстологические вопросы будущим исследователям⁷.

«Житие блаженного Петра» («Повесть о Петре, царевиче Ордынском») неоднократно публиковалось по разным спи-

скам⁸; последние издания текста, в основу которых положен список из собрания Софийской библиотеки № 1364, снабжены кратким историческим комментарием; Р.П. Дмитриевой для публикации в Памятниках литературы Древней Руси (ПЛДР) был избран тот же список, но в него внесены исправления по списку РНБ (Соловецкое собрание, № 854/954)⁹.

Таким образом, несмотря на определенный интерес к произведению, оно до сих пор не имеет издания, подготовленного на основе текстологического исследования и соответствующего современным научным требованиям. Спорные вопросы рассматривались без достаточной связи с историей текста. Рассматривая вопросы датировки и определяя жанр произведения, исследователи, в сущности, имели в виду только одну редакцию¹⁰ (Основную, по терминологии данной статьи¹¹), поскольку существование вторичных редакций — Минейной¹² и Житийной¹³ — только констатировалось, а Проложная и Особая редакции не выделялись вообще.

Популярность «Жития блаженного Петра» (царевича Ордынского) в древнерусской книжности XV–XIX вв. обусловила то обстоятельство, что этот памятник сохранился в большом количестве списков. К настоящему моменту нам удалось обнаружить 126 списков. Произведение имеет сравнительно небольшой объем и поэтому редко переписывалось отдельно, чаще всего оно включалось в состав сборников.

Проведенное автором палеографическое исследование позволяет утверждать, что два списка памятника можно отнести к концу XV в. (а точнее — к его последнему десятилетию) и, следовательно, считать их древнейшими из обнаруженных. Поскольку до настоящего времени считалось, что древнейшие списки «Повести» относятся к началу XVI

в., а вопрос этот весьма важен для решения проблемы датировки произведения, следует дать им более развернутую характеристику.

Первый список находится в составе сборника из собрания Софийской библиотеки (далее — РНБ, Соф. 1389), который содержит почти исключительно русский материал, в том числе и ростовский: память Исидора Твердислова; память, «слово о внесении телесе» и чудеса Леонтия Ростовского; преставление Игнатия Ростовского. По листам 1–4 читается запись «Книга Кирилова монастыря», свидетельствующая о принадлежности рукописи Кирилло-Белозерскому монастырю.

Этот сборник (РНБ, Соф. 1389) был подробно описан Д.И. Абрамовичем и датирован им по почерку XVI в.¹⁴, водяные знаки были описаны им очень приблизительно. В инвентарной описи собрания мы находим ту же дату — XVI в. — без каких-либо уточнений филигранологических наблюдений Д.И. Абрамовича. Поэтому нами был проведен более тщательный филигранологический анализ, на основании которого список и был отнесен к последнему десятилетию XV в.¹⁵:

1) латинская буква «P» готическая типа — Брикe 8666 (1481 г.)¹⁶;

2) голова быка типа — Пикар IV, 416 (1489 г.); Пикар II, 164 (1482–1486 гг.)¹⁷;

3) латинская буква «Y» готическая типа — Брикe 9184 (1483 г.);

4) на листах «Повести» (лл. 493–501) — агнец пасхальный типа Mošin № 40, 1488 (-95) гг.¹⁸

Второй из указанных древнейших списков «Повести» хранится в РГБ (собр. П.Н. Никифорова, № 421) и, по описанию собрания, входит в состав сборника житий конца XV — начала XVI в. При более подробном филигранологиче-

ском анализе рукописи удалось, к сожалению, подыскать аналогии, только для двух из имеющихся филиграней:

1) агнец пасхальный, ближе всего — Mošín № 40, 1488 (-95) г.;

2) рука типа — Брикe 11401 (1486 г.).

Не идентифицированы следующие знаки: единорог; буква «P» латинская готическая; буква «P» латинская готическая под цветком.

Вероятно, и в этом случае все-таки возможна датировка рукописи в пределах последнего десятилетия XV в. Кроме «Жития блаженного Петра» сборник содержит среди прочего материала службу, житие и слово похвальное Леонтию Ростовскому, житие Кирилла Белозерского. Каких-либо записей, владельческих или вкладных, рукопись не имеет.

Проведенный текстологический анализ 117 списков¹⁹ «Жития блаженного Петра» («Повести о Петре, царевиче Ордынском») позволил выделить 5 редакций произведения: **Основную** (к ней относится преобладающая часть списков), **Минейную**, **Проложную**, **Особую** (представленную всего одним, сильно отличающимся от прочих списком), **Житийную**.

Основная редакция представлена самой большой группой списков — к ней относятся 84 из 117 проанализированных текстов²⁰, в их число попадают и оба списка конца XV в. Именно эта редакция привлекала внимание исследователей, и именно ее имели в виду авторы, обращавшиеся к «Повести» в рамках решения более общих литературоведческих задач. Текст «Повести» в этой редакции был опубликован М.О. Скрипилем²¹ и в ПЛДР²².

Заглавие списков Основной редакции может иметь несколько вариантов, при этом наиболее изменчивым оказывается его начало: *«Житие блаженнаго Петра, братанича царева Беркина, како прииде в страх Божий и умилился ду-*

шею, и пришед из Орды в Ростов, и крестися, и како видение виде святых апостол Петра и Павла на поли, иде же ныне церкви стоит святых апостол Петра и Павла», «Житие блаженнаго Петра, братанича царева зовомаго Беркина...», «Житие и жизнь блаженнаго Петра, братанича царева Беркина...», «Житие святого благовернаго и преподобнаго Петра царевича, ростовского чудотворца...» и т. д. Кроме того, были обнаружены единичные списки, озаглавленные как «Слово о Петре царевиче»²³ и «Житие святого отца нашего Кирила архиепископа ростовскаго»²⁴.

Остальная часть заглавия довольно стабильна, и только еще один момент обращает на себя внимание: группа списков Основной редакции содержит дату прихода царевича в Ростов: «...и пришед из Орды в Ростов в лето 6761...». Источник этой даты (1253 г.) пока неясен, но она появляется в списках уже начала XVI в. О противоречии ее тексту самого памятника писал еще В.О. Ключевский²⁵, поскольку Петр ушел из Орды с епископом Кириллом при хане Берке, который стал ханом после смерти своего брата Бату (Батыея) в 1256/1257 г. Еще менее соответствует хронологии «Повести» эта дата, указанная как год преставления Петра царевича в «Службе Петру царевичу»²⁶, печатном Прологе 1662 г.²⁷, «Житиях святых» Димитрия Ростовского²⁸ и многих справочных изданиях XIX в.²⁹ Трудно представить себе причину, по которой эта дата была бы сознательно исключена из текста: более вероятно, что этот вариант текста дает вторичное чтение.

Для списков Основной редакции вообще характерно наличие массы мелких, незначительных разночтений, происхождение которых объясняется преимущественно механическими пропусками и ошибками, основанными на неверном прочтении текста. Текст варьировался на очень раннем этапе, уже в начале XVI в. Тот факт, что разночтения не яв-

лялись результатом сознательного редактирования и переосмысления текста, а следовательно, не несли идеологической нагрузки, объясняет и наличие значительной доли списков сводного характера, поскольку отсутствие идейных расхождений не создавало трудностей при сличении списков и создании компилятивных текстов.

В Приложении к статье помещен текст Основной редакции по списку конца XV в. (РНБ, Соф. 1389). Как показывает проведенное текстологическое исследование, этот текст является наиболее близким к архетипу, в силу чего более предпочтителен для публикации и сравнительного анализа, нежели список Соф. 1364, который был выбран для публикации М.О. Скрипилем и затем повторен в издании ПЛДР.

Минейная редакция. Название «Минейная» для этой редакции «Повести о Петре, царевиче Ордынском» было предложено Я.С. Лурье³⁰ и представляется вполне подходящим, поскольку отражает важный этап в развитии произведения — включении его в состав Великих Миней Четиих (ВМЧ) митрополита Макария. «Житие блаженного Петра» читается уже в Софийском списке³¹, затем в том же виде оно помещается в Успенский список ВМЧ³². Эта редакция не получила широкого распространения в рукописной традиции: удалось обнаружить и проанализировать всего 10 списков.

Самый ранний — Софийский список ВМЧ — был передан Макарием в библиотеку Софийского собора в 1541 г. Как известно, работа над Софийским сводом была начата в Новгороде в 1529/1530 г. Идея Макария собрать воедино «все чтомые» на Руси оригинальные и переводные книги, создав тем самым грандиозный свод ежедневного чтения, потребовала трудов «многих различных писарей» и книжников, использования всех подвластных архиепископу новгородских и псковских библиотек. Огромная составительская и редакторская работа касалась не только отбора мате-

риала, но и единого, торжественного и велеречивого, стиля его изложения, то есть предусматривала существенную идейно-стилистическую переработку произведения. Поэтому, как показывают многочисленные исследования, «как правило, включение памятника в ВМЧ приводило к созданию его новой редакции»³³. В этом смысле «Житие блаженного Петра» не представляет исключения. Однако характер переработки текста и сам избранный для этого источник (список) весьма любопытны для исследования.

На первый взгляд, Минейная редакция «Повести» действительно имеет существенные отличия. Сопоставление текстов Основной и Минейной редакций показывает, что в тексте ВМЧ отсутствуют эпизоды, повествующие о внуке Петра, пользовавшемся покровительством в Орде и задававшем «пирования владыкам и клиросу», и о победе рыбаков из вотчины Петра в своеобразном состязании с «градскими ловцами» рыбы, послужившем толчком к начавшемуся спору за владение Ростовским озером. Однако это не является результатом сознательной правки редакторов Макарьевского кружка, как отмечалось ранее исследователями³⁴, а, как показывает текстологическое исследование, проистекает из дефекта источника, избранного для составления новой редакции. Не располагая точными данными о том, какая рукопись была выбрана для работы составителями ВМЧ, мы можем тем не менее указать вариант Основной редакции (три списка начала XVI в.), характерной особенностью которого является пропуск именно одного из фрагментов³⁵. Можно ли считать, что сознательно избран именно этот вариант текста или же в распоряжении редакторов был единственный список произведения? Анализ текста Софийского списка ВМЧ заставляет усомниться в том, что составители располагали несколькими списками «Жития блаженного Петра», по двум причинам.

Во-первых, в результате пропуска значительного фрагмента логика повествования оказалась явно нарушенной, и текст принял очень непонятный вид. Сопоставим этот фрагмент текста в списке из группы-источника и в Софийском списке ВМЧ:

<p>Вариант Основной редакции (Иосифо-Волоколамск., № 640)</p>	<p>Минейная редакция (Софийский, 1322)</p>
<p>«(Младши же князи) тако пожиши лета многа, зазирающе Петровым детем: "Грамоты на нь не взяте, да уже не ловят ловци ваши"».</p>	<p>«(Младши же князи) тако пожиши лета многа, зазирающе Петровым детем и глаголаста: "Нашеи грамоты на нь не взяте, на тые земли и лугове. Да уже не ловят ловци ваши"».</p>

Где ловят и какие ловцы — непонятно, поскольку эпизод о рыбной ловле отсутствует. Какой грамоты и на что — тоже неясно, поэтому в списке ВМЧ добавляется «на тые земли и лугове» (тогда как речь идет о Ростовском озере), а перед следующей фразой о сбывшемся пророчестве старого князя об «обиде внук пред грамотою» повторяются слова князя, разъясняющие Петру необходимость написания грамоты: «Да не отимают тех земля мои дети и внуци у твоих детеи и у внукъ по нас». Как видим, в списке ВМЧ сделана попытка осмысления не вполне понятного фрагмента, но в пределах наличествующего текста списка, путем повторения фраз из предыдущих эпизодов произведения, то есть без привлечения какого-либо иного текста.

Во-вторых, Софийский список копирует явно дефектные чтения списков из группы-источника. Например: «Тои же ноци и владыце явистася страсшаа ж его святаа апосто-

ла» (вместо — страшна); «Беши бо тогда в Ростове ординьстови ординьстееи велможса» (вместо — в Ростове ординьстии велможсе). Еще более доказательны дефектные чтения, появляющиеся в результате типичной ошибки переписчика — «прыжка от сходного к сходному»³⁶, когда происходит пропуск слова или нескольких слов между сходными словами. Приведем только два примера, когда список ВМЧ точно копирует пропуски текста-источника (пропущенные слова помещены в квадратные скобки): «Друзе Петре, услышана бысть молитва твоя [и милостыня твоя] възыдоша пред Бог», или «Ахмыл же взя тешь у Игната [и целова Игната] и поклонися владыце».

Если предположить, что в руках новгородских книжников были другие списки произведения, то трудно представить причину сохранения всего комплекса разночтений, пропусков и дефектных чтений, особенно если принять во внимание, что памятник был не просто переписан, но и отредактирован.

Учитывая тот известный факт, что Макарий создавал книжный свод, «используя постоянные связи с книгописным центром Иосифо-Волоколамского монастыря»³⁷, составители Минейной редакции могли, например, работать с рукописью из библиотеки этого монастыря, хранящейся ныне в РГБ (собр. Иосифо-Волоколамского мон-ря, № 640). В составе данного сборника имеется дефектный список «Жития блаженного Петра», в котором отсутствует именно этот фрагмент текста и содержится весь комплекс ошибочных чтений. Однако это всего лишь предположение, для доказательства которого требуется провести более детальный палеографический и текстологический анализ.

Таким образом следует сделать вывод, что исключение из текста ВМЧ эпизода о внуке Петра и рыбной ловле не является результатом сознательной работы над текстом ре-

дакторов Макарьевского кружка и должно считаться следствием дефекта избранного списка. Правка сводилась в основном к пояснению некоторых деталей повествования и украшению текста вполне традиционными риторическими фигурами с целью придания ему большей торжественности. Так, юный отрок, придя в Ростов, видит не только церковь, украшенную золотом, но и *«чюдные честныя иконы жемчюгом»*; целые дни проводит Петр в святилище у владыки, *«Богу моляся крепко»*, и т. п. Кроме того, в Минейной редакции Ахмыл получил титул «царя», а после упоминания о смерти Игнатия, очевидно для того, чтобы «вписать» произведение в создаваемый свод, связать его с другим агиографическим памятником — житием ростовского епископа Игнатия — в текст была добавлена следующая ремарка: *«О сих же чудесех святителя инде скажем»*.

В Успенский список ВМЧ текст «Жития блаженного Петра» был перенесен из Софийского списка без каких-либо заметных изменений, хотя работа над Успенским списком продолжалась до 1552 г., и Макарий, уже став митрополитом «всех Руси», мог привлекать к работе писцов и книжников различных городов и монастырей со всех концов России. К сожалению, нам не удалось проанализировать текст памятника в Царском списке. Сошлемся, однако, на сноску, сопровождающую наблюдения Я.С. Лурье, согласно которой «текст "Великих Миней" по Софийскому списку во всех приведенных примерах совпадает с текстом Успенского и Царского списков»³⁸, из чего следует, что пропуск текста обнаруживается и в Царском списке.

В XVII в. текст «Жития блаженного Петра» из ВМЧ последовательно включается в Чудовские Миней Четьи, предназначенные для чтения в московских кремлевских соборах (Архангельском и Благовещенском) и в Чудовском монастыре, в Миней Четьи Германа Тулупова, составленные по указанию архимандрита Дионисия

указанию архимандрита Дионисия специально для Троицкого монастыря, и в Минеи Четьи Иоанна Милютина. Следует обратить внимание на тот факт, что даже Иоанн Милютин, отличительной чертой работы которого, по мнению исследователей, был источниковедческий подход к рукописным памятникам и который стремился писать с «разумных списков»³⁹, в качестве «истинного» выбрал текст ВМЧ.

Проложная редакция. В процессе работы с рукописными сборниками удалось выявить разновидность текста произведения, характерной чертой которого является особая, типичная для всех проложных житий, краткость формы. И заглавие («*Месяца июня в 29 день блаженнаго царевича Петра Ростовскаго*»), и начало текста («*Сеи убо блаженнии Петр от царскаго корене Ординских цареи...*») отличают его от других редакций. Этот вид текста содержится в сборнике конца XVII в. из собрания Уварова⁴⁰, в сборнике XIX в. из Латгальского собрания⁴¹, а также, с небольшим дополнением, в Латухинской степенной книге⁴².

Проложная редакция представляет собой как бы «конспект» одного элемента агиографической схемы — подвижничества Петра (крещение и основание им монастыря). Остальные сюжетные линии (споры о земельных владениях, нашествие Ахмыла), все аспекты взаимоотношений Петра и ростовского князя и т. п. эта редакция опускает. За рамками изложения оказывается все «чудесное»: и чудесные мешочки с неубывающими монетами на приобретение земли, и «чудесная» неприкосновенность купленной на эти деньги земли для монастыря. Сюжет как бы «сворачивается», из него «извлекаются только отдельные события как примеры на самые важные — с агиографической точки зрения — ~~на~~ **истинные тексты в основном**⁴³ в рукописные сборники, вполне ясен: все три указанные рукописи практически точ-

но воспроизводят текст, помещенный в издании Пролога 1661–1662 гг.⁴⁴ Это издание было наиболее крупной переработкой XVII в., поскольку в Пролог 1661–1662 гг. были включены многочисленные статьи о русских святых (на 39 статей больше, чем в предыдущее издание 1659–1660 гг.)⁴⁵. В качестве источника некоторых дополнительных статей этого издания предположительно называются Минеи Четьи Иоанна Милютина. Сличение текстов, проведенное В.А. Кучкиным, показало, что для группы статей рассматриваемого издания Пролога источник определяется уже не предположительно, а вполне точно — это «Книга степенная царского родословия», созданная по поручению и при жизни митрополита Макария около 1560–1563 гг. Текстуально совпадают или близки соответствующим текстам «Степенной книги» многие статьи о русских князьях и митрополитах (Михаиле Ярославиче Тверском, Васильке Константиновиче Ростовском, митрополите Феогносте и т. д.), имеющие стилистически единообразное начало, где подробно перечисляются родственники и предки основных персонажей проложных рассказов. В этот ряд вполне органично вписывается и начало статьи о Петре Ростовском, однако, в отличие от указанных В.А. Кучкиным статей, жизнеописание царевича Петра не было включено в «Книгу Степенную царского родословия». Едва ли причиной этого могло послужить отсутствие сведений о Петре в летописях. Исследователи «Степенной книги» отмечали, что составитель этого памятника использовал исторические материалы, но при этом создал и целый ряд новых рассказов, отсутствующих в летописных источниках⁴⁶. Возможно, причина заключалась в том, что «Степенная книга» была задумана, прежде всего, как торжественный сборник сказаний о русских князьях и патриархах, связанных генеалогически единой цепью святых московских государей и их предков.

В силу краткости Проложной редакции определить ее источник чрезвычайно затруднительно, тем более, что и Основная, и Минейная редакции имеют в принципе единую сюжетную схему. В пользу Минейной редакции свидетельствует лишь тот факт, что владыка Кирилл в тексте Проложной редакции, так же как и в Минейной, именуется «архиепископом». Заканчивается текст Проложной редакции датой успения Петра — «в лето 6761» (1253). В списках одного из вариантов Основной редакции этот год читается в названии как дата прихода царевича в Ростов; как дата успения Петра он появляется в тексте службы Петру царевичу: «Житие блаженнаго Петра царевича и чудотворца преставление в лето 6761-е...»⁴⁷. Таким образом, Проложная редакция «Повести» представляет собой, по-видимому, результат работы справщиков, готовивших издание Пролога 1661–1662 гг., которые использовали текст Минейной редакции и Службы Петру царевичу, «прикрепив» его к изданию стереотипным началом.

Проложная редакция не получила широкого распространения в рукописных сборниках, но в XVII в. Тихон Макарьевский (монах Макарьево-Желтоводского монастыря) счел возможным включить ее в состав созданного им компилятивного памятника — Латухинской Степенной повести. Исследователи отмечают, что Тихон, заимствуя общий план своего труда (т. е. располагая исторические главки-рассказы по царствованиям) и опираясь во многом на показания Макарьевской «Степенной», значительно расширил рамки повествования, привлекая свидетельства других источников⁴⁸. Характерной чертой созданного им памятника является стремление к всеохватности событий: в поле его зрения оказываются не только московские государи и их предки, он дает подробные сведения и о других русских землях. Причиной включения Тихоном сведений о Петре в

текст Латухинской степенной книги и послужило, возможно, это стремление расширить рамки повествования, а появившееся (при издании Пролога) новое начало жития с указанием на происхождение Петра *«от царскаго корене»* сделало это включение идеологически обоснованным. Таким образом, Проложная редакция проделала не типичный путь (из Макарьевской «Степенной» — в печатное издание Пролога), но, напротив, из Пролога, благодаря появившемуся по аналогии с другими статьями началу, — в Латухинскую степенную книгу.

Особая редакция. Эта редакция представлена единственным, достаточно сильно отличающимся от Основной редакции, списком (РНБ, собр. ОЛДП Q-109). Рукопись была подробно описана Х. Лопаревым⁴⁹. Это сборник в четверку на 540 листах, переписанный скорописью одной руки XVII в., с красивыми заставками. На л.17 запись: *«Книга сия куплена в Ростове февраля 27, 1836 году, Москва»*. Кроме того, на л.165об. и на л. 202об. в конце статей сборника сделаны две записи вязью: *«Сия книга Офонки Киркина»* и *«Сия книга глаголемая соборникъ Афонки Каркина писана 7150»*, то есть в 1642 г. На основе, очевидно, второй записи Х. Лопаревым и было сделано следующее предположение: *«Рукопись написана в 1642 году и принадлежала Афанасию Каркину, может быть самому переписчику»*⁵⁰.

Состав «Сборника» разнообразен: в него входят слова и поучения, жития и памяти как греческих, так и русских святых. В рукописи помещены также две статьи, дающие косвенные указания на источники, которыми пользовался переписчик при ее составлении: *«Предисловие двумнадесятиим минеям месечным, егда убо изволи государь царь и великий князь Михаило Федорович всея Руси превести печатным тиснением з древних переводов»* и *«Описание и объявление в кратце новья книги полугоду летнего пролога печатнаго*

како царьскому велению напечатана бысть» (Нач.: «Веды убо он государь [Михаил Федорович. — М.Б.] многое неисправление в божественных книгах древлележаще...»). Но печатание Пролога на март-август месяцы было завершено на Московском Печатном Дворе 6 декабря 1643 г. Как известно, это первое издание летнего Пролога. Следовательно, работа переписчика над рукописью продолжалась и после 1642 г. — даты, указанной в записи. Если добавить к этому, что обе записи помещены в середине сборника, выполнены профессиональной вязью, а для имени выбрана самоуничтожительная форма (Офонка/Афонка), то можно, на наш взгляд, вполне уверенно говорить о том, что именно Афанасий Каркин (Киркин) был переписчиком рукописи.

Что же представляет собой переписанный Афанасием Каркиным (Киркиным) текст, в оглавлении рукописи помеченный как «Житие преподобного Петра царевича ростовского чудотворца»? Первый лист с началом произведения утрачен⁵¹, и текст начинается со слов: «...ение святых божия церкви и его пречистыя матере. И тако отпустиша епископа Кирила в Ростов с великою честью и несчетным богатством...». Поскольку дальнейший текст в целом повторяет сюжетную канву Основной редакции (крещение царевича, явление ему апостолов, покупка земли, основание монастыря, состязание в рыбной ловле, нашествие Ахмыла), можно предполагать, что утраченный в рукописи лист содержал текст с описанием исцеления ханского сына и проповеди епископа Кирилла в Орде.

Текстологический анализ рукописи показывает, что в основу данной редакции произведения был положен список Основной редакции. В качестве наиболее вероятного источника укажем рукопись из собрания ИРЛИ (Отд. пост. 1983, оп. 24, № 150 — 3-я четверть XVI в.), им мог быть и близкий ему список. Указанный текст отличается от других спи-

сков Основной редакции рядом индивидуальных чтений, которые повторяются в списке Особой редакции. Например: внуки старого князя *«завидующе Петровым детем, еже в род свои ноипаче велию честь... приимаху»* (вместо *«зазирающим Петровымъ детемъ, еже в Орде честь приимаху»*); Игнат берет *«тешь царскую»* — питье, *«кречаты и шуты»* (вместо *«шубы»*). Доказательством служит и то обстоятельство, что пропуски текста в списке ИРЛИ не были восполнены и в списке Особой редакции. Так, например, в списке ИРЛИ в эпизоде покупки Петром земли опущен фрагмент текста с мыслью князя: *«У тебе колико отлучит от ужаста владыки от святых апостол?»*, соответственно в списке Особой редакции этот момент также отсутствует. Поскольку в списке ИРЛИ пропущены обращенные к Игнату слова Ахмыла *«Царева кость, наше племя!»*, то мы не находим этой яркой детали и в списке Общества любителей древней письменности (ОЛДП) и т. д.

«Повесть о Петре, царевиче Ордынском» подверглась старательной переработке на протяжении всего текста, хотя по существу ее содержание осталось неизменным и каких-либо дополнительных эпизодов или известий включено не было. Очевидно, составителя Особой редакции не удовлетворяла сжатость изложения оригинала: с целью внести полную ясность он распространяет и разъясняет текст. Примеров такого рода можно привести достаточно. В Основной редакции епископ Прохор, исцеляя сына Ахмыла, дает ему выпить освященной воды и осеняет крестом, и тот *«бысть здрав»*, в Особой редакции к этому добавлено *«яко николи же боле»*. По поводу грамот на земли, которые князь предлагает написать для Петра, составитель также счел нужным уточнить, что грамоты были *«жаловалныя и отводныя»*. Чудо с неубывающими деньгами в Основной редакции описано одной фразой: *«Видев же князь и владыка*

множество серебра и золота, еже бы 10 выход дати, а мешца целы...». Такая краткость, очевидно, показалась составителю малоубедительным свидетельством достоверности и значительности свершившегося, и он дает свою версию: «Видев же епископ Игнатии и князь ростовский, и вси бояре, и прочии всяких чинов люди предивное и несказанное чюдо, сколько царевич Петр из мешца своего взимаше серебра и золота, а в мешце не убываше, но паче умножашеся...».

Составитель также вносит правку с целью изменить стиль изложения, сделать его более эмоционально окрашенным: юный отрок просит о крещении и припадает к ногам владыки *«с плачем и со слезами»*, а после крещения *«радостен же отходит от купели»*. К слову *«радость»* непременно прибавляется определение *«великая»*, а ордынский посол произносит свой приговор *«с яростию»*.

Что же касается симпатий составителя, то они целиком на стороне Петра и его потомков. Особенно ясно это ощущается в эпизоде прихода ордынского посла. Его повеление прийти с грамотами ростовские князья выслушивают со *«страхом и трепетом»*. Суров и приговор посла: *«Ложны бо суть грамоты ваша... соимите воды своя с чюжие земли и где хотите на своих землях положите, а землю монастырьскую им отдайте»*, на который князья отвечают *«с великим срамом»*, что воду снять невозможно. В своем стремлении осудить ростовских князей, подчеркнуть, что земли именно монастырские, составитель даже не замечает, как он разрушает искусно выстроенное, лаконичное и чрезвычайно остроумное разрешение спора, которое предлагает Основная редакция.

Безусловно, составителем Особой редакции был человек начитанный, хорошо знавший агиографический стиль своего времени. Об этом свидетельствуют внесенные им в текст традиционные формулировки типа *«ваша христиан-*

ская суцкая истинная непорочная вера и Бог вашъ Исус Христос, истинный Сын Божии небеснаго Бога Отца вседержителя и творца всем тварем видимым и невидимым». Составитель вводит в текст и такие выражения: «долу влекущая мудрования», «князь с прочими своими стратиги», «прежнопомянутые прекрасныя новыя полаты» и т. д.

Оставляя без изменения общую сюжетную схему и композиционную структуру Основной редакции, редактор сделал робкую попытку восполнить некоторые недостающие элементы агиографической схемы. Так, юный царевич в его трактовке не просто уединяется и размышляет над проповедью владыки Кирилла, он еще *«и отбегает проклятыя своея бусермантския татарския Орды»*. В момент покупки земли автор вдруг вспоминает, что *«Петр бесчисленное богатство в татарскои своеи Орде раздая нищим и пленником руским еще поган и не просвящен святым крещением»*, а после основания церкви Петр *«наипаче нача простиратис на духовные подвиги и уединятис мятежу мирскаго»*. Это, конечно, еще не самостоятельные сюжетные звенья, но интересен сам факт ощущения редактором неполноты житийной схемы и стремление как-то восполнить лакуны в изображении юности и подвижничества Петра. Поэтому с точки зрения композиционной структуры Особую редакцию можно охарактеризовать как робкий шаг в сторону приближения к агиографическому канону.

Кто же был составителем Особой редакции? Мог ли быть им переписчик Афанасий Каркин (Киркин)? Для ответа на этот вопрос был проанализирован характер правки текста других статей сборника, источником которых также послужил Пролог 1643 г.: *«Апреля 21. Память св. великомученика Феодора в Пергии памфилийстей»*, *«Мая 15. Память Ефросина Псковского»*, *«Мая 15. Память Исайи, епископа ростовского чудотворца»*. Внесенные в эти произведения по-

правки оказались близкими по характеру изменениям в тексте «Повести» — они также не затрагивают содержания, не вносят новых эпизодов, а лишь дополняют и распространяют уже имеющийся текст. Для этого используются и традиционные риторические формулы (вместо «*преставися о Господе*» — «*преставис к Богу, ему же слава ныне и присно и во веки веком*»), и добавления, усиливающие эмоциональную окрашенность текста (вместо «*повеле бити*» — «*повеле игемон бити его нещадно*»). Но особенно любопытно добавление, внесенное в текст «Памяти Исаяи, епископа ростовского чудотворца», которое касается города Ростова: переписчик называет его градом «*преименитым и славнейшим*». Учитывая, что данная рукопись была куплена в 1836 г. в Ростове, а также то обстоятельство, что старательной переработке подверглось произведение именно ростовского цикла — «Повесть о Петре, царевиче Ордынском» — в качестве гипотезы можно принять, что составителем Особой редакции был переписчик Сборника, ростовец Афанасий Каркин (Киркин).

Житийная редакция. Выбор наименования «Житийная» для обозначения этой редакции «Повести» вряд ли можно считать удачным в силу возникающей тавтологии (Житийная редакция «Жития блаженного Петра»), однако этот термин уже применялся в исследованиях, поэтому был принят во избежание терминологической путаницы.

На существование Житийной редакции указывали многие исследователи «Повести», отчетливую формулировку мы находим уже в работе Н. Корсунского, им же было указано, что эта разновидность текста вошла в четьи-минеи под 30 июня⁵². Под ними следует понимать, разумеется, четьи-минеи Димитрия Ростовского, так как в ВМЧ она помещена под 29 июня.

Авторами западноберлинского коллективного монографического исследования «Die Erzählung über Petr Ordynskij» выделение этой редакции (Vitenfassung) было подробно обосновано, а ее текст помещен в приложении к изданию⁵³. Однако авторы, по их собственному признанию, использовали, в основном, опубликованные описания рукописей и не опирались на предварительный текстологический анализ. К Житийной редакции ими были отнесены два списка XVII в. (из собрания Уварова и Латгальского собрания), которые в действительности относятся к Проложной редакции. Это и привело исследователей к неверному выводу: рукописи этой редакции восходят к XVII–XIX вв., а сама редакция «в сжатой форме появилась еще в 16 столетии»⁵⁴. Причина ошибки заключается, очевидно, в текстуальной близости начальных слов Проложной и Житийной редакций произведения.

Большая часть списков дает следующее название: «*В той же день (вариант — «Месяца июня в 30 день») память блаженнаго Петра царевича Ростовскаго*». Начало текста отличает эту редакцию от всех, уже рассмотренных выше: «*Блаженный Петр рода бьяше цареи ордынских, племянник по брате царя Беркая*». Всего на данный момент нами обнаружено 7 списков конца XVIII в. (самый ранний из них — 1768 г.)⁵⁵ и XIX в., практически без изменений повторяющих текст печатного издания — четвертой книги «Житий святых» Дмитрия Ростовского⁵⁶.

Известно, что над книгой житий Дмитрий Ростовский работал в течение 20 лет, начав ее 6 мая 1684 г. в Киево-Печерской лавре и закончив 9 февраля 1705 г., когда он уже стал митрополитом Ростова и Ярославля. Исследователи отмечают, что «источниковедческая работа, проделанная Дмитрием Ростовским при подготовке Миней-Четий, огромна, и круг использованных источников разнообразен»⁵⁷, однако

главным исходным материалом служили ему Великие Минеи Четьи митрополита Макария. Сам Димитрий подчеркивал, что ВМЧ были им «со вниманием чтомы» и что он «от них же многую приемши пользу»⁵⁸. Об этом же свидетельствует и его письмо к Феологу: «Обретаются у меня три великия минеи Июнь Июль Август... Тые четьи со мною в Ростов привезены суть...»⁵⁹.

Димитрий прибыл в Ростов 1 марта 1702 г., и «окончание четьих-минеи [июнь-август месяцы — М.Б.] составляло одну из главных забот Святителя в первые три года его управления Ростовскою паствою»⁶⁰. Кроме работы над минеями, его в это время занимала, видимо, мысль собрать всевозможные сведения о своей епархии, что составляло бы вместе с тем и дополнение к минеям. По мнению И.А. Шляпкина, первоначально это было собрание житий ростовских святых. Такое намерение подтверждается письмом Димитрия Ростовского, датированным октябрем 1704 г. и адресованным Иову, митрополиту Новгородскому: «...хотящу ми собрати жития святых ростовских чудотворцов, не могу обрести полного жития преподобнаго Авраамия чудотворца... тако же и жития святаго Леонтия и святаго Иакова, епископов Ростовских, несть в полности; аще и бяху та писана древле, но многими бывшими разорении погибоша... аще обрящутся, прикажи преписать скорописно и к моему недостоинству прислать...». Соответственно можно предполагать, что «Житие» Петра царевича у него было. Это подтверждает и анализ текста жития, составленного им для своей книги.

Кроме ВМЧ Димитрий Ростовский, безусловно, имел текст Проложной редакции (отсюда текстуальная близость начальных слов, общая схема изложения: сокращение текста, выделение из сюжета линии только основного персонажа и завершение его кончиной Петра, а также дата его

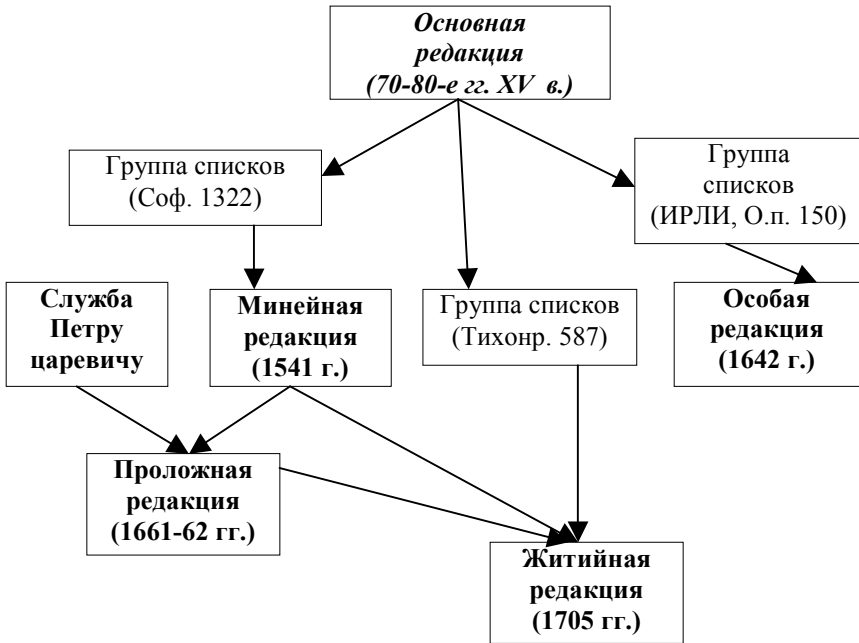
успения — 1253 г.). Но он, очевидно, пользовался еще и списком одного из вариантов Основной редакции⁶¹, имевшим заметные отличия. На этот источник указывают следующие моменты: в тексте Житийной редакции, также как в группе списков этого варианта, владыка устраивает монастырь одновременно с церковью, а не после кончины Петра (как в других списках Основной редакции и Минейной); можно привести также примеры прямой текстуальной зависимости Житийной редакции от списков этой группы:

Минейная редакция (Соф. 1322)	Основная редакция, группа списков (Тихонр. 587)	Житийная редакция (Титова 1978)
«по его бо животе князи ярославстии и годовнии и оброки носят над гроб его» (л. 230 об.)	«по епископле животе Кирилове повеле князем ростовским и ярославским оброки своя годовья давати в дом пречистыя на гроб святаго Леонтия» (л. 563 об.)	«и повеление свое царь даде князем ростовским и ярославским да царския дани годовья дают в дом Пречистыя Богоматере Ростовския епископии» (л. 258 об.)
«(Петр) в ужаси вьста и паде дважды и трижды» (л. 231)	«(Петр) от ужаси вьста и падеся в трепете» (л. 565 об.)	«(Петр) востав скоро от лежания трепетен» (л. 259 об.)

Итак, Житийная редакция памятника представляет собой компилятивный текст⁶², составленный Димитрием Ростовским для июньской книги «Житий святых» с использованием текстов Основной, Минейной и Проложной редакций. При этом были отброшены все эпизоды произведения после смерти основного персонажа, а сам текст подвергся значительной переработке в стиле агиобиографического повествования.

Опираясь на выводы, полученные при текстологическом анализе списков, схему взаимоотношения редакций можно представить следующим образом:

**Взаимоотношение редакций «Жития блаженного Петра»
 («Повести о Петре, царевиче Ордынском»)**

Далее впервые публикуется текст «Жития блаженного Петра» (царевича Ордынского) по рукописи конца XV в. (РНБ, собр. Соф. библиотеки, № 1389. лл. 493–501). При воспроизведении текста сохранены все его орфографические особенности. Из надстрочных обозначений оставлены выносные буквы и знаки титл. Разделение текста на фразы и абзацы произведено с учетом его логико-смысловой структуры. Знаки пунктуации расставлены в основном по современным правилам, а в необходимых случаях исходя из синтаксической специфики контекста.

ЖИТИЕ БЛАЖЕННОГО ПЕТРА (ЦАРЕВИЧА ОРДЫНСКОГО)

(Повесть о Петре, царевиче Ордынском)

Текст

(РНБ, собр. Соф. библиотеки,
№ 1389, лл. 493–501об. Конец XV в.)

л. 493

Житѣе бланнаго Петра, вратанича црѣва Беркина, како прииде въ стра Бжїи и оумилевса дшею, и прише изъ Орды въ Ростовъ, и крѣиса, и како видѣние видѣ стѣи апль Петра и Павла на поли, идѣ же ннѣ црквїи стоять стѣихъ апль Петра и Павла. Блви, ѡ.

Стмоу епкѡпѡ Ростовъскѡмѡ Квѣрилоу ходашѡ въ Татары съ честїю къ црю Беркѣ за дѡ стѣи Бца. Црь же слышавъ ѡ него ѡ стѣмъ Леонтїи, еже ѡ Греческѣна землѡ родѡ, како крѣи гра Ростовъ, како звѣри люди, како блгвенїемъ патриарха прїиде, и како чѣ приа роукѣи княси и ѡ греческаго цра и патриарха, и ѡ всего вселеньскаго сѣбора, и како по преставленїи его съдѣваютсѡ чудеса ѡ раки мощии его и до сего дне, и ина многа повченїа ѡ евъскѣи стѣи оуказанїи. И слышавъ црь Берка ѡ епкѡпа,

възрадовася и почтїи и, и въдасть емѡ, его же тре-
вѣеть, и ѿпжеть. Да смѣю рещи, црѣь Берка, по его
во животѣ княси тарославьстїи годовьнїи оброкты
носають на гробѣ его.

л.493об.

Етъ то же лѣто разволѣся снѣ его, единѣ во вѣ
оу него. Црѣь же ѿ врачейъ не обрѣте || ползты, но
змышели сици. Посла въ Ростовѣ по стго влѣкѡ и обѣ-
ща емѡ дары многы, да исцѣлитъ сна его. Кѣка же
повелѣвъ, пѣвъ мольбены в Ростовѣ по всемоу грау,
вѣтивъ водѡ и пришѣ въ Татары, исцѣли сна црѣва.
Црѣь же възрадовася съ всекмѣ домогѣ и всею
Гордою своею и повелѣ давати влѣкѣ шрокты го-
довьнїи въ домѣ стѣа Бца.

Нѣкто же отрокѣ, брата црѣва снѣ, юнѣ сын,
прѣстола прѣ црѣмѣ всеѣа, слыша повчениа стго
влѣкѣ, замисля дшею и прослезися, вѣходѣ на поле
оуединѣася и размышляла: «Како си вѣрѣють цри
наши слѣцѡ семѡ и мѣцѡ, и звѣзѣамѣ, и огневи, и кто
сѣи ѣ истинныи Бгѣ?» Размышляла, акты и древнїи
Ибраамѣ. (Г) благого корене и лѣторасль блага, а сѣи
отрѣ ѿ злаго корене лѣторасль блага. И змышели си-
це: ити съ стѣамѣ и видѣти вжѣнницѡ Рѣскѣа
земля, чудеса вѣваема: «Етъ нашихъ божницахъ
ѿ слѣца сего и ѿ мѣца, и ѿ огна чудеса не вѣва-
ють!»

Етъ во тогда ѿцѡ его, братѡ црѣвѡ, оумерьшѡ, а
мѣтери его дрѣжащи многа имѣнїа емѡ. Онѣ же вса
та ни въ что же мнѣше дшею своею, развѣ единомѡ

вѣрѣ. Мати || же его, слезащи о размыслѣ отрока, и показа емоу именїа многа ѿца его. Онъ же въсѣта разѣ ницимъ татарскѣи требющїимъ и много именїа вѣща, и ставъсѣ вѣ, акы древнїи Мельхиседекъ, снъ црѣвъ, избѣжа, велию себѣ благодать преже крщениа приобрѣте, иереи саномъ почтесѣ. Тако и сѣ отрокъ приа преже крщениа сице въ разумъ. О такомъ бо Гѣ въ евлїи рече: «Мнози боудѣтъ прѣвїи послѣднїи, а послѣдни прѣвїи». И прїиде сѣ вѣкою въ Ростовъ, видѣ цркъвѣ зкрашенѣ златѣ и женчюгомъ, и драгымъ каменїемъ, акы невѣстоу оукрашенноу, и въ неи пѣнїа доврогланаа, тако же аггльска, вѣ бо тогда въ цркви стѣя Бѣа лѣвѣи крилѣ греческѣ поахоу, а правѣи рѣскѣ.

Слышавъ же сїа отрокъ сынъ въ невѣроїи, и огонь възгорѣсѣ въ срѣци его, възгыде лѣна въ змѣ его, въсїа слнѣ въ дшїи его. Припаде к ногама стѣго вѣкы и рѣ: «Гѣ, стѣе Бжїи, азъ размышлѣ о возѣхѣ црѣвѣи и о родительскѣхъ, и о слнѣци, и о лоунѣ, и о огни, тако тварь сѣтъ, а ваша вѣра права и добра, вашъ Бгъ истиннѣи. Молю тѣ, да бѣи и азъ приалъ стѣе крщение!» || Вѣка же почѣтивъ и, и повелѣ ждати, вѣ бо размышлѣа о искани отрока.

И по малѣ времени и црю Беркѣ змершѣ, Ордѣ матѣсисѣ, и исканиа отрокѣ не вѣ. Крѣи сего отрока стѣи вѣка и нарече имѣ емѣ Петрѣ. И вѣ Петрѣ въ зченїи Гнїи по всѣ днїи въ стѣлицѣи и з

вѣкѣ. И прѣстависѧ стѣни вѣка Кѡриль, и погребѡша
 его чѣтно съ пѣми, вѣчнаѧ емѡ памѧ! И прита пре-
 столѣ стѣни вѣка Игнатїи, и начѧ крѣтити шловомиъ и
 дно мостити мраморомиъ храмѣ стѣни Бѣдѧ ростовѣ-
 скыѧ, въ Ордѡ ходѧ, емѧ швѡрокы цѣрѣскыѧ.
 Петръ же, тако навѣче ѡ вѣкѣ мѡтѣвы плачевныѧ
 днѣвныѧ и ноциныѧ приносити къ Богѡ, и непре-
 станнаго поста не оставаасѧ, и цѣрѣскыѧ своѧ не
 прѣставаѧ стѣхы, вѣ вѣгѣздѧ при езерѣ Ростѡстѣмѣ
 птицами лѡва. И единою же емѡ при езерѣ лѡващѡу,
 по швѣчнѣки мѡтѣвѣ оуспѡ. И вечерѡ глѡубѡкѡ сѡщѡ, и
 прїидѡста к немѡмѡ¹ два мѡжа свѣтѧ сѡща, акы
 слнѣе, и вѣзѣдистѧ и, глѣще: «Дрѡже Петре,
 оуслѣшана вѣи мѡтѣва твоѧ и милѡстѣина твоѧ
 вѣзѣдоша прѣ Бгѡмѡ!» Олѣ чѡдо, братиѣ, како не
 ѡдивимсѧ милѡстивнѣки силѣ вѣ невѣрїи раздѧннѣ, ||
 а вѣ вѣрѣ слѣшано вѣити, акы древнїи Сѡстаѡїи
 Плакѣда вѣ невѣрїи милѡстѣина даѧ вѣ, а вѣ вѣрѣ
 како сии сѡгѣбѣи зѣ прїѧ мѡзѣи и по трѡдѣ црѣвнѣ
 нѣноѡ. О сѡи бо милѡстѣини Гѣ рече своимѣми² ѡс-
 тѣи: «Не ѡ ли птицѣ на единой цѣвнѣстѣ цѡтѣ, ни
 единая ѡ не забвѣна естѣ прѣ Бгѡмѡ!» Тако ти и сѡго
 блжѣнаго Петра мѡтѣини вѣ невѣрїи раздѧна, а вѣ
 вѣрѣ и мѡлитвѣ оуслѣшана вѣи.

Петръ же, вѣзѣвноуѣвѣ, видѣ два силѡ мѡжа пачѣ
 вѣзраста члѣѧ, мнѣти емѡ ѡ ѡжѡсти акы до

¹ Так в рукописи. В других списках — «к нему».

² Так в рукописи. В других списках — «своими».

влакѣ, а свѣтлостію акты весь мирѣ осияючи, въ
 ѡжасті вѣставѣ и падеса дваши, вѣта и падеса и
 въ третіи такоже. Сиа же свѣтлаа мѡжа ѡста и за
 рѡкоу и глѡста емѡ: «Дрѡже Петре, не вѡнеса. Вѣ есвѣ
 послана къ тебѣ Бѡгомѣ, вѣн же вѣрова, и крѣтиса,
 ѡкрѣпи рѡ твои и племя, и вѣноуци твои до сконч-
 анїа мира и вѣзѡти тебѣ мѡздѡ милостынаа твоеса,
 а противѡ трѡдомѣ твоимѣ вѣчнаа благаа
 прїимеши!» И вѡдѡста емѡ два мѣшѣца и глѡста:
 «Вѣзми сїа мѣшѣца, въ единомѣ ти злато, а въ
 дрѡзѣмѣ сребро. Ѣтро да идеше въ гра, вѣымѣниши
 три иконѣ: иконѡ || стѣпа Бѡца съ младеньцемѣ,
 иконѡ стѣго Димитриѡ и стѣго Николѣ, и вѣдѡси на
 нихѣ, еже просѡтъ мѡнащїи». Петрѣ же вѣзрѣвѣ на
 на и видѣ акты члѡва, и вѣзѡ мѣшѣца, и мнѣвѣ,
 акты въ Татарѣ племя его ѡкрѣпѡста, не разѡмѣ
 глѡмаго ими и, съвѣра ѡма, рѣ има: «Господиѡ моѡ,
 аще вѣпросѡтъ мѣнащїи мѣшець ѡ иконѣ, что
 сътворю? Я вѣи кѣто есте?» И рѣста емѡ два свѣтлаа
 мѡжа: «Мѣшѣца сїа да дрѡжиши ѡ себе въ запазѡсѣ,
 инѣми не довѣдоми, а вѣпросѡтъ мѣнащїи ·❖·
 сребренѣи, а десѡтѣи златѣ, и тѣи дажѣ по
 единомѡ. И вѣземѣ иконѣ да идеши къ влѡцѣ и
 рѣци емѡ: "Петрѣ и Павелѣ, Хѣа аплѡ, послѡста мѡ
 кѣ тобѣ, да ѡстроиши црѡковѣ, идѣ же азѣ спѡ при
 езерѣ. Я се знамение єю: иконѣ сиа вѣымѣнихѣ, а
 мѣшѣца сиа вѣдѡста ми. Да что ми велиши сътво-
 рити?" И елико ти речѣтъ сътворити, сътвори. Я вѣ

л.495об.

есѣѣ Хвѣ апла Петръ и Павелъ». И невидима въста. Смотрите, братие, не ложь ли е рекъи: «Прославлюща ма, рече, прославию». Како ти сего Петра Бѣ прослави млтѣина его ради!

л.496

Тъжиже ноши и влѣѣ гавистася страшна стѣа апла и рѣста емоу: || «Да ѡстроиши црѣвь изъ епѣопиа слзѣѣ нашеѣ Петръ, много ко влѣѣ злата въ епѣопию въда, и остиши ю въ наше има. Яце ли сего не сътвориши, тѣ смертию ѡморивѣ тѣ!» И се рекъша невидима въста. И стѣи Игнатїи въставѣ ѡ съна, и размышла ѡ видѣнїи, злата и сребра много въ епѣопїи вѣ, призва князя и рече емѣ: «Что сътворю, не вѣдѣ. Ивиста ми сѣ Петръ и Павелъ, акты на иконѣ зрактъ ею, ѡстраши ма, а глѣты ею: оустроити црѣвь своѣ. И не вѣмѣ, гдѣ, камо!» Князь же рече емѣ: «Вижѣ тѣ, ги, ѡжасна сѣца!» Сиа же имѣ вѣсѣдѣюшимъ въ епѣопїи, и ѡзрѣ кня Петра идѣща ѡ црѣве стѣиѣ Бѣа въ епѣопїи, и свѣтѣ силиющъ ѡ иконѣ его въше црѣви, паче огня, и ѡжасася и рече: «(Ѣ) влѣк, что е сїи огонь!?» Сїи мнѣти имѣ члѣка горѣща. Инѣ же никто же не видѣше огня.

л.496об.

Петръ же оутро иде въ гѣа, вземѣ иконы по повелѣнїю стѣи апла, иде въ епѣопїю и поставѣ иконы прѣѣ княземѣ и влѣкою, покѣлонсѣ до земли и рѣ: «(Ѣ) влѣко, Петръ и Павѣ¹ Хвѣ апла, посласѣ ма к теѣѣ, да оустроити црѣвь, идѣ же азѣ спѣ при езерѣѣ, а се ти естѣ знамение ею, а мѣшца сиа въда ||

ста ми. И да что ми велиши створити?»

Бѣ же в то в то² время прѣ слѣжькою, кнѣзь^ѣ и вѣла въстаста и поклонистеса стѣмъ иконамъ, и не вѣдахъ, ѡкъдъ сѣть: писца въ градѣ не вѣи ихъ, Петра знаахъ юна сѣца, а ѡ Татаръ. И въпрашахъ и: «Кто сѣть мѣнащїи иконы сїа?» Петръ же рече: «На трѣгъ вѣменихъ ја, гїи». И размышлахъ о видѣнїи, аще сѣмъ вѣйти. Свѣтъ же въ храминѣ ѡ иконъ, идѣ же вѣахъ, акъ сѣнце. И вѣси прѣстоащїи ѣжасошася, и по слѣжьвѣ пѣвѣ молѣбенъ стѣки Гѣжи Бѣи и стѣмъ Димитрию, и стѣмъ Николѣ. И почѣсти стѣи Игнатїи Петра, и повелѣ възъйти на колесницѣ съ иконами, и повелѣ ити до мѣста, идѣ же спа. Самъ же вѣла и кнѣзь, и весь градъ проводиста съ пѣсньми иконы до мѣста Петрова, и на мѣстѣ спанїа поста молбенъ стѣмъ апѣмъ. Кнѣзь же и вѣла на молбенѣ съ слезами и радостиж призыва-ста има стѣхъ апѣ Петра и Павла и шрекоста имъ домъ и села, сїи молбенъ подхъ. И людїе клѣтъ съградиша повелѣнїемъ кнѣза, привезъше изъ града, плотомъ оградивше, възвратишася. И тѣ Петръ || иконы постави.

л.497

Кнѣ же всѣ на конь и, глѣмшася, рече Петръ: «Петре, вѣла тебѣ церковь тебѣ³ ѣстроитъ, а азъ мѣста не дамъ, что сътвориши?». Петръ же рѣ: «Повелѣнїемъ, кнѣже, стѣхъ апѣ азъ кѣплю ѣ тебе, елико ѡлѣчитъ вѣлѣтъ твоа и зѣмла сѣа». Кнѣзь же, тако ви-

дѣ мѣшца Петрова въ епѣкѣи, помолча и помысли:
 «Оу тебе колико ѿлѣчитъ ѿ ѡжастн вѣкты ѿ стѣхъ
 апѣлъ?» И рече в себѣ: «Аще мощно еси быти, тако
 прѣ Илїи бы: "Гръсть мѣкты не оскѣдѣеть, водоносъ
 водты не погивнетъ, чванецъ масла не оумалитса?"»
 И рече, играа, Петрѣ: «Петре, въпросѣ тѣ, тако же вѣда
 на иконѣ, сице по моеи земли кладѣши ли ••• литрѣ
 сребра, а десаттын златѣ? Сътвориши ли тако?»
 Петрѣ же рече: «Сѣи апѣи рекоша ми, тако же вѣка
 повелитъ сътворити, сътворю, да въпрашаю, гѣи». И
 въпраша вѣкты. Владыка же въземѣ крѣтъ, блѣвѣи и
 и рѣ: «Чѣдо Петрѣ, Гѣ рѣ своии ѡсты: "Есакомѣ
 просѣемѣ оу тебе даи". Ты оубо, чѣдо, не пощади
 родитель имѣниа, пишеть бо са: "Чванецъ масла не
 оумалитса, грѣсть моукты не оскѣдѣеть". Млѣвож, чѣ-
 до, стѣи апѣлъ || рѣ твои блѣвнѣ вѣдетъ. Дѣжѣ кнѣ-
 сю волю, тако же хоцетъ». Петрѣ же поклонса вѣцѣ
 до земли и вѣрѣ гавѣ глѣмѣ егѣ, пришѣ кѣ кнѣзю,
 и рече емѣ: «Да вѣдетъ, кнѣже, вола стѣи апѣлъ и
 твоа».

л.497об.

И повелѣ кнѣ извлѣши верѣвь ѿ водты до воротѣ,
 ѿ ворѣ двѣ згѣла, ѿ оугла вѣзлѣ езеро, се мѣкето
 великѣе! Петрѣ же рѣ: «Да повелиши, кнѣже, ровѣ
 копати, тако же и въ Ѣрдѣ вѣываетъ, да не вѣдетъ
 погывенїа мѣкѣтѣ томѣ». И бысть тако. И гражѣне,
 иже провозѣахѣ иконты, въ тѣи чѣ ископаша ровѣ,
 иже естъ и дѣнѣкѣ. Петрѣ же нача ѿ водты класти,
 емѣа из мѣшець по единомѣ ••• литрѣ сребра, а

десѣтѣи златѣ. И наполниша возила Петровѣи иконѣ и тѣмъ колесница, на нихъ же клѣтѣ възѣахѣ, едва можѣахѣ, како не двизати ѿ. Видѣвъ же князь и вѣла множѣство сребра и злата, еже бы ·1· вѣхѣ дати, а мѣщици цѣлы, и рѣша къ себѣ: «Что се есть, Гїи? Не по нашимъ грѣхомъ сиа сътворишася, велию бо вѣтъ члвкъ съи обрѣте прѣ Бгѣмъ!» И дивишася милости Божїи и силѣ стѣхъ аплѣ. И поставльше стражи оу двора Петрова, ѡвѣщаннѣмъ люди, иже на молвенѣ. || И повелѣша Петръ ити на конь. И вѣи радость велиа въ градѣ, почѣстиша Петра великою честию и многѣми дары, и на многѣ дни поюще молѣвенѣ, прославляхѣ Бога и стѣхъ аплѣ о чудеси, вѣвшѣ в наша дни. И многѣ даанию вѣвшоу, милостѣина и кърѣмленїю нищихъ.

Не вѣдѣше же Петръ, что сие сътвориса о чудеси семѣ, и вѣ мѣча оуединлася. Видѣвъ же князь и вѣла Петра оумлѣкающа и рѣша къ себѣ: «Яще съ мѣжѣ, црѣво племя, идетъ въ Ордѣ, вѣдетъ спона градѣ нашемѣ». Бѣ бо Петръ възрастомѣ великѣ, а лицемѣ красенѣ. И рѣша емѣ: «Петре, хоцѣши, поимѣвѣ за тѣ невѣстѣ?» Петръ же прослезився и ѡвѣща: «Язь, гїи, възлюбїи вашѣ вѣроу и оставль родительскѣю вѣрѣ, и прїидѣ къ вамѣ. Болѣ Гїи и ваша да вѣдетъ!» Князь же поимѣ емѣ ѡ великѣи велиѣ невѣстѣ, вѣша бо тогѣ в Ростовѣ вѣрдиньстїи велѣможе. Вѣла же вѣнча Петра и вѣстрои црѣвь емѣ, и стїю по заповѣди стѣхъ аплѣ.

Кнѣзь же поимаше Петра на црѣкѣю ѡколо
 езера съ гастребы, тѣшаше его, да бы сѧ въ на ||
 шеи вѣрѣ ѡдрѣжа. И рече емѣ: «Петре, велию ты
 блѣтъ обрѣте предѣ Бгѡмъ и градѣ нашемѣ. Писано
 бо естъ: "Что въздастъ Гѡи ѡ вѣѣ, также въздастъ
 намъ?" Прїими, гнѣ Петре, малое се земля нашеѧ
 ѡтчинты противѣ дома стѣи аплѣ ѡ езера сего, а азъ
 текѣ грамоты испишѣ». Ѣвѣщавъ же Петръ:
 «Язъ, кнѣже, ѡ оца и ѡ матере не знаю землею
 владѣти. Я грамоты сѧ чемѣ сѣтъ?» Кнѣзь жь рѣ:
 «Язъ текѣ все оуражю, Петре. Я грамоты сѣтъ на се,
 да не ѡнимають тѣхъ земля мои дѣти и внуци ѡ
 твой вѣкъ по насъ». Петръ же рече: «Болѧ Гнѣ да
 вѣди, кнѣже». И повелѣ кнѣ прѣ влѣкою писати гра-
 моты: множество земля, ѡ езера воды и лѣсы, также
 сѣтъ и доннѣ. И ѡрадиша Петрѣ домты по его земля-
 мѣ.

Орда же тогда тиха бѣ на многа лѣта, вѣхѣ бо
 Петрови слѧцы ѡвѣтты, добрыѧ обѣчаѧ въ всемѣ.
 И тольми люблѧше кнѣзь Петра, тако хлѣба безъ него
 не гастъ, гѧ влѣцѣ братати и въ црѣви съ кнѣземѣ.
 И прозвасѧ Петръ братъ кнѣзю.

И родишасѧ Петрѣ снѡве в него мѣсто. И по малѣ
 лѣтѣ стѣи Игнатїи престависѧ, приѧ црѣво нѣное,
 вѣчнаѧ || емѣ память. Старыи же кнѣ по влѣцѣ не по
 мноѣ днѣ престависѧ. Сего же кнѣзѧ дѣти звахѣ
 Петра дадею до старости. И мирна лѣта многа
 живѣже преставишѧ, Петръ же въ глѡвоцѣ старости

въ мнишьскомъ чинѣ къ Гѣ ѿиде, его же възлюби. И положиша и ѡ стѣго Петра, оу его спалища. И ѿ того днѣ оустависа монастырь сїи.

Видци же старого князя забѣша Петра и добродѣтель его, начаша ѿимати лѣзи и украинты земля оу Петровѣ дѣти. Снѣ же Петровѣ шѣ въ Ордѣ, сказа сѣ врата црѣва внѣкъ. И възрадовашасѣ емѣ дади его, и почѣтиша его, и многы дары даша ему, и посолѣ оу црѣ исправиша емѣ. Пришѣ же посолѣ црѣвѣ въ Ростовѣ, възрѣвѣ въ грамоты Петровы и старого князя и соуди ѿ, и положи рѣежи землямъ по грамотамъ старого князя, и справи Петрова снѣ, и въдавѣ емѣ грамотѣ съ златою печатію, еже ѡ младѣи князеи, внѣкъ старого князя, по црѣвѣ словѣ, и ѿдѣ.

л.499об.

Младѣи же князи рѣша къ себѣ и къ своимъ болгаромъ: «Слышахомъ, еже родители наши звахѣ дадеж сего ѿца Петра, дѣ || бо нашъ много ѡ него сребра взѣ, вратасѣ с нимъ въ цркви, а рѣ татарсѣ, кость не нашѣ. Что се естъ намъ за племя? Сребра намъ не остави ни сїи, ни родители наши». И сицевыми бесѣдами глахоу и не искахѣ чудотворенїи стѣ аплѣ, а прародитель любовь забѣша. И тако пожиша лѣта многа, зазирающе Петровымъ дѣтемъ, еже въ Ордѣ вѣше ихъ чѣ принимахѣ.

Снѣ же Петровѣ родишасѣ снѣве и дѣщери, въ глѣвоцѣ старости къ Гѣ ѿиде. Внѣкъ же Петровѣ, именемъ Юрїи, тако же навѣче ѡ родителѣ свой чѣ

творити стѣки Гжи Бци въ Ростовѣ и гривны на ню възлагати, и пированіа влѣкамъ и всемъ кѣросъ, и съвороу црковномъ, и празнникомъ стѣи аплѣ Петра и Павла, и памяти творити родитель и прародитель, вѣчнаѧ ѧ памяти по всѧ лѣта.

Ловцемъ же ѧ задѣвахътсѧ рывы паче градскыи ловецъ. Яще бы играа Петровстїи ловци врьгли сѣѧ, то множество рывъ, а градъстїи ловци, троужаюцесѧ много, вскдѣвахъ. Рѣша же ловци княземъ: «Господие князи, аще Петровъстїи ловци не престануть лови || ти, то езеро наше едетъ пѣсто, они во всѧ рывы поимахъ!» Правнѣци же стараго князя глаша Юрїю: «Слышахомъ испрѣва, еже дѣдъ вашъ грамоты възъ оу прародитель нашѧ на мѣсто монастыря вашего и рѣбеки землямъ его. Я езеро есть наше, грамоты на нь не възъае! Да же не ловають ловци ваши!» И свѣстьсѧ пророчество стараго князя, брата Петрова, еже рѣ о обидѣ вѣнскъ прѣ грамотою. Слышав же ю⁴ сїа Юрїи, вѣнскъ Петровъ, и иде въ Ордъ, и сказасѧ правнѣкъ врата црѣва. Дѣди же его чьстѣми мнозѣми почтоша и дары многы даша, и посолъ ѿ црѧ исправиша емъ. Прїиде же посолъ въ Ростовъ и сѣде при езерѣ ѧ стѣго Петра. И вѣи воезнь княземъ црѣва посла. И сѣди ѧ съ вѣнскыи Петровыми. Юрїи же прѣ посломъ положи всѧ грамоты, и посолъ възрѣвъ въ грамоты, и рѣ княземъ: «Не ложь ли сѣть грамоты сїа, кѣпла сѧ? Баша ли ѧ вода, ѧ ли пѣ нею земля? Мо-

л.500об. жете ли водѣ снати съ земля тоа?» И ѿвѣщаша князи и рѣша: «Ѹи, ги, не ложь сѣть грамоты сѧ. Я земля пѡ нею естъ. Я вода наша естъ ѿчина, ги. Я снати еа не може, || ги». И рѣе посолъ сѣце, црѣвѣ сѣдѧ: «Яще не можете снати водѣ съ земля, то почто своею именѣта? Я сътвореніе естъ въшнѧго Бога на сѣжѣвѣ всѣмъ члѡкомъ!» И присѣди въкомъ Петровѣмъ, Юрию, какъ ѣ кѣпѧ землямъ, такъ и водамъ. И вѣдасть Юрию грамотѣ съ златою печатню по црѣвѣ словѣ, и ѿиде.

Князи же не можахѣ зла творити Юрию. И зтишисѧ житѣе ѧ на многа лѣта. И славѧхѣ Бога, тако же навѣкоша ѣ родителъ творити памяти стѣмъ аплѣмъ съ слезами и радостию, поминающе съ възѣхѧниемъ чюдеса ѧ, и памяти годовнѧи родителъ с великыми мѡстѣнѧми.

Възрасте же правнѣкъ Петровѣ, а Юриевѣ снѣ Игнатѣ, и при его житѣи сѣдѣсѧ се. Приде Ахмѣмъ на Рѣскѣю землю и пожже градѣ Ирославѣ, и поиде къ Ростовѣ съ всею силою своею. И зстрашисѧ его всѧ земля, и вѣжаша князи ростовѣстѣи, и влѧка повѣже Похорѣ. Игнатѣ же извлече мечъ и згна влѧкѣ, и рѣе елѣ: «Яще не идеши со мною противѣ Ахмѣмъ, то самѣ посѣкѣ тѧ. Наше естъ племя и сродичи». И послѣша его влѧка, и со всѣмъ клиросомъ въ ризѧ, възѣ || крѣтъ и хорѣговѣ, поиде противѣ Ахмѣмъ. Я Игнатѣ прѣ крѣты съ гражданъ, въземѣ тѣшѣ црѣскѣю, кречетѣ, шѣвѣ и питие, краи полѧ и езера

л.501

ста на колѣнѣхъ прѣѣ Яхъмыломъ и сказа сѣ емѣ оу⁵
древнаго брата црѣва племя: «Я се естъ село црѣво и
твое, ги, кѣпла прадѣда нашего, иде же чюдеса
творяхъ сѣ, ги». Страшно же естъ видѣти рать его
въоруженѣ. И рече Яхъмылъ: «Ты тѣшь подаеши, а
сѣи кто сѣтъ въ вѣла ризѣ и хорѣговъ сѣа, егда сѣ-
щисѣ с нами хотѣтъ!?» Игнатъ же ѡвѣща: «Сѣи
бгомолци црѣви и твои сѣтъ, да блѣватъ тѣ. Я се
ношахъ вожницѣхъ по законѣхъ нашимѣ».

В то же время оу Ярославѣ в тѣжѣцѣхъ недѣзѣхъ
вѣи снѣ Яхъмыловѣ, вожакѣтъ и на возилѣхъ. И по-
велѣ вести снѣа, да блѣвитъ его. Бѣла же Прохоръ
сѣтивѣ водѣ и вѣда емѣ пити, и блѣви его крѣомъ, и
вѣи здравѣ. Яхъмылъ же видѣ снѣа здрава и възрадо-
васѣ, сниде с конѣа противѣхъ крѣомѣхъ, и въздѣвѣхъ рѣ-
цѣхъ на нѣо и рече: «Блѣвнѣхъ Бѣхъ вѣшнѣи, иже вложи
ми въ сѣрце итѣти до зѣхъ. Праведенѣхъ еси, ги епѣкѣ
Прохоре, гакѣ мѣтѣва твоѣа вѣскрѣси снѣа моего.
Блѣвенѣхъ ты, Игнате, иже спасе лѣдѣ своѣа и сѣбѣлюде
грѣа сѣхъ. Црѣва кость, наше племя! || Еже ти зде вѣ-
детъ Овида, да не лѣнисѣа итѣти до насѣ!» И вземѣхъ
·мѣ· литръ сребра, вѣда вѣцѣхъ, а тридесѣтъ литръ
вѣда клиросѣхъ его. И взѣа тѣшь оу Игната, и цѣлова
Игната, и поклонь сѣа вѣцѣхъ, и възиде на конѣ, и ѡиде
въсвоисѣ. Игнатъ же провозѣхъ Яхъмыла, възвратисѣ
сѣхъ вѣлкою и сѣхъ градѣанѣхъ⁶, и възрадовашасѣа, и пѣвѣхъ
молвенѣхъ, прославиша Бога :~

Дажѣхъ, Ги, стѣхъхъ почитающѣи и пишущѣи

Л.501об.

древнѣихъ сихъ прародитель дѣланіа, зде и въ бѣдѣ-
щемъ вѣцѣ. Я Петровъ семъ родъ съблюденіе и зми-
ноженіе, живота не оскѣдѣеть, радость бес печали,
вѣчнѣна ихъ памяти до скончаніа мира. Бѣгъ нашею
слава всегда, ѿнѣ и прѣно и вѣ вѣкы вѣкомъ,
аминь:~

ЖИТИЕ БЛАЖЕННОГО ПЕТРА (ЦАРЕВИЧА ОРДЫНСКОГО)

(Повесть о Петре, царевице Ордынском)

Перевод

Житие блаженного Петра, племянника царя Берке, как пришел он в страх Божий и умилился душою, и придя из Орды в Ростов, крестился, и как в видении видел святых апостолов Петра и Павла на поле, где ныне церковь стоит святых апостолов Петра и Павла. Благослови, отче.

Святой епископ ростовский Кирилл ходил в Орду на поклон к царю Берке, радея о храме святой Богородицы. Царь же слышал от него о святом Леонтии, который родом был из Греческой земли, как крестил он тот город Ростов и привел в веру людей, как пришел по благословению патриарха и как почести принял от русских князей и от греческого царя, и патриарха, и от всего вселенского собора, и как после преставления его совершаются чудеса от раки мощей его и до сего времени, и много иных поучений от евангельских святых указаний. И услышав это от епископа, царь Берке возрадовался и почести ему воздал, и пожаловал ему все, что тот просил, и отпустил его. Да смею сказать, царь Берке, что после смерти князя ярославские ежегодные дары приносят на гробницу святого.

В тот же год разболелся сын его, единственный он был у него. Царь же от врачей не обрел пользы и задумал вот что. Послал в Ростов за святым владыкою и обещал ему дары многие, лишь бы исцелил он сына его. Владыка же повелел петь молебны в Ростове по всему городу, освятил воду, и придя в Татарскую землю, исцелил царского сына. Царь

возрадовался со всем домом и со всею Ордою своею, и повелел давать владыке ежегодную дань в храм святой Богородицы.

Некий же отрок, сын брата царева, юный еще, находился всегда рядом с царем. Услышал он поучения святого владыки, умилился душою, прослезился и, выходя на поле ради уединения, размышлял: «Как это веруют цари наши в солнце и месяц, в звезды и огонь, и кто есть истинный Бог?» Размышлял так подобно древнему Аврааму. От благого корня и отрасль благая бывает, а сей отрок был от злого корня благой отраслью. И задумал он вот что: идти ему со святым и увидеть божницу Русской земли и чудеса совершающиеся: «В наших божницах от солнца и от месяца, и от огня чудес не бывает!»

В то время отец его, брат царя, уже умер, и мать хранила для него большое богатство. Он же все это ни во что не ставил, одну только веру имея в душе. Мать же его, удрученная помыслами отрока, показала ему множество богатств отца его. А он все раздал нищим татарским просящим, много и владыке дал, а затем тайно покинул всех, как и древний Мелхиседек, сын царев, который, удалившись, великую себе благодать прежде крещения приобрел и саном иерея почтен был. Так и сей отрок вразумлен был прежде крещения. О таких Господь в Евангелии сказал: «Многие будут первые последними, а последние первыми»*. И пришел он с владыкою в Ростов, увидел церковь, украшенную золотом и жемчугом и драгоценными каменьями, словно невесту наряженную, а в ней пение доброгласное, подобное ангельскому. Ведь тогда в церкви святой Богородицы левый клирос пел по-гречески, а правый по-русски.

Услышал это отрок, пребывавший в неверии, и огонь возгорелся в сердце его, взошла луна в уме его, воссияло солнце в душе его. Припал он к ногам святого владыки и

воскликнул: «Господин, праведник Божий! Размышлял я о богах царя и родителей моих: о солнце и о луне, и об огне — все они сотворены, а ваша вера правая и благая, ваш Бог истинный. Молю тебя, чтобы и я принял святое крещение». Владыка выслушал его просьбу и повелел ждать, ибо размышлял о том, не ищут ли отрока.

Немного времени прошло, и царь Берке умер, в Орде началось смятение, и никто отрока не искал. Тогда крестил отрока святой владыка и нарек имя ему Петр. И проводил Петр все дни в храме и у владыки, учась слову Господнему. И преставился святой владыка Кирилл, и погребли его с песнопениями. Вечная ему память! Вступил на престол святой владыка Игнатий. И начал он в ростовском храме святой Богородицы крыть купола оловом, а пол мостить мрамором, ходя в Орду и собирая оброки царские. Петр же, как научен был владыкою, молитвы слезные дневные и ночные возносил к Богу и соблюдал пост. Но и царской своей утехи не оставил: ездил на охоту с ловчими птицами на Ростовское озеро. Однажды на охоте после обычной молитвы уснул он на берегу озера. Когда же наступил поздний вечер, явились перед ним два мужа, сияющие как солнце, и разбудили его, говоря: «Друг Петр, услышана молитва твоя и милостыня твоя угодна Богу!» О чудо, братия, как не удивимся силе милостыни, в неверии поданной, а по вере услышанной! Так в древности и Евстафий Плакида милостыню подавал в неверии, а в вере вдвойне получил вознаграждение и здесь, и по смерти царствие небесное. О такой милостыне Господь говорит своими устами: «Не пять ли птиц продаются за две монетки, и ни одна из них не забыта у Бога»*. Так и этого блаженного Петра милостыня: в неверии подана, а в вере и молитве услышана.

Петр же, проснувшись, увидел двух мужей, выше роста человеческого, и от ужаса показалось ему, что они до обла-

ков, а сиянием своим как будто весь мир освещают. В страхе встал он и пал ниц дважды, встал и упал, и в третий раз так же. А оба эти светлых мужа взяли его за руку и сказали ему: «Друг Петр, не бойся! Мы посланы к тебе Богом, в которого ты уверовал и крестился, укрепить род твой и племя, и внуков твоих до скончания мира, и вознаградить тебя за милостыню твою, а за труды твои вечных благ удостоишься!» И дали ему два мешочка, сказав: «Возьми эти мешочки, в одном из них золото, а в другом серебро. Утром пойдешь в город и выменяешь три иконы: икону святой Богородицы с младенцем, икону святого Димитрия и святого Николы. И отдашь за них столько, сколько спросят меняющиеся». Петр же взглянул на них и увидел, что похожи они на обычных людей, взял мешочки, подумав, что это в Татарской земле они род его укрепляют: не понял сказанного ими. И собравшись с мыслями, спросил: «Господа мои, а если запросят меняющие мешочек за иконы, что мне делать? А вы сами кто?» И отвечали ему два светлых мужа: «Мешочки эти держи у себя за пазухой, чтобы никто о них не знал. А запросят меняющие девять серебряных монет, а десятую — золотую. И ты отсчитай по одной. А с иконами пойдешь к владыке и скажешь ему: "Петр и Павел, Христовы апостолы, послали меня к тебе, чтобы устроил ты церковь там, где я спал около озера. А вот знамение их: иконы эти я выменял, а мешочки эти они мне дали. Что повелишь мне сделать?" И что он скажет тебе, то и сделай. А мы Христовы апостолы Петр и Павел». И сказав это, они стали невидимы. Смотрите, братья, не ложно сказано: «Прославляющего Меня прославлю»*. Так и Петра прославил Бог за его милостыню!

Той же ночью и владыке явились, устранив его, святые апостолы и сказали: «Устрой церковь в епископии слуге нашему Петру, ибо много золота он в епископию пожерт-

вовал, и освяти ее в наше имя. Если не сделаешь так, то смертью погубим тебя». И сказав это, невидимы стали. Святой же Игнатий, восстав от сна, размышлял о видении, ибо золота и серебра в епископии много было, призвал князя и сказал ему: «Что сделать мне, не ведаю. Явились мне Петр и Павел, обликом как на иконе, устрашили меня и повелели устроить церковь свою, но не знаю, где, в каком месте?» Князь же отвечал: «Вижу, что в ужасе ты, господин». В то же время, когда они беседовали в доме епископа, увидел князь Петра, идущего от церкви святой Богородицы в епископский дом, и свет, сияющий от икон его выше церкви и ярче огня, ужаснулся и воскликнул: «О, владыка, что это за огонь?» Показалось им, что идет человек, охваченный пламенем, но никто другой огня не видел. А Петр утром сходил в город, выменял иконы по повелению святых апостолов и, придя в дом епископа, поставил иконы перед князем и перед владыкою, поклонился им до земли и сказал: «О, владыка! Петр и Павел, апостолы Христовы, послали меня к тебе, чтобы поставил ты церковь там, где я спал около озера. А вот знамение их: мешочки эти они дали мне. Что ты мне повелишь сделать?»

Время же тогда было перед службою. Князь и владыка встали и поклонились святым иконам, не ведая, откуда они, ибо в городе не было иконописца, а о Петре знали, что юн он и из татар. И спрашивали его: «Кто были меняющие иконы эти?» Петр же отвечал: «На торгу я их, господа мои, выменял». И размышляли они о видении, сбудется ли оно. Свет же в доме от икон исходил, как от солнца, и устрашились все находившиеся там. А после службы отпели молебны святой госпоже Богородице, и святому Димитрию, и святому Николе. Тогда воздал почести Петру святой Игнатий, повелел ему взойти на колесницу с иконами и направиться к месту, где тот спал. Сам же владыка, и князь, и

весь город проводили с песнопениями иконы до места Петрова, и на том месте, где он спал, пели молебны святым апостолам. Князь же и владыка во время молебна со слезами и радостию призывали имена святых апостолов Петра и Павла и обещали им (посвященному им храму. — М.Б.) богатства и села. А люди по повелению князя соорудили часовню, привезенную из города, огородили ее оградой и возвратились. И тут Петр иконы поставил.

Князь же, сев на коня, с усмешкой сказал Петру: «Петр, владыка тебе церковь устроит, а я места не дам, что сделаешь?» Петр же ответил: «По повелению, князь, святых апостолов я куплю у тебя столько, сколько отделит благодать твоя от земли этой». Князь же, видевший мешочки Петровы в епископии, помолчал и подумал: «У тебя сколько отделит страх владыки перед святыми апостолами?» И сказал про себя: «Может ли случиться так, как при Илие было: "Горсть муки не оскудеет, сосуд воды не исчерпается, сосуд с маслом не истощится?"»* И сказал, забавляясь, Петру: «Петр, спрошу тебя, сколько отдал за иконы, столько и за мою землю положишь ли: девять литр серебра, а десятый золота? Сделаешь ли так?» Петр же отвечал: «Святые апостолы сказали мне, чтобы я поступил так, как повелит владыка. Спрошу у него». И спросил у владыки. Владыка же взял крест, благословил его и сказал: «Чадо Петр, Господь сказал своими устами: "Всякому, просящему у тебя, дай"* . Ты же, чадо, не пожалел имущества родителей своих по написанному: "Сосуд с маслом не истощится, горсть муки не оскудеет". Молитвою, чадо, святых апостолов род твой благословен будет. Дай князю столько, сколько он хочет». Петр же поклонился владыке до земли и, поверив словам его, пришел к князю и сказал ему: «Да будет, князь, по воле святых апостолов и по твоей!»

И повелел князь отмерить веревкой от воды до ворот, от ворот до угла, от угла к озеру — место обширное! Петр же сказал: «Вели, князь, ров копать, как в Орде делают, чтобы не исчезли границы места этого». И сделали так. Горожане, которые провожали иконы, в тот же час выкопали ров, который и доныне существует. Петр же начал от воды класть, вынимая из мешочков по одной деньге — девять серебряных, а десятую золотую. И наполнились повозки, на которых везли Петровы иконы, и те колесницы, на которых часовню везли, так, что едва можно было сдвинуть их с места. Князь же и владыка, увидев серебро и золото в таком обилии, что уже и десять раз закончиться должно было бы, а мешочки все еще целые, подумали про себя: «Что это, Господи? Не по нашим грехам сие свершилось! Великую благодать этот человек обрел перед Богом!» И дивились милости Божией и силе святых апостолов. Поставили стражей у двора Петрова, людей избранных, которые были на молебне, и повелели Петру сесть на коня. И была в городе радость великая, удостоили Петра больших почестей и наделили множеством даров. Много дней молебны пели, прославляя и благодаря Бога и святых апостолов за чудо, совершившееся в наше время. И много было роздано милостыни и накормлено нищих.

Петр же не понимал, что означало это чудо, пребывал в молчании и уединении. Князь и владыка, видя задумчивость Петра, говорили между собой: «Если этот юноша, царского рода, в Орду уйдет, будет это во вред городу нашему». Ведь был Петр велик ростом и красив лицом. И сказали ему: «Петр, хочешь, сосватаем за тебя невесту?» Петр же, прослезившись, ответил: «Я, господа мои, возлюбил вашу веру, оставил веру родителей своих и пришел к вам. Да будет по воле Господа и по вашей!» Князь же сосватал ему невесту из рода первых вельмож, ибо тогда в Рос-

тове были ордынские вельможи. Владыка венчал Петра и построил для него церковь, и освятил ее по заповеди святых апостолов.

Князь же брал Петра на царскую потеху, охотой с ястребами около озера тешил его, чтобы удержался он в нашей вере. И сказал ему: «Петр, великую ты благодать обрел перед Богом для себя и для города нашего. Написано же: "Что воздам Богу за все, что Он сделал для нас?" Прими же, Петр, малое — земли нашей вотчины вокруг церкви святых апостолов, рядом с этим озером. А я тебе и грамоты напишу». И ответил ему Петр: «Я, князь, ни отцом, ни матерью не научен землею владеть. А грамоты эти для чего?» Князь же ответил: «Я тебе, Петр, все устрою. А грамоты для того, чтобы не отнимали этих земель мои дети и внуки у твоих внуков после нас». И сказал Петр: «Да будет, князь, воля Господня!» И повелел князь перед владыкою писать грамоты на многие земли, воды озерные и леса, и грамоты эти есть и доныне. И передали Петру имущество на его землях.

Орда же тогда надолго успокоилась: получал Петр оттуда хорошие вести. И во всем соблюдались добрые отношения. И так возлюбил князь Петра, что и за трапезу без него не садился, и побратал его владыка в церкви с князем, и стал Петр названным братом князю.

Родились у Петра сыновья, а через несколько лет святой Игнатий преставился, обрел царство небесное. Вечная ему память! Старый же князь спустя немного дней после владыки преставился. Дети этого князя звали Петра дядею до старости, и, прожив в мире много лет, преставились. Петр же в глубокой старости в монашеском чине отошел к Господу, которого возлюбил. И погребли его у храма святого Петра, на том месте, где он спал. И с того дня возник этот монастырь.

Внуки же старого князя забыли Петра и добродетель его и начали отнимать луга и окраины земель у Петровых детей. Сын же Петра пошел в Орду и назвался внуком брата царева. Возрадовались ему дядья его и почести ему воздали, многими дарами одарили и посла для него у царя добились. Пришел посол царский в Ростов и, рассмотрев грамоты Петровы и старого князя, рассудил по ним. И утвердил рубежи их землям по грамотам старого князя, оправдал сына Петра и выдал ему грамоту с золотой печатью, какая есть и у молодых князей, внуков старого князя, по царскому слову, и ушел.

Молодые же князья между собой и со своими боярами говорили: «Слышали мы, что родители наши звали дядею отца Петра, ибо дед наш много от него серебра получил, братался с ним в церкви. Но род его татарский, кость не наша. Что он нам за родня? Серебра нам не оставил ни он, ни родители наши». Такие вели они беседы и не вспоминали чудеса святых апостолов, а о почитании прародителей забыли. И так прожили много лет, завидуя детям Петра, которым в Орде больше почестей оказывали.

Родились у Петрова сына сыновья и дочери, а сам он в глубокой старости отошел к Господу. Внук же Петров, по имени Юрий, перенял обычаи родителей своих почитать образ святой госпожи Богородицы в Ростове, деньги ей жертвовать, пиры устраивать владыкам и всему клиру, и собору церковному в праздники святых апостолов Петра и Павла, поминать родителей и прародителей своих, вечную память творить им.

Рыболовы же их вылавливали рыбы больше, чем городские рыбаки. Петровские ловцы как ни забросят играную сеть, то множество рыб, а городские трудятся много, а улова почти нет. И сказали рыбаки князьям: «Господа наши князья, если петровские рыбаки не перестанут ловить, озеро

наше опустеет, ибо выловили они всю рыбу!» Правнуки же старого князя сказали Юрию: «Слышали мы, что когда-то дед ваш грамоты взял у прародителей наших на место монастыря вашего и на рубежи его земель. А озеро наше, грамот у вас на него нет. Пусть не ловят в нем рыбаки ваши!» И сбылось пророчество старого князя, брата Петрова, который предупреждал о споре внуков перед грамотой. Услышав это, Юрий, внук Петров, пошел в Орду и назвался правнуком брата царева. Дядя же его почести ему воздали и многими дарами одарили, и посла у царя добились для него.

Пришел посол в Ростов и остановился в монастыре святого Петра около озера. Испугались князья царского посла. И судил он их с внуками Петровыми. Юрий же перед послом положил все грамоты, и посол, посмотрев в грамоты, сказал князьям: «Не ложны ли грамоты эти, купля эта? Ваша ли вода? Есть ли под нею земля? Можете ли воду снять с земли этой?» Отвечали ему князья и сказали: «Да, господин, грамоты эти не ложные. Земля под ней есть, а вода наша вотчина, господин, и снять ее, господин, не можем». Тогда сказал посол, царский судья, так: «Если не можете воду снять с земли этой, то почему ее своей называете? Это творение Бога всевышнего на службу всем людям!» И присудил внукам Петровым, Юрию: как есть купля землям, так и водам. И вручил Юрию грамоту с золотой печатью по царскому слову, и ушел.

Князья же не могли никакого зла сотворить Юрию, и успокоилась жизнь их на долгие годы. Прославляли Бога, как переняли у родителей своих, чтили память святых апостолов со слезами и радостью, вспоминали с умилением чудеса их, поминали каждый год родителей своих, раздавая щедрую милостыню.

И вырос уже правнук Петра, а Юрия сын, именем Игнат. И при его жизни произошло вот что. Пришел Ахмыл на Рус-

Русскую землю, сжег город Ярославль и пошел к Ростову со всей силою своею. И устрашилась его вся земля, бежали князья ростовские, и владыка побегал Прохор. Игнат же извлек меч, догнал владыку и сказал ему: «Если не пойдешь со мной навстречу Ахмылу, то я сам посеку тебя! Это наше племя и родичи!» И послушал его владыка: вместе со всем клиром, в ризах, взяв крест и хоругвь, пошел навстречу Ахмылу. А Игнат впереди крестов с горожанами, взяв дары для утехи царской — кречеты, шубы и питье, — на краю поля и озера стал на колени перед Ахмылом. И назвался потомком из рода царского брата. И сказал: «А вот село царско и твое, господин! Купля прадеда нашего, где чудеса творились, господин!» Страшно было видеть войско вооруженное. И сказал Ахмыл: «Ты дары для утехи подносишь. А это кто в белых ризах и что это за хоругвь? Не биться ли с нами хотят?» Игнат же отвечал: «То богомольцы царя и твои, чтобы благословить тебя! Они несли божницу по закону нашему».

В это время под Ярославлем в тяжком недуге находился сын Ахмыла, возили его на повозке. И повелел Ахмыл привезти сына для благословения. Владыка же Прохор освятил воду, дал ему испить и благословил его крестом. И он выздоровел. Ахмыл же, увидев сына здоровым, возрадовался, сошел с коня напротив крестов и, воздев руки к небу, произнес: «Благословен Бог вышний, вложивший мне в сердце направиться сюда! Праведен ты, господин епископ Прохор, ибо молитва твоя воскресила сына моего! Благословен ты, Игнат, ибо уберег людей своих и сохранил город этот! Царева кость, наше племя! Если тебе будет здесь какая обида, не ленись пойти к нам!» И взяв сорок литр серебра, дал их владыке, а тридцать — клиру его. Принял дары у Игната и целовал его, поклонился владыке, сел на коня и ушел во свояси. Игнат же, проводив Ахмыла, возвратился с влады-

кою и с горожанами. И возрадовались, и отпев молебны, прославили Бога.

Дай же, Господи, утешение читающим и пишушим о древних деяниях прародителей, здесь и в будущем веке. А Петрову роду сохранение и преумножение, богатства неоскудевающего, радости без печали, вечной о них памяти до скончания мира. Богу нашему вечная слава, ныне и присно и во веки веков! Аминь!

Источники, литература и примечания

1. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 42–43.
2. *Буслаев Ф.* Смоленская легенда о св. Меркурии и Ростовская о Петре царевиче Ордынском // *Буслаев Ф.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 155–198.
3. *Ключевский В.О.* Указ. соч.; *Скрипиль М.О.* Легендарно-политические сказания Древней Руси // Доклады и сообщения филологического института ЛГУ им. А.А. Жданова. Л., 1950. Вып. 2; *он же.* Повесть о Петре, царевиче Ордынском // История русской литературы. М.–Л., 1946. Т. 2. Ч. 1. С. 350–357; *он же.* Повесть о Петре, царевиче Ордынском // Русские повести XV–XVI веков. М.–Л., 1958. С. 430–438; *Дмитриев Л.А.* Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII–XV в. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 208–262; *Лурье Я.С.* Судьба беллетристики в XVI в. // Истоки русской беллетристики... С. 422; *Дмитриева Р.П.* Повесть о Петре, царевиче ордынском // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 256–259.
4. *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. СПб., 1886. Т. 4; *Голубинский Е.Е.* История канонизации святых в Русской церкви. М., 1903; *Филарет (Гумилевский).* Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859. Ч. 1. С. 77–79, 142; *он же.* Русские святые, чтимые всею церковью или местно.

- Опыт описания жизни их. Чернигов, 1863. Вып. 6. С. 130–137; *Чуфаровский Н.* Ростовский Петровский монастырь и его основатель преподобный Петр, царевич. Одесса, 1902.
5. *Будовниц И.У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси: XI–XIV вв. М., 1960; *Насонов А.Н.* Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. М.-Л., 1940; *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978; *Борисов Н.С.* Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986.
 6. Тема эта действительно чрезвычайно интересна и обширна, поэтому, не затрагивая ее в данной работе, позволим себе сослаться на уже опубликованные автором статьи: *Белякова М.М.* Некоторые наблюдения над отражением исторических фактов в «Повести о Петре, царевиче Ордынском» // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 77–81; *она же.* «Повесть о Петре, царевиче ордынском» в историко-литературном контексте (к вопросу о датировке произведения) // ТОДРЛ. Т. 46. СПб., 1993. С. 74–87.
 7. «Die Erzählung über Petr Ordynskij»: Ein Beitrag zur soziologischen Erforschung altrussischer Texte. Berlin, 1979.
 8. Православный собеседник. Казань, 1859. Ч. 1. С. 356–376 (по списку Казанской Духовной Академии № 854, ныне — РНБ, собр. Соловецкого монастыря, № 854/964); *Буслаев Ф.* Исторические очерки... С. 159–164 (отрывки по спискам: ГИМ, собр. Уварова, № 884; ГИМ, собр. Уварова, № 517); Ярославские епархиальные ведомости. 1875. № 39. Часть неоф. С. 317–322. № 40. Часть неоф. С. 323–325; *Н.К. [Николай Корсунский].* Блаженный Петр, Ордынский царевич, Ростовский чудотворец. Источник сведений о блаженном Петре. Ярославль, 1880; *Макарий (Булгаков).* Указ соч. Т. 4. С. 342–345 (отрывки по рукописям: собр. Софийской библиотеки, № 503 — ныне № 1364; митр. Макария, № 8); Ярославские епархиальные ведомости. 1900. № 33. С. 513–517; № 34. С. 529–534 (по рукописи Ростовского собора); № 35. С. 545–551 (по рукописи Толгского монастыря).

9. Русские повести XV–XVI веков... С. 98–105; Древнерусские предания: XI–XVI вв. М., 1982. С. 142–146; ПЛДР: Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 20–37.
10. Редакция «Повесть» (Erzählung), по терминологии авторов западноберлинской монографии, из которой, в свою очередь, вычленяются «первоначальная отдельная» и «mineйная» (по терминологии Я.С. Лурье).
11. Эта редакция соответствует «первоначальной отдельной» в терминологии Я.С. Лурье.
12. Термин «mineйная» предложен Я.С. Лурье.
13. Редакция «Житие» (Vitenfassung), по терминологии авторов западноберлинской монографии.
14. «Рукопись писана... полууставом XVI в.» — см.: *Абрамович Д.И.* Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. СПб., 1910. Вып. III. С. 60–65.
15. Пользуюсь случаем принести искреннюю благодарность В.М. Загребину за помощь в уточнении датировки рукописи.
16. *Briquet C.M.* Les filigranes. Vol. 1–4. Geneve, 1907.
17. *Piccard G.* Ochsenkopf — Wasserzeichen. Stuttgart, 1966.
18. *Mošin V.A., Grozdanović M.* Agneu pascal. Belgrad, 1966.
19. Из 126 обнаруженных списков 117 были просмотрены автором de visu, хронологически они распределяются следующим образом: XV в. — 2; XVI в. — 41; XVII в. — 48; XVIII в. — 15; XIX в. — 11.
20. 9 из 117 списков представляют собой фрагменты текста.
21. Русские повести XV–XVI веков... С. 98–105.
22. ПЛДР: Конец XV– первая половина XVI века... С. 20–37.
23. БРАН, 17.13.22. 3-я четверть XVI в. Л. 395 об.
24. РНБ, собр. Соловецкого монастыря, № 854/964. XVI в., 2-я пол. Л. 691.
25. *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 40.
26. РГБ, собр. Ундольского, № 359. Л. 1; ГИМ, собр. Уварова, № 517. Л. 259.
27. Пролог (июнь–август). М.: Печ. Двор, 1662. Л. 134 об.

28. *Димитрий Ростовский*. Жития святых. Кн. 4. Киев, 1705. Л. 296 об.
29. См., например: Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1836. С. 228; *Амвросий (Орнатский)*. История российской иерархии. М., 1813. Т. 5. С. 534.
30. *Лурье Я.С.* Указ. соч. С. 422.
31. РНБ, собр. Софийской библиотеки, № 1322. Л. 230об.–233.
32. ГИМ, собр. Синодальное, № 995. Л. 446–450об.
33. СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.) Ч. 1. Л., 1988. С. 129. См. также: *Дробленкова Н.Ф.* Великие Минеи Четии // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 238–243; *Кучкин В.А.* О формировании Великих Миней Четиих митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 86–101.
34. *Лурье Я.С.* Указ. соч. С. 422.
35. РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 640; ГИМ, собр. Воскресенского (Ново-Иерусалимского) монастыря, № 113; РНБ, собр. Погодина, № 804.
36. *Лихачев Д.С.* Текстология. Л., 1983. С. 71.
37. СККДР. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 78.
38. *Лурье Я.С.* Указ. соч. С. 422, прим. 130.
39. *Дробленкова Н.Ф.* Из истории жанра Четых-Миней в русской литературе // Армянская и русская средневековые литературы. Ереван, 1986. С. 162.
40. ГИМ, собр. Уварова, № 243. Л. 36–37об.
41. ИРЛИ. Латгальское собр., № 12. Л. 176.
42. НГОУНБ, Ц 2658.2. Латухинская Степенная книга. Л. 264–265 (старая пагин.); 285–286 (новая пагин.).
43. *Сазонова Л.И.* Проложное изложение как литературная форма // Литературный сборник XVII века Пролог. М., 1978. С. 25–53.
44. Пролог (июнь–август). М.: Печатный Двор, 1662. Л. 134–134 об.

45. *Кучкин В.А.* Первые издания русских Прологов и рукописные источники издания 1661–1662 гг. // *Рукописная и печатная книга.* М., 1975. С. 143.
46. *Васенко П.Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 224–227; *Державин Н.С.* «Степенная книга» как литературный источник. Батум, 1902. С. 32–34.
47. РГБ, собр. Ундольского, № 359. Служба Петру царевичу и «Житие блаженнаго Петра, братанича царя Берки». 2-я пол. XVI в. Л. 1.
48. Вопрос об источниках, которыми пользовался Тихон, завершивший свой труд в 1678 г., достаточно подробно разработан С.Ф. Платоновым, П.Г. Васенко и В.И. Корецким. См.: *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник. СПб., 1913. С. 405–408; *Васенко П.Г.* Заметки к Латухинской степенной книге. СПб., 1902; *Корецкий В.И.* К вопросу об источниках Латухинской степенной книги // *Летописи и хроники.* 1973. М., 1974. С. 328–337.
49. *Лопарев Х.* Описание рукописей Императорского общества любителей древней письменности. СПб., 1893. Ч. II. С. 155–179.
50. Там же. С. 155.
51. Именно по этой причине «Житие Петра» не попало в описание Х. Лопарева. Утрата нескольких листов с окончанием предыдущей статьи («Повесть о обретении честнаго телеси Никиты Новгородскаго») и началом следующей («Жития Петра») привела к тому, что тексты оказались не отделенными друг от друга ни концовкой, ни заставкой и показались Х. Лопареву одним произведением.
52. *Корсунский Н.* Указ. соч. С. 4–5.
53. «Die Erzählung über Petr Ordynskij»: Ein Beitrag zur soziologischen Erforschung altrussischer Texte... S. 6–16, 252–265.
54. Там же. S. 16.
55. РНБ, собр. Титова, № 1978. 1768 г.

56. *Димитрий Ростовский*. Указ. соч. Л. 293–296 об. («В той же день память блаженнаго Петра царевича в Ростове»).
57. *Дробленкова Н.Ф.* Из истории жанра Четых Миней в русской литературе... С. 164.
58. *Шляпкин И.А.* Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 гг.). СПб., 1891. С. 181.
59. Цит. по: *Шляпкин И.А.* Указ. соч. С. 368, прим. 1.
60. И.А. Шляпкин ссылается на рукопись из Синодального собрания под № 858 («Книжка различных вещей неисправленных собранных в лето 1704 июня в Ростове») с многочисленными поправками руки Димитрия Ростовского. В числе статей рукописи он называет следующие: Богородица Толгская, Иоанн юродивый Устюжский, Родословие князей Ростовских и Владимирских, Описание соборной церкви Владимирской и нетленных мощей в ней, Кто первый епископ был в Ростове, Убиение Василия и Константина Ярославских князей и чудеса их, Соломония жена бесная Устюжская, Князь Давид и Феврония Муромские, Иоанн Власатый Ростовский, Царевич Дмитрий Углицкий. См.: *Шляпкин И.А.* Указ. соч. С. 371.
61. В эту группу входит 11 списков, самые ранние из которых датируются второй половиной и концом XVI в., остальные списки еще более поздние и относятся к XVII в. Наиболее ранние списки: РНБ, собр. Соловецкого монастыря, № 834/944; РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 63; БРАН, 17.13.22; БРАН, 33.5.12; РГБ, собр. Тихонравова, № 587.
62. О компилятивности житий, составленных Димитрием Ростовским, пишет ряд исследователей. См., например: *Андрианова В.П.* Житие Алексея, человека божия, в древней русской литературе и народной словесности. СПб., 1917. С.118–121; *Рыстенко А.В.* Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературах // Записки Новороссийского университета. Одесса, 1909. Т. 112. С. 248–255; *Щеглова С.А.* Житие царевича Димитрия в обработке Димитрия Ростовского // Ученые записки Самарского университета. 1919. Вып. 2. С. 85–97.

К объяснению двух мест в тексте летописного рассказа о Пьянском побоище 1377

г.

В.Н. Русинов

Во многих древнерусских летописях под 1377 г. (иногда под 1378 г., изредка под 1376 г.) находится рассказ о тяжелом поражении большого русского войска от монголо-татар на р. Пьяне. Однако текст этого рассказа в разных летописях выглядит далеко не одинаково. Такие летописные памятники, как Рогожский летописец, Симеоновская, Новгородская четвертая летописи, и некоторые другие содержат довольно пространное, богатое интересными деталями повествование о Пьянском побоище¹. Иные летописи рассказывают о происходивших тогда событиях более кратко и не упоминают некоторых важных подробностей. Как правило, это позднейшие редакционные обработки более ранних летописных материалов. Разные сокращенные варианты рассказа о событиях 1377 г. на р. Пьяне читаются, например, в составе Воскресенской летописи, Тверского летописного сборника, Ермолинской, Львовской, Типографской летописей, Московского летописного свода конца XV в., Устюжского летописного свода, Вологодско-Пермской, Никаноровской летописей, Владимирского, Пискаревского летописцев² и в ряде других памятников русского летописания. В сокращаемый текст рассказа позднейшими редакторами иногда вносились правдоподобные, а подчас и неправдоподобные домыслы. Некоторые летописные источники, в особенности Никоновская летопись, обнаруживают тенденцию к распространению повествования о Пьянском побоище новыми данными в духе «прикрас» и, как следствие, к расши-

рению его текста³. Однако не подлежит сомнению, что все отраженные сохранившимися летописями варианты повествования о событиях на р. Пьяне в 1377 г. восходят к общему источнику, а именно к читавшемуся в не дошедших до нас более ранних летописных списках первоначальному рассказу, составленному вскоре после событий, вероятнее всего, каким-то московским автором. На основании текстологических показаний достаточно близким или практически тождественным первоначальному может считаться тот вариант, который помещен в Рогожском летописце и в Симеоновской летописи. Именно этот вариант и должен быть привлечен для наблюдений в качестве основного.

Согласно летописному рассказу, в 1377 г. «некоторый царевич» Арапша (так на Руси именовался Араб-шах, один из представителей ак-ордынской династии монгольских ханов)⁴ появился где-то в волжском правобережье с намерением совершить военный поход к Нижнему Новгороду. Получив сообщение по этому поводу, нижегородско-суздальский князь Дмитрий Константинович известил о надвигающейся угрозе своего зятя — московского великого князя Дмитрия Ивановича. Московский князь прибыл на помощь нижегородцам с большим войском, но о действиях Арапши не приходило никаких вестей. По этой причине Дмитрий Иванович возвратился в Москву, а своему войску поручил охранять нижегородские рубежи. Такую же задачу получило и войско, собранное Дмитрием Константиновичем в своем княжестве. Многочисленная московско-нижегородская рать направилась за р. Пьяну, и здесь было получено сообщение о том, что Арапша пока расположился на «Волчьей воде», то есть находится еще очень далеко. Это известие позволило русскому войску расслабиться, утратить бдительность, почувствовать себя, как дома. Воинские доспехи и оружие складывались на телеги и в походные сумки.

Из-за стоявшей тогда жаркой погоды ратники снимали со своих плеч одежду, а когда в поисках съестных припасов и фуража находили в местных селениях крепкие напитки, то пили без всякой меры. Посланные с войском князя, бояре и воеводы занялись характерными по тем временам утехами — звериными и птичьими ловлями. В это самое время, по словам летописца, местные мордовские князья навели на ни о чем не подозревавшую московско-нижегородскую рать татарское войско «из Мамаевы Орды». Разделившись на пять отрядов, татары с тыла внезапно обрушились на неспешно и неорганизованно продвигавшуюся вдоль правого берега р. Пьяны русскую походную колонну. В результате московско-нижегородское войско, не способное уже оказать сколько-нибудь организованного сопротивления, было во множестве истреблено или пленено, причем часть его, отесненная к р. Пьяне, погибла в ее водах. Побоище произошло 2 августа, а 5 августа татары неожиданно появились уже под Нижним Новгородом, беспрепятственно овладели им, перебили или захватили в плен не успевших вовремя бежать жителей, разграбили и сожгли город, а затем и его окрестности.

В таком виде может быть передан ход основных событий, описанных автором летописного рассказа. Какие же места в его тексте требуют специального внимания и объяснения?

Первое из таких мест касается свидетельства относительно того, какая рать внезапно напала на пребывавшее в безопасности русское войско и подвергла его беспощадному уничтожению. Летописный рассказ, вопреки ожиданию, сообщает о том, что этой ратью, тайно проведенной мордовскими князьями к находившемуся вблизи р. Пьяны русскому войску, была татарская рать «из Мамаевы Орды», причем ни о каком Арапше здесь не упоминается: *«А в то вре-*

мя погании князи мордовьстии подведоша втаю рать татарьскую из Мамаевы Орды на князеи наших. А князем не ведушим, и про то им вести не было!»⁵. Отсутствует имя Арапши и в описании последующих действий татар, связанных с их немедленным броском к Нижнему Новгороду после разгрома русских сил на р. Пьяне. С неизбежностью возникает вопрос: можно ли считать, что рать «из Мамаевы Орды» и была тем самым татарским войском, которое возглавлял Арапша? Исследователи, так или иначе затрагивавшие вопрос Пьянского побоища, по-разному интерпретировали имеющиеся летописные данные.

Многим ученым прямая связь между событиями на р. Пьяне в 1377 г. и походом Арапши казалась самоочевидной, если судить по тому, что они никак не обосновывали свое мнение. В числе таких ученых можно упомянуть, например, Н.М. Карамзина⁶, С.М. Соловьева⁷, Н.И. Храмцовского⁸, Л.М. Каптерева⁹, В.Л. Комаровича¹⁰, А.Ю. Якубовского¹¹, М.Н. Тихомирова¹², И.Б. Грекова¹³, Я.С. Лурье¹⁴. При этом Н.М. Карамзину и, очевидно, вслед за ним Н.И. Храмцовскому представлялось, что войско для похода на русские земли Арапша получил от золотоордынского хана Мамаю и действовал по его заданию. Сходную точку зрения позднее высказывал Л.М. Каптерев. Более осторожным в своих предположениях был С.М. Соловьев: он не высказывался в том смысле, что Арапша поступил на службу к Мамаю, признав его старшинство. По мнению А.Ю. Якубовского, «царевич» не только не служил Мамаю, но действовал на свой страх и риск, «без всякого контакта с другими соперничавшими ханами, в том числе и Мамаем». Сходное мнение в свое время высказывал Г.В. Вернадский¹⁵. Уверенность в непосредственной причастности Арапши к Пьянскому побоищу нашла отражение в фундаментальных очерках по отечественной истории¹⁶.

Во второй половине XX в. летописный рассказ о Пьянском побоище 1377 г. неоднократно затрагивался в публикациях по нижегородскому краеведению. Непосредственная причастность Арапши к описанным в нем событиям обычно не подвергается никакому сомнению. Таковы, например, очерки, статьи или другие материалы краеведческого характера, выпущенные при участии И.А. Кирьянова¹⁷, В.П. Макарихина¹⁸, Н.Ф. Филатова¹⁹. В связи с рассматриваемым вопросом некоторые из этих работ требуют определенных замечаний.

Так, исследователь нижегородской истории Н.Ф. Филатов, повествуя об обстоятельствах Пьянского побоища и связывая их с набегом Арапши, выходит за пределы имеющихся летописных данных, присоединяя к ним правдоподобные или неправдоподобные подробности, основанные либо на позднейших переработках более ранних вариантов летописного текста, либо на своих собственных домыслах. К примеру, о том, что «царевич Синея Орды Арапша» был намерен совершить поход в нижегородские пределы, согласно изложению Н.Ф. Филатова, стало известно весной 1377 г. Сведения о продвижении русского войска, посланного в Запьянье для отражения возможного нападения татар, Арапша, по Н.Ф. Филатову, получал от мордовского «князя Алабуга». Внезапное нападение татар на московско-нижегородское войско, по утверждению Н.Ф. Филатова, было произведено «из засад». Однако ни в одном из сохранившихся вариантов летописного рассказа о Пьянском побоище отмеченных подробностей нет. Можно, конечно, допустить, что вести об агрессивных намерениях Арапши достигли Нижегородского княжества весной 1377 г., но не менее вероятно их появление и в конце зимы 1376 г. (по употреблявшемуся тогда мартовскому стилю летоисчисления) или в начале лета 1377 г. Непонятно, почему донесения о

состоянии русского войска, будто бы предназначавшиеся для Арапши, нужно приписывать конкретному мордовскому князю, тогда как летописный рассказ упоминает о сотрудничестве с татарами нескольких мордовских князей, к тому же не называя их по именам. Князь по имени «Алабуга» определен как мордовский князь рассказом о Пьянском побоище под 1378 г. в некоторых летописных памятниках устюжского происхождения, относящихся к позднему времени²⁰. По всей вероятности, именно их показаниями и воспользовался Н.Ф. Филатов. Однако эти источники, в противоречии с утверждением Н.Ф. Филатова, вовсе не изображают «Алабугу» в качестве информатора Арапши. Согласно их путаным данным, некий мордовский князь «Алабуга» сам возглавил и привел из Мамаевой Орды татарскую рать, которая и разгромила московско-нижегородское войско на р. Пьяне. Однако этим весьма оригинальные показания устюжских летописей о событиях Пьянского побоища далеко не исчерпываются. В них, к примеру, ничего не говорится о походе в Запьянье московской рати совместно с нижегородской, но зато сообщается о том, будто во время побоища был убит некий князь Михаил, а в р. Пьяне утонул не только князь Иван Дмитриевич, но и князь Семен Михайлович. Молчание устюжских летописных памятников о совместных действиях московских и нижегородских сил в походе за р. Пьяну можно объяснить небрежным отношением позднейших редакторов или переписчиков к свидетельствам более ранних летописных текстов. Но откуда в составленной ими версии рассказа о Пьянском побоище вдруг оказались совершенно неожиданные данные, если на них нет даже намек в многочисленных летописных источниках старшей поры? Следует обратить внимание и на то, что текст, посвященный в устюжских летописях Пьянскому побоищу, свидетельствует о весьма невысокой квалификации его со-

ставителя по части внятного изложения описываемых событий. Редактор уже не во всех деталях воспринимал местами явно испорченный или просто более ранний текст какого-то своего предшественника. Вместе с не особенно вдумчивым отношением автора к выполняемой работе все эти факторы вполне могли породить в создаваемом тексте новые искажения и смещения. Явно поэтому упоминаемые старшими версиями повествования о битве на р. Пьяне князя Иван Дмитриевич и Семен Михайлович оказываются в Устюжской летописи уже Иваном и Семеном Даниловичами. Источником свидетельства устюжских летописных памятников о гибели в Пьянском побоище некоего князя Михаила наверняка является отчество упоминаемого в ранних вариантах рассказа о Пьянском побоище князя Семена Михайловича, принятое по небрежности кем-то из редакторов или переписчиков за имя. Как результат того или иного недоразумения могли в устюжских летописях появиться и сенсационные сведения о мордовском князе «Алабуге», имя которого, кстати говоря, гораздо естественнее вписывается в ряд имен ордынских деятелей (ср. в восточнославянской озвучке: Телебуга, Кутлубуга и др). Для безоговорочной популяризации данных столь ненадежного источника нет достаточных оснований. Что касается заявления Н.Ф. Филатова о нападении татар на русскую рать «из засад», то оно обусловлено, скорее всего, ошибочным пониманием замечания летописца, согласно которому татары ударили по московско-нижегородскому войску «*изневести*». Это наречие Н.Ф. Филатов, по всей вероятности, и перевел как «из засад». В действительности же оно употреблено летописцем для обозначения полной неожиданности вражеского нападения, то есть по своему прямому назначению²¹. Действия «из засад», как известно, подразумевают скрытое ожидание и внезапное нападение на перемещающегося в непосред-

венной близости противника. Судя же по летописным данным, татарская рать непосредственно перед атакой придерживалась отнюдь не выжидательной тактики, а решительно пошла на сближение с русским войском, имея достоверные сведения о царившей в нем обстановке. По всей вероятности, двигавшаяся походной колонной татарская рать на определенном рубеже развернулась в боевой порядок и несколькими отрядами нанесла удар сходу и с разных направлений. Вся обстановка складывалась так, что в использовании татарами засад не было никакой необходимости. Понятно, что подробности, внесенные Н.Ф. Филатовым в изложение событий Пьянского побоища, не могут считаться историческими фактами. Это привело к определенному несоответствию между содержанием подготовленных им краеведческих материалов и их изданием с подзаголовком «Факты, события, люди».

В одной из вышеупомянутых краеведческих публикаций Н.Ф. Филатова обращает на себя внимание заголовок, под которым помещен (в современной орфографии) текст рассказа о Пьянском побоище 1377 г. из Рогожского летописца. Этот заголовок составлен в следующей редакции: «Известие о битве на реке Пьяне и о разорении Араб-шахом (Арапшей) Нижнего Новгорода»²². Но при такой формулировке, по существу, разрывается связь между побоищем на р. Пьяне и нападением татар на Нижний Новгород. Дело, однако, не в том, что Н.Ф. Филатов изменил свой взгляд на Арапшу как на организатора Пьянского побоища, а в излишней беллетризации придуманного автором заглавия, сделавшей его двусмысленным.

Разумеется, не Н.Ф. Филатову принадлежит первенство в разбавлении летописных данных всевозможными домыслами, в непреодолимой тяге к беллетризации повествования на ту или иную историческую тему вместо добросовестного

следования показаниям источников, тем более что имелась в виду их простая популяризация. Все это в той или иной мере наблюдалось еще со времен В.Н. Татищева, причем в краеведческой литературе особенно. Можно привести и другие примеры подобного обращения с данными летописного рассказа о Пьянском побоище, причем как из публикаций краеведов, так и представителей «большой» исторической науки. Например, в упоминавшейся выше краеведческой работе Л.М. Каптерева утверждается, в противоречии с данными летописного рассказа, будто на южных рубежах Нижегородского княжества после получения вестей об агрессивных намерениях Арапши «устраивались засеки», что Арапша со своим войском находился совсем недалеко, когда было получено сообщение о его пребывании на «Волчьей воде», и т. п.²³ Авторитетный в свое время историк М.Н. Тихомиров почему-то решил, что на р. Пьяне в 1377 г. был разгромлен (Арапшей) лишь «русский передовой отряд», а не все прибывшее в Запьянье московско-нижегородское войско²⁴. К такому выводу исследователь пришел явно на основании имеющегося в повествовании о Пьянском побоище замечания, согласно которому «*И доидоша наши Пару*». Это замечание, по всей видимости, было тенденциозно истолковано М.Н. Тихомировым как указание на то, будто следовавший на каком-то удалении впереди основных русских сил разведывательно-сторожевой отряд достиг определенного пункта, где и был уничтожен татарами, тогда как основная русская рать избежала разгрома.

Наряду с внесением в описание событий Пьянского побоища ряда собственных домыслов Н.Ф. Филатов, как это ни парадоксально, обнаружил и прямо противоположную тенденцию. Из составленного им описания событий на р. Пьяне странным образом выпала такая важная именно с краеведческой точки зрения и при этом отраженная лето-

писным рассказом деталь, как участие в походе за р. Пьяну для противодействия Арапше нижегородского войска, руководимого местными князьями и воеводами. Почему-то нет в описании и упоминания об участии в этом походе вооруженных отрядов из Владимирского княжества, хотя они, согласно летописному рассказу, составили часть войска, собранного московским князем Дмитрием Ивановичем в целях отпора Арапше. Создается впечатление, что вместо следования показаниям источников автор предавался составлению повествования, своеобразно усредняющего его собственные фантазии и летописные данные.

Одна из публикаций краеведческих материалов была осуществлена авторским коллективом под руководством Е.В. Кузнецова²⁵. В аннотации издания, представляющего собой хрестоматию, сказано, что в ней помещены отрывки из разнообразных источников по нижегородской истории. Однако в действительности это пояснение может быть отнесено лишь к опубликованным фрагментам из поздних по происхождению документов, поскольку отрывки из древних источников приведены не на языке оригиналов, а в переводе на русский язык, хотя и с сохранением некоторого колорита древнего летописно-повествовательного стиля. Как оказалось, переводы фрагментов из ранних письменных памятников содержат немало ошибочных, искажающих смысл древнего текста толкований. Не стал исключением и перевод читающегося в Рогожском летописце рассказа, посвященного Пьянскому побоищу. Именно здесь обнаружилось наибольшее количество просчетов, свидетельствующих не только об отсутствии необходимого профессионализма у ответственных за перевод лиц, но и о вопиющем пренебрежении выполняемой работой. Вот только некоторые примеры. Выражение «сбрав воя многы» (восстанавливаемое в тексте Рогожского летописца по соответствующему тексту

Симеоновской летописи), которое означает «собрав множество воинов» (или: «собрал множество воинов»), переведено как «собравшись». Слова «*А где наехаху в зажитии...*», обозначающие «А там, где в ходе поездок (по окрестным селениям. — *В.Р.*) за продовольствием и фуражом...», переданы как «А там, где наехали на жильё...». Словосочетание «*бьюще и колюще и секуще без вестии*», что в переводе означает «били, кололи и секли, неизвестно откуда взявшись», передано как «кололи и секли без меры». Выражение «*прибежа въторопе к реце*», означающее «прискакал в смятении к реке», переведено как «прибежал второпях к реке»²⁶. К сожалению, своего мнения по вопросу о том, следует или не следует видеть в Арапше организатора побоища русского войска на р. Пьяне, публикаторы текста летописного рассказа не выразили.

Однако уже в XIX в. высказывались и сомнения в правомерности считать Арапшу организатором и участником Пьянского побоища. Так, еще А.В. Экземплярский²⁷, не сомневавшийся в тесной связи похода Арапши с политикой хана Мамайя в отношении русских княжеств, обращал внимание на то, что Арапша не фигурирует в повествовании о самом побоище, а говорится просто о татарах, которых мордовские князья тайно навели на русское войско. Что же касается Арапши, то о нем, по замечанию А.В. Экземплярского, под 1377 г. упоминается как об участнике разорения засурских земель ниже, в самостоятельном известии, не являющемся продолжением рассказа о событиях на р. Пьяне. Руководствуясь этими наблюдениями, ученый пришел к заключению, согласно которому «едва ли Арапша был на Пьяне». Впоследствии подобной же интерпретации летописных данных о Пьянском побоище придерживался А.Н. Насонов²⁸. Тот же самый взгляд на соответствующие лето-

писные свидетельства выражен В.Л. Егоровым²⁹ и предельно отчетливо В.А. Кучкиным³⁰.

Таким образом, по вопросу о причастности Арапши к событиям, разыгравшимся в августе 1377 г. на р. Пьяне, в науке давно высказаны два диаметрально противоположных мнения. Первое из этих мнений, согласно которому Арапша со своим войском имел прямое отношение к Пьянскому побоищу, как отмечалось выше, многим авторам казалось само собой разумеющимся. Именно поэтому у них и не возникало необходимости в каком-то его обосновании. Второе мнение, в соответствии с которым Арапшу с его войском нельзя считать участником Пьянского побоища, выглядит более обоснованным, но нуждается в дополнительных доказательствах. Характерно, что его сторонники не считали даже необходимым опровергать издавна существовавшие представления, рассматривая их как заведомо ложные. В.А. Кучкин даже недоумевал относительно того, почему старый взгляд вообще получил распространение. В такой ситуации требуется разбор возможно большего числа аргументов «за» или «против» обеих точек зрения.

Прежде всего следует заметить, что мнение о причастности Арапши к Пьянскому побоищу не является абсолютно беспочвенным, сложившимся в очевидном противоречии с летописными данными. В числе факторов, способствовавших возникновению этого мнения, нельзя не отметить и не прокомментировать следующие. Во-первых, свидетельство о разорении татарами Нижнего Новгорода и его окрестностей, имеющееся в летописном рассказе, согласуется с помещенным в его начале замечанием автора о намерении Арапши двинуться именно к этому городу. Во-вторых, наблюдается соответствие между тем, что русское войско направилось для противодействия Арапше в Запьянье, и тем, что именно здесь оно стало объектом нападения татар. В-

третьих, сама собой напрашивается взаимосвязь между сообщением о содействии татарам со стороны мордовских князей и упоминанием о получении русским войском известия о нахождении Арапши на «Волчьей воде», которое вполне может показаться заведомой дезинформацией. Невольно создается впечатление, что действия татар и мордовских феодалов координировались в соответствии с заранее согласованным планом. В-четвертых, помещенному в начале летописного рассказа сообщению о переходе Арапши из Синей Орды «за Волгу» (т. е. в волжское правобережье, находившееся тогда под более или менее надежным контролем золотоордынского хана Мамаю) может соответствовать имеющееся в рассказе свидетельство о том, что рать, внезапно напавшая на московско-нижегородское войско, была «из Мамаевы Орды». Ведь нельзя совершенно исключать, что именно в правобережье р. Волги, на подвластных Мамаю землях, Арапше удалось если не сформировать, то хотя бы пополнить необходимое для похода на русские земли войско. Рано или поздно должно было стать известно, что в побоище на р. Пьяне и затем в разорении Нижнего Новгорода участвовали татары «из Мамаевы Орды», а то, что это была рать, приведенная именно Арапшей, впоследствии по какой-то причине могло так и не быть установлено. Тогда отсутствие имени Арапши в соответствующем месте летописного рассказа можно объяснить, хотя и с натяжкой, отсутствием у автора необходимых сведений. Если же татарскую рать «из Мамаевы Орды» действительно возглавлял Арапша и это было известно, то отсутствие его имени в описании побоища можно объяснить не самым удачным способом изложения, которым вольно или невольно воспользовался летописец. Ведь нельзя же дошедшие до нас летописные свидетельства рассматривать в качестве неких откровений, в которых все заранее продумано, предусмотр-

рено и выверено. По этому поводу в свое время, критикуя представления А.А. Шахматова, очень правильно высказался С.А. Бугославский³¹. В-пятых, вслед за рассказом о событиях на р. Пьяне и затем в Нижнем Новгороде с округой под тем же 1377 г. в летописях кратко упоминается о разорении Арапшей земель в Засурье, то есть территорий, смежных с Запьяньем. Может показаться вероятным, что на засурские области Арапша напал сразу после разгрома московско-нижегородской рати на р. Пьяне и взятия Нижнего Новгорода.

Если теперь перейти к возможным доказательствам в пользу мнения о непричастности Арапши к Пьянскому побоищу, то получается такая картина. Во-первых, можно считать вероятным присутствие весной–летом 1377 г. на дальних или ближних подступах к юго-восточным рубежам русских земель не одного, а двух или даже больше значительных по численности татарских отрядов, действовавших независимо друг от друга примерно в одно и то же время. Судя по имеющимся летописным данным, возможность этого особенно велика как раз для 1370-х гг. Действительно, под 1373 г. летописи сообщают о нашествии большой татарской рати «от Мамаю» на Рязанскую землю и о ее разорении³². Согласно летописным данным под 1374 г., нижегородцы почти полностью истребили насчитывавший около тысячи человек татарский отряд, сопровождавший Мамаева посланника Сарая (Сарайку)³³. В течение одного только 1375 г. русские земли, по летописным данным, подвергались нападениям трех татарских ратей: одна из них опустошила Кишь³⁴ [по всей вероятности, населенные области по р. Кишь (совр. р. Киша, протекающая на юго-востоке Нижегородской области вдоль ее границы с Чувашией и впадающая в р. Суру у п. Мурзицы)]; другая повоевала запьянские волости (очевидно, населенные территории в правобережье р. Пьяны), после чего напала на

р. Пьяны), после чего напала на нижегородскую заставу³⁵; третья разорила Новосиль³⁶ (селение на р. Зуше, одной из малых рек верхнего Поочья, в восточной части совр. Орловской области). На основании летописных данных можно говорить об ожидавшемся московскими властями нападении татар на русские земли в 1376 г.³⁷ Свое место в этом перечислении занимают, конечно, и отмечаемые летописями под 1377 г. вооруженные татарские вторжения на нижегородские земли³⁸. О двух набегах татарских ратей на южнорусские земли в летописях сообщается под 1378 г.: первый из них закончился разгромом крупного татарского войска на р. Воже³⁹, а второй, предпринятый татарами в качестве ответной меры, достиг цели и привел к разорению части рязанских земель⁴⁰. Таким образом, нельзя исключать, что сокрушительное поражение на р. Пьяне русская рать понесла не от войска Арапши, а от другого татарского войска, находившегося поблизости и тайно приведенного мордовскими феодалами. Во-вторых, если бы рать «из Мамаевы Орды», участвовавшая, как об этом сообщает летописный рассказ, в Пьянском побоище, действительно имела в качестве своего предводителя Арапшу, то едва ли бы это не стало очень скоро известно. Поэтому молчание рассказа об Арапше при описании событий на р. Пьяне и потом в Нижнем Новгороде с окрестностями все-таки может указывать на то, что не его рать учинила побоище русского войска. В-третьих, летописное сообщение о разорении Арапшей засурских земель, начинающееся под 1377 г. словами «*Того же лета...*», может означать, что только этим тогда и ограничились действия Арапши. Иначе говоря, побоище на р. Пьяне с последующим разорением татарами Нижнего Новгорода и его округи, с одной стороны, и приписываемое Арапше нашествие на Засурье, с другой, могут быть самостоятельными эпизодами, почти никак между собой не связанными. Пред-

ставляется, что в том случае, если бы Арапша направился в Засурье после того, как его войско разорило Нижний Новгород, это должно было бы найти какое-то отражение в рассказе летописи. Но ни о чем подобном летописный рассказ не сообщает. Это тоже может служить признаком неслучайного отсутствия упоминаний об Арапше в описании событий Пьянского побоища и последовавшего затем прихода татар к Нижнему Новгороду. В-четвертых, нападение татарской рати «из Мамаевы Орды», сыгравшей в битве на р. Пьяне роковую роль для московско-нижегородского войска, на Нижний Новгород выглядит совершенно естественным: чего-либо другого от татар в создавшейся ситуации трудно было бы и ожидать. Значит, соответствие между свидетельством летописного рассказа о намерении Арапши двинуться к Нижнему Новгороду и сообщением о его разорении татарской ратью, причастной к побоищу русского войска на р. Пьяне, может быть чисто внешним, случайным. В-пятых, вопреки ожиданию встретить Арапшу вблизи границ Нижегородского княжества московско-нижегородская рать получила весть о его пребывании на «Волчьей воде», то есть в весьма удаленном месте. Не исключено, что поведение Арапши было связано с появившимися у него сведениями о присутствии в том самом регионе, куда был нацелен его поход, значительного татарского войска, отправленного Мамаем. Встреча, а тем более столкновение с этим войском едва ли входила в планы Арапши. Как можно полагать, должна была останавливать его и вероятность оказаться на совсем недавно разоренных золотоордынской ратью русских землях. Под влиянием этих обстоятельств Арапша вполне мог принять решение о временной приостановке движения к русским границам и занять выжидательную позицию до прояснения ситуации. Получив достоверную информацию о событиях на р. Пьяне и о по-

следовавшем вскоре взятии ордынской ратью Нижнего Новгорода, он мог изменить первоначальный план и направиться в пока не затронутые татарским разорением засурские земли.

Сопоставление всех приведенных выше соображений едва ли позволяет с полной уверенностью принять ту или иную точку зрения по рассматриваемой проблеме. Тем не менее все-таки можно говорить о заметном перевесе аргументов, свидетельствующих в пользу второго из двух существующих мнений. В самом деле, среди доказательств первого мнения преобладают такие совпадения или соответствия между разными данными летописного рассказа о Пьянском побоище, которые воспринимаются как естественная принадлежность целостного повествования на одну определенную тему лишь на чисто интуитивном уровне. Аргументация же в пользу второго мнения опирается главным образом на достаточно правдоподобные соображения исторического и отчасти текстологического характера.

К сожалению, те скудные данные об Арапше, которые находятся под 1377 г. в сохранившихся русских летописях, не могут быть существенно дополнены по другим источникам иноземного или отечественного происхождения. На основании составленного в 1426 г. персидского сочинения, определяемого для краткости как «Муизз» (полное название: «Книга, прославляющая генеалогии в родословном древе монгольских султанов») устанавливается принадлежность Арапши к роду Чингиз-хана⁴¹. Согласно имеющимся нумизматическим данным, монеты с именем Арапши чеканились в Сарае-Берке (Новом Сарае) с 1377 г. по 1378 г.⁴² Из этого можно сделать вывод о том, что в соперничестве с другими ханами, в том числе и с Мамаем, за обладание ордынской столицей и верховной властью Арапша достиг временного успеха. В связи с данным обстоятельством, по-

видимому, и нужно поставить его намерение совершить военный поход на русские земли. Никоновская летопись, в отличие от прочих русских летописей, под 1377 г. содержит характеристику Арапши, в соответствии с которой ему были присущи такие личные качества, как необычайная воинственность, мужественность и свирепость, хотя впечатляющими внешними данными он был обделен⁴³. Источником этих сведений, судя по их характеру, могли быть бытовавшие в ордынской среде оценки, со временем нашедшие отражение и в Никоновской летописи. Не исключено, что отмеченные в ней личные качества Арапши, как и его принадлежность к подлинно «царскому» роду, обеспечили ему поддержку части татарских феодалов, недовольных политикой золотоордынского хана (точнее ордынского «темника», обладавшего ханской властью) Мамая.

Некоторые соображения можно высказать в связи с оригинальными свидетельствами, находящимися под ошибочно указанным 1317 г. (вместо 1377 г.) в Нижегородском летописце. Здесь дело представлено так, будто Арапша с войском подступил к Нижнему Новгороду, но, получив сообщение о прибытии на помощь нижегородцам московской рати во главе с самим великим князем Дмитрием Ивановичем, возвратился назад⁴⁴. Неправдоподобность этих сведений не подлежит никакому сомнению: они не подтверждаются ни одним из более ранних летописных памятников. Не прибавляет доверия к отмеченным данным и их наличие в нижегородском по происхождению летописном источнике. Как хорошо известно, Нижегородский летописец является весьма поздним (XVII в.) компилятивным памятником, изобилующим разнообразными отступлениями от своих источников, включающим домыслы его создателя, искажения первоначального текста позднейшими редакторами и переписчиками и т. п.⁴⁵ Поэтому можно не сомневаться в том,

что оригинальные сведения Нижегородского летописца, о которых идет речь, появились в его составе как следствие небрежного отношения к свидетельствам более ранних летописных памятников или недостаточного их понимания. Как можно думать, это стало возможным благодаря стремлению автора возвысить авторитет Нижегородской земли, показывая действенность помощи московского князя Дмитрия Ивановича, оказанной им своему тестю нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу. Очевидно, поэтому Арапша, согласно рассказу Нижегородского летописца, поворачивает назад, как только получает сообщение о прибытии московской рати на помощь нижегородцам.

Совсем недавно рассматриваемого вопроса коснулся Ю.В. Сочнев⁴⁶. Он поставил перед собой задачу окончательно опровергнуть мнение тех ученых, которые трактовали известные летописные данные в том смысле, что именно Арапша был организатором и участником Пьянского побоища. Привлекая накопленные к настоящему времени знания по истории Золотой Орды второй половины XIV в., Ю.В. Сочнев в качестве главного аргумента указал на ошибочность мнения, согласно которому Арапша служил Мамаю и в поход к Нижнему Новгороду отправился по его распоряжению. Как, видимо, представлялось Ю.В. Сочневу, этого достаточно, чтобы исключить возможность какой-либо причастности Арапши к событиям Пьянского побоища, которое, по свидетельству летописного рассказа, произошло в результате неожиданной атаки на русское войско татарской рати «из Мамаевы Орды». Однако в таком случае не принимается в расчет явно имевшаяся у Арапши возможность действовать независимо от кого бы то ни было. Кроме того, без всякого внимания оказывается летописное свидетельство о переходе Арапши «за Волгу», то есть на подконтрольные хану Мамаю ордынские земли. Как уже

отмечалось выше, здесь к Арапше могли примкнуть недружественно настроенные по отношению к Мамаю представители татарской знати со своими вооруженными отрядами. Так в стане Арапши могли оказаться войска, формально связанные с «Мамаевой Ордой». Возможность подобного развития событий в условиях лишь относительной политической стабильности на подвластных Мамаю землях волжского правобережья, отмечаемой историками⁴⁷, вполне реальна. Однако необходимо считаться и с другой возможностью. Нельзя упускать из виду, что современная историческая наука отнюдь не располагает детальными знаниями по золотоордынской истории. Кто знает, не обнаружались ли при определенных обстоятельствах у Арапши с Мамаем, вопреки всяким резонам, какие-то общие интересы в самый последний момент? Таким образом, доводы, приведенные Ю.В. Сочневым в опровержение старого мнения о причастности Арапши к Пьянскому побоищу 1377 г., нельзя считать убедительными.

Дальнейшее исследование должно проводиться с учетом отмеченного выше перевеса доказательств в пользу мнения о непричастности Арапши к побоищу русского войска на р. Пьяне в 1377 г. Следует напомнить, что одним из аргументов, подтверждающих это мнение, является текстологическое по своему характеру наблюдение, на которое в свое время обращал внимание А.В. Экземплярский (см. выше). Именно с текстологической точки зрения нужно присмотреться к летописному повествованию о Пьянском побоище. Но привлекать для этой цели, как оказалось, имеет смысл уже не ту близкую к первоначальной редакцию летописного рассказа о событиях Пьянского побоища 1377 г., сохранившуюся в ряде летописей, а одну из ее позднейших переработок.

Первые исследователи, обращавшиеся к событиям Пьянского побоища и описывавшие их, обычно пользовались данными Никоновской летописи. К числу таких ученых относятся, например, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, Н.И. Храмцовский и другие. В соответствующем рассказе Никоновской летописи они не замечали ничего такого, что бы могло поколебать их убеждение в причастности Арапши к описываемым событиям. Однако показания именно никоновского текста позволяют сделать принципиально иные выводы. Это связано с тем, что позднейший редактор, расширяя первоначальный или близкий к первоначальному текст рассказа о Пьянском побоище, посчитал возможным прибегнуть к ряду весьма показательных комментариев, обнаруживая тем самым свое понимание событий, освещенных в летописной записи лет на полтораста ранее. Как можно с уверенностью полагать, трудившиеся в XVI в. над созданием нового летописного свода (Никоновской летописи) опытные московские книжники должны были хорошо понимать привлекаемые в качестве источников тексты, когда-то созданные их собратьями по летописному делу. В этом и заключается смысл обращения к редакции летописных известий о событиях Пьянского побоища 1377 г., представленной в Никоновской летописи.

Согласно обновленной версии рассказа, которую содержит Никоновская летопись, оплошность предводителей русской рати с самого начала заключалась в том, что они не приняли должных мер для контроля за сообщениями об обстановке, складывавшейся на подступах к охраняемым рубежам. После упоминания о прекращении слухов про Арапшу и о возвращении князя Дмитрия Ивановича в Москву в Никоновской летописи сообщается: *«И по том начяша неции глаголати, яко есть татарове в поле и царевичь Арапша крыется в неких местех. И сие ничто же*

*знаемо бысть русским князем и воеводам их, но оплошишася вси...»*⁴⁸. Как видно, речь здесь идет о двух представлявших потенциальную опасность для русского войска татарских вооруженных отрядах: войске Арапши и еще какой-то татарской рати. По словам летописца, об этом *«начаша неции глаголати»*. Слишком общий характер этого замечания, к тому же облеченного в книжную форму, заставляет в данном случае предполагать правдоподобный домысел редактора. Во всяком случае ничего подобного в других вариантах летописного рассказа о Пьянском побоище не сообщается. Совершенно иначе дело обстоит с упоминанием о располагавшихся на каком-то удалении от границ русских княжеств двух вооруженных татарских группировках. В этом упоминании отражено представление редактора о складывавшейся летом 1377 г. на подступах к границам Нижегородского княжества ситуации, основанное, без сомнения, на показаниях старших летописных сводов, достаточно хорошо известных современной науке. Усвоенный редактором взгляд на события нашел отражение и в принадлежащем ему дальнейшем изложении. Повторно указывая на беспечность русского войска, автор отмечает: *«И приде к ним вестъ, поведая им царевичя Арапшу на Влчих водах. Они же начаша веселитися, яко корысть многу мняще обрести! Таже по том и инии вести приидоша к ним. Они же оплошишася и ни во что же сие положиша...»*⁴⁹. Содержащееся в приведенном летописном отрывке упоминание о том, будто помимо сведений о местонахождении Арапши русское войско получило *«и инии весты»*, не подтверждается данными более ранних вариантов летописного рассказа о Пьянском побоище и тоже, конечно, является правдоподобным домыслом редактора. Однако не подлежит сомнению, что за этим домыслом стоит представление об угрозе русскому войску не столько от Арапши,

сколько от иной татарской рати, почерпнутое, как нетрудно догадаться, из имевшегося в распоряжении московских книжников летописного рассказа, близкого к его первоначальному варианту. Еще более показателен редакторский комментарий, читающийся в тексте Никоновской летописи ниже. После сообщения о том, что мордовские князья тайно провели к местонахождению московско-нижегородского войска татарскую рать *«из Мамаевы Орды Воложския»*, автор замечает: *«А князем нашим в небрежении сущим и ничто же о сем смышляющим, аки и не бысть вести им!»*⁵⁰. Очевидно, что заключительная фраза этого фрагмента (*«...аки и не бысть вести им!»*) уже прямо подразумевает осведомленность русского войска о нависавшей над ним опасности со стороны татарской рати *«из Мамаевы Орды Воложския»*, а не от Арапши. Как известно, первоначальный летописный рассказ, посвященный Пьянскому побоищу, свидетельствует об обратном: нападение татар *«из Мамаевы Орды»* было полной неожиданностью для русского войска. Это, однако, нисколько не умаляет значения имеющегося в никоновском тексте свидетельства. Ведь и в данном случае редактор продемонстрировал свое понимание описанных более ранним автором событий.

Таким образом, помещенная в Никоновской летописи редакция повествования о Пьянском побоище позволяет считать, что автор первоначального рассказа об этом событии не отождествлял войско Арапши с татарской ратью *«из Мамаевы Орды»*. Скептически относиться к такому восприятию позднейшим автором показаний предшествующего летописания нет видимых причин. Поэтому нужно признать, что Арапша со своей ратью не был причастен к трагическим для русского войска событиям 1377 г. на р. Пьяне. Нетрудно объяснить и причину, обусловившую распространение ошибочного мнения на этот счет: первоначальный

летописный рассказ о Пьянском побоище представляет такое совмещение двух самостоятельных в значительной степени частей единого повествования, из которых последующая (описание разгрома московско-нижегородского войска приведенной мордовскими князьями ратью «из Мамаевы Орды») только на первый взгляд может показаться естественным продолжением предшествующей (описания похода московско-нижегородского войска в Запьянье для противодействия Арапше). Жертвой возникавшей в данном случае иллюзии и стали первые исследователи обстоятельств Пьянского побоища 1377 г. Если же дать оценку действий московско-нижегородской рати в разыгравшихся тогда событиях по существу, то напрашиваются такие выводы. Беспечное поведение московско-нижегородского войска после того, как была получена весть о пребывании Арапши на «Волчьей воде», не является основной причиной постигшей его неудачи. При иных обстоятельствах все могло бы закончиться без тяжких последствий. Главной же причиной того, что произошло в реальности, является продемонстрированная русским войском (в первую очередь, разумеется, его предводителями) непредусмотрительность по части более сложного развития обстановки, чем это могло показаться на первый взгляд.

Второе место, нуждающееся в объяснении, читается непосредственно перед сообщением о внезапном нападении татарской рати на русское войско и как будто подразумевает какой-то пункт на местности, которого оно достигло в своем движении. Речь идет всего лишь об одной короткой фразе, состоящей буквально из нескольких слов. Чтобы убедиться в недостаточной ясности заключенного в ней свидетельства, необходимо посмотреть, какой вид она имеет в существующих печатных изданиях русских летописей.

В ряде летописных изданий, начиная с конца XVIII в., интересующая фраза имеет такую редакцию: «*И доидоша на Шипару*»⁵¹. Некоторые летописные издания дают в соответствующем месте такое прочтение: «*И доидоша на Шилару*»⁵². За прочтением «Шилару» вместо более обычного «Шипару» здесь, по всей вероятности, стоит допущенное каким-то переписчиком еще в древности ошибочное прочтение буквы п как л, вызванное графическим сходством этих букв в некоторых разновидностях полууставного почерка. Другие издания летописей приводят рассматриваемую фразу в таком виде: «*И доидоша наши Пару*»⁵³. Наряду с этими имеются и такие издания летописных памятников, которые отражают ту или иную модификацию изучаемого фрагмента летописного текста позднейшими редакторами: «*Дошедшем (или: дошедшим) же им Пара*»⁵⁴, «*И доидоша Пара*»⁵⁵, «*И доидоша Пары*»⁵⁶. При всем этом некоторые памятники позднего летописания, судя по их изданиям, не сохранили интересующей фразы вообще ни в каком виде⁵⁷.

Приведенные выше варианты прочтения рассматриваемой фразы издателями летописных памятников нашли отражение в географических указателях к их текстам. Так, прочтения «*И доидоша на Шипару*» или же «*И доидоша на Шилару*» дали повод предполагать существование какого-то географического объекта с названием «Шипара» или «Шилара». Прочтения вроде «*И доидоша наши Пару*», «*Дошедшем (или: дошедшим) же им Пара*», «*И доидоша Пара*» позволили допустить существование географического обозначения «Пар». Наконец, прочтение «*И доидоша Пары*» заставило предположить существование географического названия «Пара». В результате оказалось, что один и тот же географический объект в разных вариантах летописного рассказа о Пьянском побоище может обозначаться то как «Шипара» или «Шилара», то как «Пар» или «Пара». Мне-

ние, согласно которому «Шипара» и «Пар» являются вариантами наименования одного и того же географического объекта, нашло отражение уже в географическом указателе к первым восьми томам Полного собрания русских летописей. Здесь от обозначения «Пар» сделана отсылка к обозначению «Шипара»⁵⁸. Однако подобный взгляд не мог не вызвать сомнений. Явно поэтому позднее в указателях географических названий к издаваемым летописным памятникам изредка стали появляться такие пояснения: «Пар (= Шипара?)»⁵⁹, «Пара (Шилара?)»⁶⁰. В некоторых случаях издатели летописных текстов избегали рассматривать обозначения «Пар» и «Шипара» в качестве обозначений одного и того же географического объекта⁶¹, а бывало и так, что просто «забывали» поместить в соответствующем разделе указателя название «Шипара» (или «Шилара») ⁶².

Помещавшиеся в географических указателях к издаваемым летописным текстам названия «Шипара», «Пар» или «Пара» первоначально считались обозначениями некоего географического объекта в Запьянье⁶³. Иногда этот объект рассматривался как урочище⁶⁴. Позднее его стали определять как реку: то просто в качестве реки⁶⁵, то (со знаком вопроса) в качестве притока р. Оки в Нижегородском княжестве⁶⁶. Река с названием «Пара» действительно существует. Это правый приток р. Оки, но только в пределах никогда не принадлежавшей Нижегородскому княжеству южной части современной Рязанской области. Возможно, данное обстоятельство в какой-то мере ввело в заблуждение В.Л. Комаровича и дало ему повод связать происхождение летописного рассказа о Пьянском побоище 1377 г. с неизвестным рязанским автором⁶⁷. Однако свидетельства рассказа не оставляют никаких сомнений в том, что битва произошла в непосредственной близости от р. Пьяны, то есть в нижегородских пределах. Что же касается протекающей по территории

Рязанской области р. Пары, то до нее, даже от самых западных участков р. Пьяны, свыше 200 км. Следовательно, р. Пара, что на Рязанщине, в летописном рассказе о Пьянском побоище 1377 г. подразумеваться никак не может. На упоминавшейся выше карте, приложенной к академическим очеркам по отечественной истории, как очень небольшой правый приток р. Пьяны показана р. Пар⁶⁸. Очевидно, что составители карты, стараясь отразить географические реалии XIV в., воспользовались летописными свидетельствами о Пьянском побоище 1377 г., которые в упоминании о месте разгрома московско-нижегородского войска татарами чаще всего позволяют видеть указание на существование обозначения «Пар». Можно указать и такие работы, авторы которых считали возможным, не приводя, однако, никаких пояснений, усматривать в исследуемом летописном свидетельстве упоминание относящейся к бассейну р. Пьяны маленькой р. Пары⁶⁹. Нетрудно объяснить и причину, по которой это название со временем стало восприниматься как форма женского рода (Пара), а не мужского рода (Пар). Дело, несомненно, в том, что как слова женского рода осознаются в русской этно-языковой среде широко представленные в восточноевропейской гидронимии славянские и неславянские названия рек, нередко, кстати, оканчивающиеся на *-ра*. Ср.: Вихра, Жиздра, Истра, Мера, Нара, Пахра, Сестра, Сура, Угра, Ухра, Хмара и др. Таким образом, из предполагаемых обозначений «Пар» и «Пара» более предпочтительным казалось последнее, и в нем стали усматривать название водоема. Что же касается прочтения «Шипара», то оно почти всегда оставлялось без всяких объяснений.

Значительное продвижение в разрешении возникающих по ходу исследования вопросов оказалось возможным благодаря палеографическому подходу к рассматриваемой фра-

зе. Следует напомнить, что в древней русской письменности текст далеко не всегда разделялся на слова. Поэтому интересующее место в какой-то части летописей, если передать его с использованием древней графики, выглядело так: **идидошанашипару**. Ввиду этого невозможно сказать с уверенностью, как мысленно разбивали на слова цитированную фразу и, следовательно, как понимали ее смысл переписчики, редакторы и читатели русских летописей несколькими веками ранее. Однако выше показано, как это впоследствии делали издатели и исследователи памятников русского летописания. Совершенно ясно, что все зависело от разбивки на слова сплошного палеографического текста в соответствующем месте. Никакому сомнению не может подлежать наличие в начале рассматриваемой фразы сочетания союза и с формой аориста **дидоша** (и **дидоша...**). Если во второй части этой фразы слог **ши** отнести к двум последующим слогам **пару**, то вместе с предшествующим слогом **на**, который воспринимается как предлог, возникает прочтение ...**на Шипару**. Если же слог **ши** присоединить к предшествующему слогу **на**, то создается прочтение ...**наши Пару**. Какое же из этих двух возможных прочтений верно? По всей видимости, отсутствие ясности в данном вопросе заставляло многих ученых обходить вниманием соответствующее место. Так, в ряде научных трудов при воспроизведении содержания рассказа о Пьянском побоище 1377 г. без комментариев остается невразумительное, на первый взгляд, летописное свидетельство относительно того, куда же в конце концов прибыла московско-нижегородская рать и где же она стала объектом неожиданного и сокрушительного татарского удара⁷⁰. В одной из упоминавшихся выше краеведческих публикаций изучаемое место явно поставило издателей в тупик и было попросту опущено⁷¹. Некоторые авторы исхо-

дили из априорной уверенности в существовании на территории нижегородского Запьянья некой «Шипары». Именно такое название читается в изданном Л.А. Дмитриевым тексте и переводе летописного рассказа о Пьянском побоище⁷². Можно обратить внимание на то, что находящиеся в рассказе слова «А где наехаху в зажитьи мед или пиво...» Л.А. Дмитриев передал в своем переводе как «А если находили по зажитьям мед или пиво...»⁷³. Такой перевод в общем допустим. Однако комментарий, данный ученым по поводу древнерусского слова «зажитье», нельзя признать удачным. Согласно мнению Л.А. Дмитриева, термином «зажитье» в древности на Руси именовали «место, приготовленное заранее для размещения войска, с запасом съестных припасов и фуража»⁷⁴. В этом пояснении легко обнаруживается неправомерное соединение двух вариантов значения слова «зажитье», приведенных в соответствующей статье «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Здесь под п. 2 даны два таких указания: *«Место для войск, стан, поселение на период длительных военных операций; места заготовления съестных припасов и фуража»*⁷⁵. Показательно, однако, что ни один из примеров, приведенных из летописных памятников в качестве иллюстрации этих значений, не соответствует первому значению. Как видно, составители словаря, а вслед за ними и Л.А. Дмитриев подошли к истолкованию слова «зажитье» слишком формально, без проверки его предполагаемого значения историческими реалиями русского средневековья. Совершенно очевидно, что заранее предугадать наиболее выгодные места расположения каких-то баз было крайне затруднительно, поскольку невозможно было с достаточной вероятностью заранее определить возможные изменения маршрута сближения с неприятелем, равно как и пункты непосредственных столкновений с ним. В большинстве случаев это делало практически бессмысленным пре-

вентивное создание баз сосредоточения и продовольственно-фуражного снабжения войск. Наблюдения над далеко не единичными примерами из летописей, в том числе и над свидетельствами рассказа о Пьянском побоище 1377 г., не оставляют никаких сомнений в том, что пополнением продовольствия, фуража и т. п. действовавшие в средневековую эпоху вооруженные отряды занимались по мере необходимости в окрестных населенных пунктах, то есть в крестьянских хозяйствах, а вовсе не на каких-то заранее подготовленных базах. Под «зажитьем» в древних русских летописях, без сомнения, понимаются не слишком удаленные от маршрута движения войска и затем от театра военных действий обитаемые населенные пункты и вместе с тем сам процесс пополнения необходимых запасов в этих пунктах. На такое значение слова «зажитье» указывает и его тесное этимологическое родство с такими словами, как «жители», «жизнь». Там, где жили и вели хозяйственную деятельность люди, находились очаги жизни, то есть «зажитья», в которых не могло не быть продовольствия, фуража и пр.

Однако достаточно рано высказывалось и совершенно иное мнение по основному вопросу, рассматриваемому в данной части статьи. Так, еще Н.М. Карамзин процитировал находящуюся в центре внимания фразу по одному из списков Никоновской летописи в следующем виде: «*И доидоша наши пару*». Форма «*пару*», по мнению автора, подразумевает здесь не какой-то географический объект, а поднимавшийся над неприятельским лагерем «пар» (дым), который во время движения и был замечен русской ратью⁷⁶. С подобной точкой зрения впоследствии не согласился Н.П. Лихачев. В подготовленном к изданию тексте Рогожского летописца он поместил исследуемую фразу точно в такой же редакции, как ее читал и Н.М. Карамзин, но критически отозвался по поводу мнения Н.М. Карамзина о заключен-

ном в ней смысле⁷⁷. При этом никакого своего понимания спорного вопроса Н.П. Лихачев почему-то не предложил. Тем не менее прочтение «*И доидоша наши пару*», допущенное в свое время Н.М. Карамзиным, а затем повторенное Н.П. Лихачевым, должно считаться ничуть не менее возможным, чем предлагавшееся в других летописных изданиях прочтение «*И доидоша наши Пару*». Показательно, что Н.М. Карамзин, в отличие от многих позднейших издателей русских летописей, видел в рассматриваемом месте не упоминание о какой-то «Шипаре», а употребленную между глаголом «доидоша» и существительным «пару» притяжательную форму «наши». Только такое прочтение в указанном месте и можно считать единственно возможным, но оно требует обоснования. Важным доказательством чтения «наши» является в данном случае характерное для стилистики смежных с изучаемым фрагментом частей летописного текста употребление выражений, включающих разные формы местоимения нашъ: «*князеи наших*», «*князем нашим*», «*нашу рать*» и др. Подтверждением чтения «наши» можно с достаточным основанием считать также грамматическую сомнительность (в том числе и для летописной разновидности древнерусского литературного языка конца XIV в.) чтения «на Шипару», допускавшегося издателями многих летописей: глагол *доити* (в значении движения) требовал в древнерусских текстах с восточнославянской речевой основой дополнения либо в беспредложной форме, либо с предлогом *до*, но никак не с предлогом *на*. Веским свидетельством против чтения «на Шипару» является представленное в ряде изданных летописных памятников позднейшее модифицированное чтение «*Дошедшем (или: дошедшим) же им Пару*». Оно не оставляет уже никаких сомнений с точки зрения разбивки текста на слова. Совершенно

ясно, что позднейший редактор, перестраивая фразу, использовал указательную форму «им» вместо притяжательной «наши», то есть не усматривал в своем источнике никакой «Шипары». Это и понятно: в бассейне р. Пьяны неизвестно какого-либо географического объекта с подобным названием. Тем самым неопровержимо устанавливается ошибочность помещенного во многих изданных летописных текстах прочтения «на Шипару». Следовательно, исходить нужно из того, что в конце рассматриваемой фразы употреблено собственное или нарицательное обозначение какого-то объекта, которое в форме родительного падежа единственного числа могло записываться как «пару», «пара» или «пары».

Среди правых притоков р. Пьяны имеется небольшая речка, название которой вполне созвучно вышеприведенным словесным формам. Однако на разных географических картах можно встретить целых три не вполне одинаковых названия этой речки: «Пара»⁷⁸, «Пары»⁷⁹, «Тары»⁸⁰. На одной из не так давно изданных топографических карт Нижегородской области эта речка имеет название «Пары»⁸¹. Трудно сомневаться в том, что последнее из трех вышеприведенных обозначений («Тары») выпадает из общего ряда и, скорее всего, является следствием небрежности или недоразумения. Поэтому необходимо сосредоточиться на выяснении соотношения между названиями «Пара» и «Пары». В обоих наименованиях, на первый взгляд, как будто угадывается тот же самый корень, что и в русском слове «пар». Казалось бы, это позволяет сделать предположение о какой-то путанице между двумя похожими наименованиями. Однако в обозначении «Пары» улавливается созвучие с такими несомненно чувашскими географическими названиями, как Вурнары, Пошнары, Урмары, Ходары, Чиганары и др. Если учесть, что нижегородские запьянские территории граничат

с чувашскими землями, то едва ли это созвучие можно будет считать случайным. Вместе с тем в названии «Пара» без какой-либо натяжки усматривается следствие русификации названия «Пары». Как бы то ни было, но чувашское, по всей видимости (следовательно, тюркское в своей основе), название «Пары», которое обозначает речку, протекающую по территории Красно-октябрьского района Нижегородской области, действительно отразилось в исследуемом летописном фрагменте. Однако имеются немаловажные обстоятельства, заставляющие продолжить наблюдения.

Следует обратить внимание на то, что ни в первоначальной, ни в позднейших редакциях летописного рассказа о Пьянском побоище место, которого достигла московско-нижегородская рать и где она была разгромлена татарами, не называется рекой. Судя по форме *«пару»*, которая читается в конце исследуемой фразы, составитель рассказа осознал не определенное им в качестве реки наименование как слово мужского рода «пар». Подобное обозначение, если бы оно действительно представляло собой географическое название, в родительном падеже могло иметь только форму «пара» (в современной орфографии «Пара»). Другими словами, если бы, например, речь шла о р. Пар, то следовало бы ожидать такого выражения: «И доидоша наши Пара». Значит, форма *«пару»*, читающаяся в реальном тексте, обозначает не название реки, а нечто иное. Именно этим, видимо, и объясняется то обстоятельство, что летописцами она не поясняется в качестве названия реки. Не следует ли в таком случае рассматривать форму *«пару»* как форму нарицательного существительного «пар»? Ведь и в форме аориста *«доидоша»* совсем не обязательно усматривать значение перемещения в пространстве.

В древности существительное *паръ* (а оно могло употребляться и в форме женского рода: *пара*) использовалось, кроме прочего, для обозначения состояния жара, лихорадки. Одним из сохранившихся памятников старорусской письменности зафиксировано выражение «в пару не знати», являвшееся, скорее всего, фразеологизмом. Составители известного «Словаря русского языка XI–XVII вв.» предприняли попытку истолковать смысл этого выражения, но вынуждены были поставить предлагаемый вариант под сомнение⁸², поскольку не удалось отыскать письменных памятников, содержащих показательные для разрешения вопроса контексты. Если же для сопоставления привлечь наверняка тоже существовавшее в древности как фразеологизм выражение «дойти пару» (или: «дойти пара», «дойти пары»), то смысл обоих станет достаточно понятным. Выражение «в пару не знати» обозначало, по всей вероятности, «в разгоряченную голову не может прийти», а выражение «дойти пару» и т. п. значило «дойти до состояния горячки», «впасть в состояние жара». Не намекал ли составитель рассказа о Пьянском побоище на достижение участниками московско-нижегородского войска какого-то состояния, какого-то предела? В том, что дело именно так и обстояло, можно не сомневаться, поскольку сделанный вывод подтверждается целым рядом показательных наблюдений. Действительно, согласно летописному рассказу, русские воины и их предводители, после того как была получена весть о нахождении войска Арапши на «Волчьей воде», разошлись по окрестным селениям и лесам и занялись разными утехами. В условиях установившейся тогда сильной жары они предавались безмерному пьянству. Поэтому было от чего дойти до состояния «пару» (или «пара»), как это и отмечено в рассказе. Внимание должно быть обращено также на то обстоятель-

ство, что сообщение о внезапном нападении татар находится в рассказе непосредственно за словами «*И доидоша наши пару*». Как нетрудно догадаться, тем самым автор с иронией отмечал полную неожиданность нападения татар на утратившее всякую бдительность и боеспособность русское войско. Выше, характеризуя состояние московско-нижегородской рати, до которого она сама себя довела, летописец столь же иронически заметил: «*По истине за Пьяною пиани!*»⁸³. Здесь, как видно, использована сама собой напрашивавшаяся игра слов. Если же с этой точки зрения посмотреть на слова «*И доидоша наши пару*», то в них можно обнаружить еще более меткий каламбур. В самом деле, побоище русского войска, как это теперь совершенно ясно, произошло у впадения в р. Пьяну небольшой речки с неславянским, по всей вероятности, названием «Пары». Неудивительно, что иронически настроенный по отношению к неудаче русского войска летописец сразу же уловил в этом слове созвучие со словом «пар» в присущем ему значении характерного психофизического состояния человека, вызываемого чрезмерным употреблением алкоголя, да к тому же еще в жару.

Таким образом, в словах «*И доидоша наши пару*» следует усматривать не столько указание на место побоища, сколько ироническую оценку состояния русского войска, в котором оно находилось к моменту татарской атаки. Точно такое же совмещение двух смысловых планов, из которых один находится, так сказать, под спудом, а второй занял доминирующее положение, заложено и в соответствующих позднейших чтениях: «*Дошедшем (или: дошедшим) же им пара*», «*И доидоша пара*» (здесь форма «*пара*» является одним из возможных вариантов формы родительного падежа единственного числа от существительного мужского рода «пар»), «*И доидоша пары*» (форма родительного падежа

единственного числа «пары» в данном случае образована от существительного женского рода «пара»).

Источники, литература и примечания

1. См.: Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. XV. Изд. 2. Вып. 1. Пг., 1922 (репринт: М., 2000). Стб. 118–119; Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 118; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 1. Пг., 1915 (репринт: М., 2000). С. 308–309; Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. СПб., 1889 (репринт: М., 2000). Стб. 104–105.
2. См.: Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859 (репринт: М., 2001). С. 25–26; Тверской летописный сборник // ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863 (репринт: М., 2000). Стб. 436–437; Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910. С. 121; Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. Ч. I. СПб., 1910 (репринт: М., 2005). С. 198; Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1921 (репринт: М., 2000). С. 134; Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. XXV. М.–Л., 1949. С. 193–194; Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.–Л., 1950. С. 57; Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. // ПСРЛ. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 34, 75; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. XXVI. М.–Л., 1959. С. 124; Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. XXVII. М.–Л., 1962. С. 71; Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. XXX. М., 1965. С. 123; Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 121.
3. Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897 (репринт: М., 2000). С. 27–28.
4. Фигурирующее в русских летописях написание «Арапша», отражает естественное в восточнославянской языковой среде видоизменение имени, звучавшего приблизительно как «Араб-шах»: звонкий согласный *б* перед глухим согласным *ш* оглушился и стал звучать как *п*; глухой согласный *х* после гласного *а* (по-видимому, ударного) стал едва различим и совсем утратился.

5. Рогожский летописец... Стб. 118–119; Симеоновская летопись... С. 118.
6. *Карамзин Н.М.* История государства российского. Кн. II. Т. V–VIII. СПб., 1842 (репринт: М., 1989). Стб. 25–27.
7. *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. II. Т. 3–4. М., 1988. С. 273.
8. *Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Ч. I. Очерк истории. Н. Новгород, 1857. С. 26–27.
9. *Каптерев Л.М.* Нижегородское Поволжье X–XVI веков. Горький, 1939. С. 94–95.
10. *Комарович В.Л.* Литература Рязанского княжества XIII–XIV вв. // История русской литературы. Т. II. Литература 1220-х – 1580-х гг. Ч. I. М.–Л., 1945. С. 86.
11. *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.–Л., 1950. С. 287.
12. *Тихомиров М.Н.* Куликовская битва 1380 г. // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 343.
13. *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 91.
14. *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 46–47.
15. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь–М., 2000. С. 263.
16. Очерки истории СССР. Период феодализма. Ч. II (XIV–XV вв.). М., 1953. С. 220–221. Среди карт, приложенных к этому изданию, см. карту № 2.
17. *Кирьянов И.А.* Нижний Новгород в период феодальной раздробленности Руси (XIII–XIV вв.) // История города Горького. Горький, 1971. С. 28.
18. *Макарихин В.П.* Нижегородский край XIII–XIV веков по данным русских летописей // Нижегородский край в эпоху феодализма. Материалы научных чтений. Н. Новгород, 1991. С. 13.
19. *Филатов Н.Ф.* 1) Великое Нижегородско-Суздальское княжество (1341–1392) // Нижегородский край. Факты, события, люди. Н. Новгород, 1994. С. 34; Изд. 2. Н. Новгород, 1997. С. 39; 2) Нижегородский край. Хрестоматия (История

- в документах с древнейших времен до 1917 года). Арзамас, 2001. С. 15.
20. Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец)... С. 57; Устюжские и вологодские летописи... С. 34, 75.
 21. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 186.
 22. Нижегородский край. Хрестоматия... С. 15.
 23. *Кантерев Л.М.* Указ соч. С. 94–95.
 24. *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 343.
 25. Нижегородский край в документах, цифрах, рассказах, мнениях. Хрестоматия. Отв. ред. Е.В. Кузнецов. М., 1992. С. 39–40.
 26. Предложенное в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (т. 3. М., 1976, с. 166) объяснение формы *вътороꙗѣ* (причем именно в рассматриваемом выражении Рогожского летописца) как «второꙗѣ» принято быть не может. Составители словаря не учли, что с палеографической (и орфографической) точки зрения написание *вътороꙗѣ* выступает на месте *въотроꙗѣ* («въ отроꙗѣ»).
 27. *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г. Биографические очерки. Т. II. СПб., 1891. С. 413, прим. 1166.
 28. *Насонов А.Н.* 1) Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.–Л., 1940. С. 132; 2) История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 177.
 29. *Егоров В.Л.* Золотая Орда перед Куликовской бмтвой // Куликовская битва. Сборник статей. М., 1980. С. 209, прим. 150.
 30. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории северо-восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 229, прим. 206.
 31. *Бугославский С.А.* «Повесть временных лет» (Списки, редакции, первоначальный текст) // Старинная русская повесть.

- Статьи и исследования под редакцией Н.К. Гудзия. М.–Л., 1941. С. 9.
32. Рогожский летописец... Стб. 104.
 33. Рогожский летописец... Стб. 106; Московский летописный свод конца XV в. ... С. 189; Симеоновская летопись... С. 114.
 34. Рогожский летописец... Стб. 109; Московский летописный свод конца XV в. ... С. 190; Симеоновская летопись... С. 115.
 35. Рогожский летописец... Стб. 112–113.
 36. Там же. Стб. 113.
 37. Там же. Стб. 116.
 38. Рогожский летописец... Стб. 118–119; Московский летописный свод конца XV в. ... С. 193–194; Симеоновская летопись... С. 119.
 39. Рогожский летописец... Стб. 134–135; Московский летописный свод конца XV в. ... С. 199–200; Симеоновская летопись... С. 127.
 40. Рогожский летописец... Стб. 135; Московский летописный свод конца XV в. ... С. 200; Симеоновская летопись... С. 127.
 41. См.: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.–Л., 1941. С. 29, 55.
 42. См.: *Марков А.К.* Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896. С. 477.
 43. Патриаршая или Никоновская летопись... С. 27.
 44. Нижегородский летописец // *Шайдакова М.Я.* Нижегородские летописные памятники XVII в. Н. Новгород, 2006. С. 149, 169, 183 и др.
 45. См., например: *Насонов А.Н.* История русского летописания... С. 188–191.
 46. *Сочнев Ю.В.* Об одном ошибочном месте в нижегородском краеведении // Нижегородский краеведческий сборник. Т. I. Н. Новгород, 2005. С. 153–154.

47. См., например: *Егоров В.Л.* Указ. соч. С. 194, 195–196, 197, 203–204.
48. Патриаршая или Никоновская летопись... С. 27.
49. Там же.
50. Там же.
51. См., например: *Российская летопись по списку Софийскому Великого Новгорода*. Ч. I. СПб., 1795. С. 293; *Софийский временник или русская летопись*. Издал Павел Строев. Ч. I. М., 1820. С. 352; *Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ*. Т. IV. СПб., 1848. С. 73; *Софийская первая летопись // ПСРЛ*. Т. V. СПб., 1851. С. 236; *Новгородская четвертая летопись...* С. 308; *Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ*. Т. VI. Вып. 1. М., 2000. Стб. 451.
52. См., например: *Вологодско-Пермская летопись...* С. 124; *Никаноровская летопись...* С. 71.
53. См., например: *Патриаршая или Никоновская летопись...* С. 27; *Симеоновская летопись...* С. 118; *Владимирский летописец...* С. 123 (здесь между союзом «и» и формой аориста «доидоша» явно по чьему-то недоразумению помещено слово «татарове»).
54. См., например: *Воскресенская летопись...* С. 25; *Типографская летопись...* С. 134; *Московский летописный свод конца XV в. ...* С. 193; *Пискаревский летописец...* С. 121.
55. См., например: *Летописец, содержащий российскую историю с 6714(1206) лета до 7042(1534) лета*. Изд. 2-е. М., 1853. С. 91; *Ермолинская летопись...* С. 121.
56. *Львовская летопись...* Ч. I. ... С. 198.
57. См., например: *Тверской летописный сборник...* Стб. 436–437; *Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец)...* С. 57; *Холмогорская летопись // ПСРЛ*. Т. XXXIII. Л., 1977. С. 88; *Нижегородский летописец ...* С. 149–150, 169–170 и др.
58. *Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей*. Отдел II. *Указатель географический*. СПб., 1907. С. 327, 566.

59. См.: Ермолинская летопись... Указатель географический. С. 235.
60. См.: Никаноровская летопись... Указатель географических наименований. С. 404.
61. См.: Типографская летопись... Указатель имен личных и географических. С. 261, 269; Новгородская четвертая летопись... М., 2000. Указатель географический. С. 685; Софийская первая летопись старшего извода... Указатель географических и этнических названий. С. 580.
62. Вологодско-Пермская летопись... Указатель географических наименований. С. 404.
63. Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей. Отдел II. ... С. 327, 566; Симеоновская летопись... Указатель географический. С. 310; Ермолинская летопись... Указатель географический. С. 235; Новгородская четвертая летопись... М., 2000. Указатель географический. С. 685.
64. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки... Указатель географический. С. 55.
65. Львовская летопись... Ч. I... Географический указатель. С. 675; Пискаревский летописец... Указатель географических названий. С. 298; Софийская первая летопись старшего извода... Указатель географических и этнических названий. С. 580.
66. Московский летописный свод конца XV в. ... Указатель географических наименований. С. 441; Никаноровская летопись... Указатель географических наименований. С. 404; Владимирский летописец... Указатель географических и этнических наименований. С. 226.
67. *Комарович В.Л.* Указ. соч. С. 85.
68. См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Ч. II... Карта № 2 из числа приложенных к этому изданию.
69. *Кирьянов И.А.* Указ. соч. С. 28; *Кучкин В.А.* Указ. соч. С. 229, прим. 206; *Пудалов Б.М.* Вспоминая С.Б. Сенюткина: Пьянское побоище, «Пилотный холм» и неоконченные строки // История и исторический процесс. Материалы научной кон-

- ференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора Сергея Борисовича Сенюткина (3.12.2004). Н. Новгород, 2005. С. 45.
70. См., например: *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 273; *Экземплярский А.В.* Указ. соч. С. 413–414; *Комарович В.Л.* Указ соч. С. 86; *Тихомиров М.Н., Дмитриев С.С.* История СССР. Т. I. М., 1948. С. 93; *Очерки истории СССР. Период феодализма. Ч. II...* С. 220–221; *История России с древнейших времен до конца XVII в. М., 1996. С. 276–277; Сочнев Ю. В.* Указ. соч. С. 153–154.
 71. Нижегородский край в документах, цифрах, рассказах, мнениях... С. 39.
 72. Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 151, 153.
 73. Там же.
 74. Там же. С. 478.
 75. *Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978. Стб. 196.*
 76. *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Прим. к тому V, главе 1. Стб. 16.
 77. *Рогожский летописец...* Стб. 119 и прим. 1.
 78. Карта Нижегородского наместничества. Б. м., б. г.; Карта Нижегородской губернии. Издание Нижегородского губернского продовольственного комиссариата. Н. Новгород, б. г.
 79. Карта Сергачского уезда Нижегородской губернии. Издание Нижгубздрава. Н. Новгород, б. г.; Карта Нижегородской губернии в границах на 1 января 1925 г. Н. Новгород, б. г.
 80. Карта Горьковской области. Административное деление на 1 декабря 1939 г. Б. м., б. г.
 81. Нижегородская область. Топографическая карта. 1998. № 48.
 82. *Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. М., 1988. С. 149.*
 83. *Рогожский летописец...* Стб. 118; *Симеоновская летопись...* С. 118.

Нижегородские прологи в кругу других рукописных

Л.П. Жуковская

Памятник древнерусской письменности — Пролог — кратко, но емко определен в Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова следующим образом: «Пролог... В древней Руси — сборник кратких житий, поучений, назидательных повестей, размещенных в порядке церковного календаря»¹. Здесь же другая словарная статья с двумя значениями на слово Пролог, с указанием на его антоним — «эпилог»². В словаре С.И. Ожегова статьи на Пролог в значении «древнерусский сборник» нет вообще.

В моем докладе на IX Международном съезде славистов дано более пространное определение: «Пролог — это своеобразная "Библиотека избранных произведений" средневекового читателя, библиотека популярной литературы, дос-

тупной каждому *читателю* и внедряемой в сознание еще большего числа *слушателей*. Организованный по принципу обязательных чтений на каждый день года, Пролог служил книгой для *ежедневного* чтения и слушания. Тем самым Пролог был самой демократической книгой средневековья и значение его в сфере формирования культуры и, в частности, *литературного языка* трудно переоценить»³. Этот доклад был прочитан лингвистам, и потому «культура» звучала общо, а специально был назван только литературный язык.

В вышедшем четырьмя годами позже под редакцией Д.С. Лихачева первом выпуске Словаря книжников и книжности Древней Руси (СККДР) в статье «Пролог», подписанной Е.А. Фет, дано такое определение: «Пролог — древнерусский житийный сборник, ведущий свое происхождение от византийских месяцесловов или синаксарей. П[ролог] имеет календарный характер: жития святых расположены в нем в соответствии с днями их церковной памяти; на каждый день года обыкновенно приходится несколько житий и памятней святых. Проложные жития отличаются исключительной краткостью и сухостью изложения (ср. минеи). (Следует заметить, что с последним замечанием согласиться нельзя, так как это качество статей Пролога относится лишь к статьям византийского происхождения. — Л.Ж.). П[ролог] был переведен в Киевской Руси как необходимое пособие при богослужении, но уже в домонгольское время пополнился множеством помещенных в него с назидательной целью рассказов и поучений, благодаря чему превратился в своеобразную православную энциклопедию»⁴. Однако переведен на Руси был не Пролог, а собственно византийский Синаксарий, представлявший собою, по определению Г. Дьяченко, «собрание исторических сведений о празднике или о каком-либо святом»⁵. Следует обратить внимание и на данное Г. Дьяченко определение другого памятника церковной

письменности: «Месяцеслов = святцы, календарь, указание дней святых и праздников по порядку чисел месяца»⁶. Месяцеслов или, скорее, Синаксарь должен был попасть на Русь по крайней мере с принцессой Анной, будущей супругой Владимира I Святославича, если не с его бабкой Ольгой после принятия ею христианства в Константинополе. Получивший известность на Руси первоначальный Синаксарий-Месяцеслов послужил композиционным образцом для составления древнерусского памятника — Пролога — и должен был содержать не только «собрание исторических сведений», но прежде всего самый перечень памятных дат. В СККДР правильно констатируется, что Пролог «сделался со временем любимой книгой для чтения»⁷. Если бы это было не так, то списки Пролога не занимали бы такого главенствующего положения среди других средневековых сборников. Пролог можно с полным основанием признать краткой библиотекой всемирной литературы православного христианина.

Эта библиотека может состоять из одного тома, как находящаяся в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО) рукопись Пролога, относящаяся к 1606 г. (см. далее). Она большого формата (34 см на 20 см при толщине 15,5 см) и содержит без малого 1800 страниц, точнее 891 (или 889) пронумерованных листов. Это могут быть столь же большие по формату, но более удобные для чтения рукописные книги, содержащие тексты с 1 сентября по 29 февраля включительно — так называемый Пролог осенне-зимней половины. Именно таков Пролог из Нижегородского собрания в РГБ (см. далее). К нему должен быть том весенне-летнего Пролога, содержащий памяти и тексты с 1 марта по 31 августа. Краткая всемирная библиотека православного христианина может состоять из четырех книг, текст которых разделен по временам года: сентябрь–ноябрь,

декабрь–февраль, март–май, июнь–август. В качестве исключения предстают стихные прологи троиче-сергиевского происхождения, также хранящиеся в РГБ⁸. Таковы и некоторые другие рукописи того же собрания⁹.

О списках Пролога осенне-зимней половины года мною было доложено на IX Международном съезде славистов в 1983 г.¹⁰ В докладе рассматривалась типология и текстология списков этого выдающегося памятника письменности древних «руссов». При исследовании около 400 списков Пролога XIII – начала XVII в. были выявлены: а) 52 списка I-й редакции (№ 1–52); б) 186 списков II-й редакции (№ 53–239) (обе эти редакции подразделены еще и на «виды»); в) 24 рукописи, сочетающие списки I-й и II-й редакции, то есть написанные с разных прологов или восходящие своими частями к разным спискам (№ 240–263); г) 10 списков, представляющих обновленную редакцию, в которой были объединены (иногда даже соединены) тексты об апостоле Андрее (до того они были разъединены «Словом» Ефрема) (№ 264–273); д) 21 список, содержащий редакцию, названную мною «летописной», где в статье об освящении Софии Киевской (4 ноября) возраст Ярослава Мудрого указан в 64 года, а не в 66 лет, как было в Прологе до того (№ 274–294); е) 16 списков прологов и проложных сборников разного состава (№ 295–310); ж) 7 рукописей, определенных мною в то время как «Пролог нестишной южнославянской редакции» (№ 311–317).

Эта последняя группа при изучении тех списков Пролога, которые включали и весенне–летние статьи, впоследствии была определена мною как «Ранняя редакция древнерусского Пролога»¹¹. В ней имеется память: «День преставления царицы (или: цесарицы) Ольги» (11 июня), тогда как в I-й и II-й редакциях Пролога и в Стишном прологе (см. ниже) другая титулатура, другая лексика и, что самое важное, дру-

гой месяц: «День успения Ольги, княгини русской» (11 июля!), то есть как принято считать и сегодня. В этой группе находим также память Мстислава Великого (сына Владимира Мономаха) и английской королевы Гиды Гаральдовны (15 апреля), о чем Н.Ю. Бубнов специально писал: «Особое внимание следует обратить на житие и память князя Федора–Мстислава, пока не обнаруженные в русских Прологах»¹². К счастью, в последнем Н.Ю. Бубнов ошибся: этот текст, а не только память, имеется в прологах бывшей Синодальной типографии, написанных русскими писцами северо-западного происхождения¹³, а не только в сербских и болгарских. В прологах этой группы представлена редкая память Кириллу и Мефодию (25 августа) и текст о Борисе и Глебе (24 июля) особой редакции. Поскольку названные памяти и некоторые другие текстологические приметы в сохранившихся южнославянских рукописях представлены, а в определенных архимандритом Сергием¹⁴ и поддержанных в наше время исследователем Пролога Н.Ю. Бубновым I-й и II-й редакциях отсутствуют или представлены принципиально иначе (см. выше об Ольге), можно отнести такие рукописи к предшествующей им *изначальной* редакции Пролога. К южным славянам она была перенесена с несохранившимися до нашего времени древнейшими списками из Руси «на рубеже XII–XIII вв., когда на Балканах формируются новые редакции правописания и ведется восстановление уничтоженной в XII в. славянской письменности на базе русских оригиналов»¹⁴.

В названном выше докладе по материалам чтений на 20 дат (21 текст) классифицированы и списки Стишного пролога. В этом памятнике письменности многие статьи предваряются двумя, реже четырьмя стихами или «стихословиями», надписанными словом «Стих». В них раскрывается, подчас весьма высокопарно, содержание основного текста к

каждой данной памяти. От XIV в. архимандриту Сергию (при втором издании его фундаментального труда он был уже архиепископ) и в наше время Н.Ю. Бубнову был известен из осенне–зимних толко один Пролог¹⁵. В докладе их классифицировано уже 66 списков XIV – начала XVII в. и печатный 1643 г. К ним относятся несколько сербских и болгарских (№ 1–7), среди более многочисленных средневековых русских (№ 8–50) один украинский¹⁶ и один молдавский¹⁷ (все они отнесены к стиховой редакции). С № 51 следуют списки собственно русской редакции, названной мною пока собственно *стишной*. Сюда относится и печатный Пролог 1643 г. (№ 67). Из числа весенне–летних прологов XIV в. к этой редакции Сергей и Н.Ю. Бубнов отнесли два списка¹⁸. Изучавшая русские памяти в Стишном прологе на май О.Г. Злыгостьева выявила уже 30 списков XV–XVII вв.¹⁹ Мною к настоящему времени просмотрено весенне–летних нестишных и Стишного пролога уже около 120 рукописных книг. Списков стишного Пролога дошло значительно меньше, потому что памятник этот относительно молодой: «Стишной пролог появился у греков в XII в. и был переведен на славянский язык в XIV в. От XIV в. славянских стишных прологов до нас дошло немного»²⁰ (см. выше). Но, как видим, тех и других теперь известно уже свыше 500. Допускаю, что после более или менее исчерпывающего изучения этого памятника письменности хотя бы только в основных книгохранилищах число их может приблизиться к 1000 томов. Из них южнославянские могут содержать годовой набор памятней и кратких текстов в одном томе, древнерусские же могут составлять годовой комплект из двух или четырех многолистовых томов (см. выше).

Разумеется, представляет значительный интерес выявление томов, составлявших единый годовой комплект Пролога. И.П. Павлов говорил, как свидетельствует молва об этом

удивительном ученом: «Если в мыслях нет идеи, то глаза не видят фактов». Относительно Пролога только Стишного есть основания думать и, следовательно, *доказать* текстологически, палеографически, лингвистически или как-то еще или, наоборот, *отвергнуть*, например, такие «идеи». К одному ли годовому комплекту относятся прологи, принадлежавшие ранее библиотеке Синода, а ныне хранящиеся в РГИА²¹. Следует проверить предположительное родство ряда рукописей, находящихся в РНБ²².

Считаю своим долгом проанализировать под этим углом зрения стихные прологи из собрания Троице-Сергиевой лавры²³. Так, Трц-715 (на март–май) предшествует Трц-717 (на июнь–октябрь), за ним, возможно, следует Трц-720 (на ноябрь–февраль). Два первые, Трц-715 и Трц-717, датируют XV в., а Трц-720 «до 1469 г.». Возможно, Трц-716 (на март–май) предваряет Трц-718 (на июнь–октябрь), оба они XVI в., за ними, вероятно, следовал Трц-722 (на ноябрь–февраль).

Пролог не может быть изучен одним лицом сколько-нибудь исчерпывающе даже за несколько десятков лет. Поскольку же изучение Пролога по своим выводам может быть полезно для всего комплекса гуманитарных наук, а также и для истории церкви, то исследование надо проводить силами представителей практически всех сфер гуманитарных знаний.

Названный выше доклад (конечно, не сам текст доклада, а сведенные в развернутые таблицы № 1 и № 2 материалы к нему) потребовал работы в течение значительного числа лет. Исследование проводилось методом «зондирования», заимствованным мною у геологов. Этот прием отбора текстов из входящих в Пролог около полутора тысяч памятней был предложен мною и одобрен значительным числом медиевистов на Международном симпозиуме по средневековым сборникам, состоявшемся в 1979 г. в Фессалониках²⁴,

на котором собрались ученые из многих стран мира, от Австралии до Канады. В число рассмотренных мною в типологическом и текстологическом отношении списков осенне-зимних статей Пролога входили переводные сочинения о православных святых и мучениках восточных и греческих, древнерусские сочинения разного содержания, от просто житийных до исторических и географических. Чего, например, стоит текст о построении Ярославом Мудрым храма святого Георгия (26 ноября, т.е. Юрьев день осенний), из которого узнаем безусловно, что денежные единицы в середине XI в. были меховые: куны возили на «возах», «возилах» или «телегах» в комары Золотых ворот, чтобы оплачивать «тружающихся»²⁵, или текст о хождении апостола Андрея (30 ноября) с описанием основных водных артерий Восточной Европы²⁶. Представлены были и инославянские статьи — чешские, сербские и болгарские. Так в состав Пролога вошли произведения, разные не только по содержанию и редакции, но различающиеся и по изначальному языку оригинала, по времени написания.

Мне посчастливилось много лет работать в Институте русского языка АН СССР (формально с августа 1950 г. — Институт языкознания, вобравший в себя Институт русского языка и наиболее приспособившихся сотрудников Института языка и мышления им. Н.Я. Марра) при выдающихся русистах-древниках, его директорах академиках С.П. Обнорском, В.И. Борковском, В.В. Виноградове и члене-корреспонденте Ф.П. Филине. При академике-секретаре Отделения литературы и языка В.В. Виноградове был самый плодотворный период в жизни науки о русском языке за все годы советской власти. Готовились и выходили две фундаментальные библиографические серии (с 1825 г. по 1880 г. и с 1917 г. по пятилетиям, пока последнюю серию не прервал последний директор — Ю.Н. Караулов, не имевший работ

по русистике и славистике), словари (17-томный академический, Малый в 4-х томах, Словарь языка Пушкина, Словарь одного говора — деревни Деулино Рязанской области, Словарь русского языка XI–XVII вв., Этимологический словарь славянских языков), диалектологический атлас, тома Трудов Института, докладов и сообщений, составлявшие серии или вне серий сборники трудов отдельных секторов, академическая грамматика русского языка и многое другое. С 1952 г. стал выходить журнал «Вопросы языкознания» — детище В.В. Виноградова, затем менее сложный «Русская речь». Когда-нибудь блистательные годы русской лингвистики — 1950-е – 1970-е — назовут золотым тридцатилетием. Впрочем, заложенное В.В. Виноградовым продолжает публиковаться, хотя и малыми тиражами и по одному тому в год или в два, вместо двух томов в один год ранее, при В.В. Виноградове и даже при Ф.П. Филине (особенно это относится к историческим словарям и вообще к истории языка и даже историкам языка²⁷).

Работа по Прологу была включена в мой план при последнем, но изучать надлежало не Пролог и даже не язык Пролога, а проблему так называемого южнославянского влияния, которую исполнитель — сиречь автор настоящей статьи — решила изучать на списках Пролога. Для получения сопоставимого материала надлежало отобрать тексты одной редакции, сохранившейся в разновременных списках, от древнейших до конца XV в. или начала XVI в. Такой представлялась исполнительнице, немало помучившейся над текстологией списков Евангелия, работа над новым источником, дошедшим до нас также во многих сотнях разновременных списков. Благодаря такому подходу из печати вышли частные лингво-текстологические статьи и источниковедческие статьи по отдельным чтениям Пролога осенне-зимней половины года²⁸ и ряд палеографических и кодико-

логических наблюдений над разными кодексами²⁹. Однако все эти работы нельзя квалифицировать как исследования именно по текстологии самого Пролога. Наоборот, в них использовались текстологические наблюдения над памятником как таковым. В то же время каждая статья, хотя и посвящается конкретной лингвистической проблеме, одновременно демонстрирует правильность проведенного ранее собственно текстологического анализа. Таким образом, здесь налицо прямая связь этих двух наук. И если ранее речь шла о значении лингвистики для текстологии, то ряд статей по материалам Пролога демонстрирует значение текстологии для лингвистики.

Остановимся на двух вышеупомянутых прологах, которые можно связывать с Нижегородским ареалом. Отметим, что в обоих отражено изменение этимологического *ѣ* в *e*, издавна присущее этому региону Русской земли.

Пролог, ныне хранящийся в составе Нижегородского собрания РГБ³⁰, был введен в научный оборот в моем докладе на IX Международном съезде славистов. Он, как наидревнейший в своей группе, возглавил списки Пролога II-й редакции, озаглавленные как «Прологи нестишные и сборники с пространными статьями». Там указано, что Пролог из Нижегородского собрания РГБ (в то время он обозначался мною «Горьк-103») содержит чешские памяти с соответствующими текстами Людмиле (16 сентября) и Вячеславу (28 сентября); что на память Веры, Надежды, Любви и их матери Софьи (17 сентября) нет перечисления их греческих имен в заголовке, как нередко бывало в списках Пролога II-й редакции, что в самом тексте указаны все три сестры (в некоторых списках Надежда отсутствует), что все они указаны с обычным для них возрастом: 12, 10, 9 (а не 20 для Веры и не 10, 8 или 5 для Любви); что под 29 октября содержится краткая редакция жития Анастасии, которая в

прологах I-й редакции представлена под 22 декабря; что под 4 ноября находится текст об освящении храма святой Софии в Киеве, в заключительной части которого указан возраст Ярослава Мудрого в 66 лет (в 21 списке это 62 года; в Повести временных лет — 76 лет, но это число в Прологе пока не встретилось; в некоторых списках — 65 лет); что особый интерес представляет текст под 4 декабря на память св. Варвары (см. ниже); что под 22 декабря представлен краткий текст II-й редакции жития Анастасии; что под 24 декабря находится краткая «а» редакция жития Евгении. Кроме того, таблица показывает наличие текстов на память построения храма св. Георгия (покровителя Ярослава Мудрого) (26 ноября); показано, что под 30 ноября имеется текст о крещении Русской земли апостолом Андреем и что он отделен от изначального текста об апостоле Андрее «Словом» Ефрема о праведных и о грешных; что под 30 ноября находятся тексты о св. Анисьи и о Феодоре греческой. Таблица содержит и важные негативные данные : отсутствие памятней Иоанну Рыльскому (19 октября), Иоанну Мегленскому (21 октября), Михаилу Болгарскому (22 ноября), Стефану Сурожскому (15 декабря), Петру митрополиту Московскому (21 декабря), Савве Сербскому (14 января) и, разумеется, коль скоро Пролог из Нижегородского собрания нестишной, отсутствие Стостишия Евгении (24 декабря).

На память Варвары (4 декабря) в данном Прологе представлено ее существенно распространенное житие. Мощи св. Варвары (IV в.) в 1108 г. были перенесены в Киев из Константинополя Варварой (дочерью византийского императора Алексея Комнена), женой киевского князя Святополка (Михаила) II Изяславича, и как ценнейшее приданое были положены в Михайловском (что связано с именем духовного покровителя ее супруга) Златоверхом монастыре. Пространное житие Варвары представлено также в ряде

других рукописей³¹. Содержание пространного текста о св. Варваре неодинаково в разных рукописях и требует специального литературоведческого анализа. По языку и по художественным средствам выразительности они явно позднего происхождения. В одной из упомянутых рукописей (БРАН, 13.8.2.) текст к тому же предваряется «Стихом», что свидетельствует о необходимости привлечения для последующего сопоставительного анализа еще и материалов Стишного пролога.

Кроме указанных памятней и их содержания, в рукописном Прологе из Нижегородского собрания РГБ имеются еще три заслуживающие внимания русские памяти: Убиение Глебово в Смоленске (5 сентября), Слово о знамении св. Богородицы в Новгороде (27 ноября), Память Кирилла Философа, учителя словенского (14 февраля).

О рукописи имеются археографические данные в машинописной описи фонда № 732: Нижегородское (б. Горьковское) собрание рукописных книг. Т. I. М., (1980)–1988. С. 146–148. Здесь узнаем, что она «из книг А.Ф. Морозова, д. Привалово Городецкого района, что в 7129 г. (= 1621 г.) эту книгу продал тотменин Дружинка Максимов, сын Кузнецов, старосте микольскому Ждану Михайлову Воченьской волости, что на л. 410об. имеется владельческая запись: «Сия богодухновенная книга села Городья крестьянина Аполлона Дмитрича Колесова». Там же датировка по Брикке: «1546 и 1530 гг.» и «1531 и 1534 гг.». Как видим, приведенные записи не позволяют утверждать, что Пролог был написан в Нижнем Новгороде или его регионе, поскольку первый из указанных лиц был житель г. Тотьмы. Однако впоследствии книга хранилась в Городце и могла оказать какое-то влияние на рукопись упомянутого выше Пролога 1606 г. из ЦАНО³².

В этом Прологе на л. 891об. читается запись (см. далее). Здесь же на левом поле позднейшим почерком она разъяснена так: «1606 года (при Са/мозванцѣ) Лжедмитрїи». Хотя эта рукописная книга написана весьма четким полууставом разными почерками, местами она несколько «слепа» по письму. Заголовки и текст в ней поданы очень экономно, и каждая новая память не начинается с новой строки, хотя инициалы показаны красным. Поскольку этот огромный фолиант лучше поберечь и не листать его взад и вперед в поисках нужного числа, нужной памяти или нужного текста, а также потому, что содержание рукописи не расписано постатейно в архивной описи, приведем перечень памятей, представляющих, по нашему мнению, особый интерес, с тем чтобы будущим исследователям было легче ориентироваться при отыскании нужного им материала (следует только иметь в виду: цитируемые отрывки довольно часто не отличаются исправностью, отражая неизбежную порчу текстов позднейшими переписчиками, но состояние этих текстов в сравнительно поздней рукописи, как и любой другой, может представить самостоятельный интерес; статьи древнерусского и инославянского происхождения приводятся полностью, а все прочие только в своих начальных частях; личные и географические имена воспроизводятся с прописной буквы; при передаче текстов паерки не сохраняются):

Месяц сентябрь

5 сентября: ...В той днѣ оупение Глѣва · кнѣз рускаго сѣа
 Евлѣмѣра ~ Его звиі свои братѣ Стѣполкѣ · посла оубициѣ ·
 преже ко посла · с лестию кѣ Муромѣ · глѣ зовѣ тѣ ѿцѣ твои ·
 оуже ти дние его скончались его · вѣ ко брата Бориса оуже

оубилъ · на Глѣва готовитсѧ оубьеніемъ · мышлѧше во вратию
извити · и ѡнъ княжение приати · емѹ же конецъ въ · мѹка
вѣчна · тако рече прѣкъ · оублазе грѣшникъ в сѣкти свои · Гле-
вови во гадѹще · ико вывшю оу града Смоленска на Сладине ·
приспѣ ѡкаанныи оубици немлтивнии звѣрие · дшю изимающе
без млти · посланнымъ ѡкоаннымъ Стѣполкомъ · гровъ же
сѣи целование · а ѡ нихъ чагаше · а ѡни оружие готоваше
на нь · и вскокавше в носадъ · гаша сѣагѡ · поваръ же сѣаго
Глѣва · именемъ торчинъ закла гна своего · мѣа сеньтѡвѡ в
·ѣ· днѣ · и повергоша его на пѹсте мѣсте · но Гб Бгъ не ѡстави
своего раба · такѡ и прѣде сѣаго Стефана прѣвомчнка прослави ·
ѡвога во видахѹ столпъ ѡгненныи · сѣа горѡща · и ѡвога пѣ-
ние аглѣское · возвестиша во граде ѡ сѣомъ · и шѣше взѧ сѣаго
тѣло · дондѣ Ярославъ победиша Стѣполка · принесе и в
Вышегородъ ∴ (л. 10–100б.);

16 сентября: ... В той днѣ сѣыл мчнци Людмила · бабы сѣа
Вѡчесла ∴ Блженнаѧ Людмила · вѡше ѡ земля Серпски кнѣа
серпскаго жена именѣ Боровои · вѡхѹ во тогда не быи крѣщенита ·
тога быта въкупѣ · и просветиста има ѡчи срѣни · крѣтистасѧ во
има ѡца ї сѣа и сѣаго дѣа · и созѣста цркви · и совокуписта
ерѣи · и рѡста · г · сѣови и дщери · Боровои же жиста тридесѧ · ѡ · ѡ ·
лѣ · житѣ сего ѡидѣ · блженнаѧ же Людмила всю печаль
имѣаше к Бгѹ · и все свое имѣние въ млтвнию разѣа · снѣ еѧ
Ратисла прѣа прѣтлѣ ѡчѣ · и тои владѣвъ · лг · лѣта · почи ѡ Гѣ ·
и прѣа власть Вѡчеславъ внѹкъ Людмилинъ · тога нача мыслити
мѣи Вѡчеславѧ · на свекрѡвъ свою на Людмилѡ зло · и всѡческѣ
искаше погубити ю · раѹмѣвшѣ Людмила и ѡидѣ во инъ гра ·
Тетинъ нарицаемыи · снохѣ еѧ совещаѣа со двѣма ѡжриномѧ ·

посла и̇ в Тетинъ · да выста погубили свекровь еѣ Лиѡмилу ·
пришѣшима̇ разбонникома тѣма · и сове сло совокупиства · вечерѣ̇
бывшую · вступиша со оружиемъ и дрекольми · да двери еѣ раз-
биша · ї внидоша во храмъ · емши̇ Лиѡмилу вергоша · и
оубиваломъ сши̇ глѣвы еѣ · возложиша на шею еѣ · тѣмъ
оудавиства ю · и тако прѣпатъ конецъ житью · въ днѣ
суботныхъ въ первыи чѣтъ ноши · живши же лѣтъ ·ѣ· едино лѣто ·
ї Бгѣ годившую · и мѣниа венецъ приатъ · Бгѣ же велми
прослви ю · и показа ѿ ней знамение чюдна на мѣсте · идѣ же
вѣ погребена · не вѣ во во цркви · но пѣ стеною града · идѣ же
по вса ноши кланяхуся · свеца горѣща · нѣкни слепецъ прозрѣ ·
прикоснувся персти · идѣ же Лиѡмила лежаше · и ѿтоле много
чюдеса быша · и їже слыша внукъ еѣ Вячеславъ · и пѣщався
принести бабѣ свою · во слѣвныи гра̇ Прагѣ · и положиша мощи еѣ
во цркви сѣга Георгіа · идѣ же и нѣкѣ многа чѣса со-
творѣтъ·: (л. 30об.–31);

17 сентября: ...Мѣца тогѣ въ ·зї· день · стѣтъ стѣкѣ мѣнцѣ
сестренѣ · Фасты · Япидии · Япинѣи · рекше Вѣры · Надѣ · и
Лиѡви · и мѣри и̇ Софѣ :~ Стѣа мѣнца Софѣа · со тремѣ свои-
ми дщери · бы̇ ѿ Италия влѣ Рима · влговѣрна и бѣгата ·
любаше за Ха̇ оумрети · пониши три своѣ дщери и пришѣши в
Римъ · во цртво Андреане · и крѣтишася ѿ рѣского еѣпа... (л.
32об.);

28 сентября: ...В той̇ днѣ стѣтъ сѣга Вячеслѣва · кнѣа
чѣскаго :~ Подобно есть прѣже видети ѿчество и столъ сѣго
мѣнка Вячеслава · сѣ̇ вѣ снѣ Вратиславль чешьскаго кнѣа ·
имѣа пѣ собою два врата · Бвлеслѣва · испытати гнѣва · и пре-
ставлеше же сѣ ѿцѣ и̇ · и приа Вячеславъ столъ ѿчѣ · и тогѣ̇

ради члѣци · начаша сваживати братию · первое^ѣ наоучи
Бѣчеслава · да ѿженеть ѿ себе мѣрь свою · ркуще тѣмъ оубити
со братома · тако бо прѣде^ѣ естъ оубила баву Людмилу · и ѿгна
матерь свою в Бѣдочь градъ · и по мале покажвса · паки приведе ю
к себѣ · богаре же послаша ко брату его глѹще · аще нѣ
не послушаеши · и не оутвердишиса оубити брата своего · то инѣ
тебе хоцетъ оубити · а мы бо тебе приемъ · и тебе паче хоцемъ
с нимъ сотворити · на тебе совѣтъ золь · Болеславъ оумоли же
брата своего Бѣчеслава принѣти к себѣ на шѣпниѣ цркви · и
пришѣши Бѣчеславъ · любезно пребывста · въ днѣ шѣпениа ·
восхотѣ же Бѣчеславъ · ѿитти ѿ града · оумоли его Болеславъ
до оутри днѣ повеселитиса · глаша бо языкомъ лестнымъ ·
паче живота своего любѣ · а в срци своемъ ѿ оубивстве его
помышлаше · и тако вблѣ^ѣ Бѣчеславъ во граде · три ноци
оутвердивъ совѣ с воары своими Болеславъ · ѿ оубьени брата
ни · зауро идущи Бѣчеславу к заутренни во црковь · постѣ^ѣ Боле
славъ с воары · и оудари во главу мечемъ · и побѣ^ѣ Бѣчеславъ
во црковь · постигоста два воарина · и расекоста во^ѣ верѣ^ѣ
црковны · инѣ же проведе ему ревра мечемъ · предасть стѣни
Бѣчеславъ блжннѹю свою дшю в рцѣ Бжии · поилннику же
свитающю крови его · не многоша потерти по три днѣ · с стѣнѣ
црковны вопиаше во кровь его аки Явелева к Бгѹ · на Болеслава ·
по неколицѣ днѣ и лѣтѣ^ѣ принесены быша моци его · во слѣвны
градъ Прѹга · и положены быша оу стѣ^ѣ Вита во цркви ·: (л. 54—
55);

Месяц октябрь

29 октября: ...Мѣца тогѡ въ ·кѡ· днь · стрѣть сѣыа мѣци Янастасѣи римлани ~ Мчница Янастасѣа вѣше ѿ града Римскаго · во црѣтво Диоклитѣана · дщи бѣговѣрнѣу родителю и бѣгату · ѿ матери навыче Хвѣы вѣры · а ѿ Крѣхоzona крѣтыанскаго зчителѣа · сѣыимъ книгамъ · и восхотѣ же еа мѣжъ · еллинъ богатъ помати ю · сии же зане вѣ крѣтыана · и ненавидаше его... (л. 157об.—158);

Месяц ноябрь

4 ноября: ...В той днь сѣиние сѣыа Сооии црѣви · в велицемъ гра Киевѣ ~ Стѣа Сооиа ю вѣ созадъ бѣговѣрныи кнѣзь Ярославъ · и и митрополию сѣѣи Сооїи сотвори · и по семь црѣвь на златѣ вратѣ созадъ сѣыа Сооїи Бци бѣговѣиние · и вѣ заложилъ гра великии рекомыи Киевъ · по семь сѣго Геургиа манастирь · тако во во крѣпїи нареченно вѣыть имѣ емоу Геургїи · тѣм же во имѣ свое созда црѣвь · и сѣыа Ирїи црѣвь созадъ · таже числомъ лѣтомъ вѣыть ѿ начала мироу · 5·ф·мѣ · и при семъ нача вѣра крестїанскаа в роуси плѣтїса и раширѣ · и чернорїци начаша многи быти · и манастири начаша быти · и вѣ Ярославъ любѣа црѣвныа оуставы и провїтеры любѣа село · излише чернорїци любѣа · и книгамъ прележа · и почиташе в ноци и вѣни · и собра писци многи · и прикладаше ѿ греческїи книгъ на словѣское писмо · и исписа книги многи · ими же поучающеса вѣрїи лѣе наслажаютса ежтѣвнаго глса · та се кто землю разорить · и дроутїи насѣеть · и инї пожинаютъ и падаѣтъ пицю векоуноую · ѿць во сего Володѣерь землю разорѣа оумалгци · рекше крѣпїнемъ проѣти · се же насѣа

книжными словесы срѣца вѣрныи людѣи · а мы пожинаемъ оучениемъ книжное приемлюще · велика бо полза бываетъ ѿ оучениа книжнаго · иже бо книжнаа словеса часто почитаетъ · то вѣсѣдоуетъ с Бггомъ · или со стѣми моужки · почитаа пророческаа вѣсѣды и еѿлескаа оучениа · и апльскаа · и стѣи ѿцѣ восприимлетъ дша великоу ползоу · се князь тако же рекохомъ любимъ вѣ книгамъ · и исписавъ положи во стѣи Софѣию соза · и оукраси ю златомъ и сребромъ · и сосоуды црквиными · в ней ѿобычныа пкени к Бггоу всылаемъ · и ины цркви по градомъ поставлаше и по мѣстомъ · поставлаше провитеры и дѣяконы · и даа имъ ѿ имѣниа своего и оурокомъ · и велѣ имъ оучити люди приходити часто ко цркви · и радовашеса Дрославъ вѣдѣ многи цркви · и люди крѣпцѣны село · а врагъ сѣтоваше · побежаемъ новыми людми крѣпцѣскими · и тако поживъ во блгочѣи · и предасть дшу в роуцѣ Гни · мѣца фѣра въ ·к" · и въ всѣ лѣтъ Дрославъ ·ꙗꙗ ·: (л. 175–176);

30 ноября: ...Мѣца того въ ·л· днѣ · страсть стѣго апла Андѣа · врата Петровъ ·: Сеи прѣныи братъ великого апла Петра · по вознесени Гѣ ншего Исѣа Хѣ · по всемѣ поморию Виѣаниа · по семъ же ѿиде в Севастии гра великии... (л. 238); Далее заголовок: В той днѣ стѣ стѣго мѣнка Филумена ·: Затем: В той днѣ слѣ стѣ Фѣрѣма · в прѣныи и в грѣныи ·: Богатъ нѣкто во странѣ нѣкои · купи собѣ село · въ онѣ странѣ реки нѣжныа · и призва своа равы · и шедъ двѣе раздели имъ село · давъ комуждо · а акѣ самъ восхотѣ... (л. 238–239об.);

Месяц декабрь

4 декабря: ...Мѣца тогѡ въ ·д· днѣ · стрѣть стѣла мѣца · Еввары ~ Стѣла мѣнца Еввары въ ѿ Востока · дщи Диоскора · нѣкоего елина · при Магемьлане незаконно цѣри · зане быти еи краснѣ · тако да не восхититъ еа никтѡ · ѿцѣть же еа сотвори столпъ высокъ · затвори ю в немъ · и дастъ еи идолы · да поклонитса имъ... (и далее продолжается краткий текст I-й редакции) (л. 246–246об.);

22 декабря: ...Мѣца тогѡ въ ·кв· днѣ · стрѣть стѣла мѣнци Янастасѣи · ѿ с нею стѣи женъ ~ Мѣнца Янастасѣа въ при Диоклитѣлане цѣри · в Римѣстемъ граде · дщи бл҃городнѣ и богаты родителю · ѿ мѣри навъче въре Хвѣ · а ѿ Рхусогона крѣтъанскаго оучителя стѣламъ книгамъ · пол же мѣжа по плоти глѣмаго · богата збо елина же · тѣмъ зане не видѣше его... (л. 290–290об.);

24 декабря: ...Мѣца тогѡ въ дватцать четвертый днѣ · стрѣть стѣла мѣнци Евгины · ѿ с нею ~ Во цѣтво Комода въ стѣла Евгины · дщи Филиппа епарха римскаго · ѿцѣю же еа во Ялександрѣю посланѣ вывшю Комодомъ · да бѣдетъ и тѣ епархъ · имѣ жена его дѣти свои и идоста · иде стѣла Евгины · и тамо наоучеса всякомѣ писанию еллинскомѣ... (л. 294об.–295);

26 декабря: ...В той днѣ слово ѡ черноризце · его же бл҃҃҃ница не прелестивши оумре ~ Мнихъ нѣкий въ в нижныхъ странахъ Египта · именитъ · единъ живыи в пѣсте мѣсте · и по силѣ Сатонине прииде нѣкаа бл҃҃҃ница · слышавше ѡ немъ · и рече оуношамъ · что ми хоцете дати · низложю мниха вашего · ѿвѣшаша ѡни и рѣша · дадимъ вещь явленнѣ · и шѣше вечеръ х кѣльи его · ако бл҃҃҃дещи · и толкнѣ во двери его · и видѣвъ ю

смаѣтеса · и гла еи · како сѣмо прииде · она же рече плачюци · блудящи придохъ сѣмо... (л. 301–302об.);

30 декабря: ...Мѣца тогѡ въ ·л· днѣ · страсть стѣмъ мѣнци · Янисии ~ Стѣмъ мѣнца Янисиа вѣ при Максѣмъане цѣри · ѡ града Селунскаго · родителя имущѣ бл҃гочетна · и вѣрна и богата · и тема оумръшила · шета стѣмъ едина житиѣмъ · и делниѣмъ оу҃гожающе Б҃гови · во единъ оубо ѡ днѣ · по шобычею идущи ко цѣкви · стрѣте ю воинъ нѣкни · поклонитель идольскии · имъ ю · и нѣжаше пѣрети идоломъ... (л. 306об. –307);

Месяц январь

18 января: ...Мѣца того же въ ·нѣ· днѣ · памѣ стѣхъ ѡцѣ ншѣ Яѡнасиа · Кириѣ ~ Стѣми Яѡнаси вѣ в Костантѣне граде · во цѣтво великаго Костантина · приидѣ ѡ Александрѣа · посланъ вывъ Ялѣксандромъ архиепискупомъ на Никѣискии своръ... Я стѣми Кириа вѣ при Фѣдосѣи Малѣмъ · сестриничъ Фѣвдѣла патриарха · того же града Ялѣксандрѣиска · егѡ высть намѣстникъ · прииде же и тои на снемшиса своръ во Сѡесе... (л. 352–352об.);

Месяц февраль

14 февраля: ...В тоѣ днѣ памѣть прѣнаго ѡца ншго Кирила · оучѣтелл словенскѣ азѣкѣ ~ (л. 407). Однако текста при этом заголовке нет.

После л. 446 в этом Прологе утрачено несколько листов с текстами на начало марта. На л. 447 читается (без начала) текст о св. Исихии. Первую мартовскую дату — 6 марта — встречаем только на л. 450. Далее отметим неко-

162

торые приходящиеся на март памяти, по которым методом зондирования мною ранее собирались данные по весенне-летнему Прологу:

Месяц март

6 марта: ...В той днь слово Патрекѣа еѣпа . ѿ исходащѣи огни ѿ земли в рѣлины мѣстехъ :~ Стѣи сѣномѣнкѣ Патрекѣи глѣтъ . тако двѣ мѣсте оуготова Бгѣъ . едино многы стѣи . ихъ же прѣвни наслажаютса . а другое тмы и огна . идѣ же грѣшнии мучатса . тако огонь не точию на земли положилъ е Бгѣъ . но и на нѣси есть огонь и вода . и на връху земли . вода же есть преиспѣнага глѣмата бездна . ѿ неа же аки си помѣ точатса источники на животѣ ншѣ... (л. 450об. —451);

17 марта: ...Мѣа тогѣ въ .зї. днь . памѣ прѣнаго ѿца Ялѣѣа чѣка Бжї :~ Сеи вѣ ѿ ветхаго Рима . сѣтъ Соуфїта патрекѣа . мѣри Ягаласи . вѣатѣ и блговѣврнѣ родителю . иже бракѣ сотвориета емѣ . и извраша емѣ ѿ црѣска рода невѣстѣ . бракѣ бывшю и чертогѣ совершннѣ . в на же вѣ время приближитиса невѣсте . и давѣ еи вврѣчитѣныи перстень . изыде из дому . и пришѣ во градѣ Едесский . и прѣвѣ оу цркви лѣ . вї . в нищиухъ ризѣ... (л. 475—475об.);

27 марта: ...Мѣа тогѣ въ .зї. (ошибочно вместо .кз.) днь . стра стѣи мѣнкѣ . Фунита . Соуноклита . и жены его Лудии . и чѣ ею . Мадониа . Фешприа . и Яноилохиа . Блгви ѿ :~ При Яндреане црї тїи вѣша . той вѣ блжныи Фунитѣ . и прѣста црви . црѣ же не возмогѣ противитиса прѣмрѣти мѣнка . предастѣ Яноилофею дѣце . и тон повѣсивѣ на древе строгаше . и по семѣ в темницѣ верже . и с комитомѣ коментарисомѣ .

вѣровавши ѿ ему · в ноши поющими и молщиса имъ · приидоша
англи оукрепляюще ꙗ на повиги... (л. 502об.);

Месяц апрель

12 апреля: ...Мѣца тогѣ въ · вѣ · днѣ · память прѣбѣагѣо ѿца
ншего Василиа епѣа Париа · и въ по Павле епѣе во скорбѣ и во
знынии ~ Тъи стѣи Василии за премногую его добродѣтѣ · и
блжннаго ради расъма · и чѣаго житиа и пребываниа рад · епѣтъ
въ в Паріи · и по вжтвеннемъ Павле и зане сѣхждахусѣ со ико-
новорци и препираше и · и написаше неразорение стѣи иконъ... (л.
541);

15 апреля: Памяти Мстислава, сына Владимира Монома-
ха, нет;

20 апреля: Памяти Алексея, митрополита московского,
нет;

Месяц май

2 мая: ...Мѣца тогѣ в · вѣ · днѣ · принесение мощѣ стѣою славною
мѣнкѣ Бориса и Глѣва ~ По збъении стѣою мѣнкѣ Бориса и Глѣва
прослави ꙗ · и дастъ има чудотворныа дары · слѣпни прозираю
ѿ нею · хромии рѣкѣма сдравие принимахъ · и мѣчѣма в погребѣ
ѿ шковѣтъ избавляета · положени быша въшегородѣ · во
древаной цѣркѣ стѣаго Василиа · по семъ оумножшимъ сѣа чуде-
семъ · и времени минувшю · егда же сѣда Изяславъ в Києвѣ ·
помысли созати цѣркѣ каменѣ стѣима чудотворцѣма · и ему же
восхотѣ · то и сотвори · шкончанне бывши цѣркѣ · в лѣ-
то · с · ф · п · е ѿ начала мирѣ · а по збъении минѣ лѣ · с · вѣ · с · трѣю

совокупшиа вратиа Ирославици · Изяславъ · Стославъ · Все-
 волд · митрополї же вѣ тога Гевргини · и епїи Петръ переславъ-
 скии · Михаило пороскии · Феодосии игүмѣ печѣскии · Софронї и
 инии мнози · и сотвориша праникъ свѣтелъ · и вземше Бориса в
 древаѣнои раце · Изяславъ · и Стославъ · и Всеволд · понесоша и
 сами · впрѣ идущимъ черныцемъ со свещами · а по нї дѣлкони с
 кадилы · а по тѣ митрополитъ со епїи и прозвитеры · такѣ и с
 ракою кнзи · принесше в новю цркви · и ѡкрыша раж · и се
 жко дымъ идаше ѡ нем · и наполниа цркви влгиа вон · и се
 видѣвше · вси прославиша Бга · митрополита ѡбыде гроза · вѣ
 во нетвердо вѣржа к нима · и пд ниць · проса прощениа · и
 целовавъ мощи его · и вложиша в раку каменю · по семъ вземше
 Глѣба в раце камене · и воставиша на крѣлы · и емше за оуже
 влеча · и егда быша во дверехъ не постүпиша рака · и многоу со-
 твориша млтвину народу · велла Бга молити · и тако положиша в
 каменои цркви · мѣа маиа вѣ ·б· днѣ · по семъ выша многа
 чудеса · таже и нѣ сүть Бжью влѣтнїю · и стю млтвами ·:
 (л. 592–593); Далее заголовок: В той днѣ оупение и во стѣ
 ѡца шѣго Яфнасиа еппа Ялѣандрѣа ·: Здесь заслуживает
 внимания, что изначальная византийская память и текст по-
 мещена после русской Бориса и Глеба;

3 мая: ...Мѣа тогѣ в ·г· днѣ · зспение прѣвнаго ѡца шѣго
 Феѡсиа игүмена персаго · налника в Рүстѣ земляѣ мнишескомѣ
 житю · и созад и возрасти великую лаврж · сүщю пресїннү паче
 всѣхъ · по все вселенней сүщихъ ·: Феодосии прѣнныи ѡцъ
 шѣ вѣ ѡ града Василева · ѡ влговѣрнү родителю рожеса · по
 то же родителема его по кнжи воли · повелѣнно бы ити во гра
 Курескъ · и тамо дастеса на оучение грамоте · ѡцъ же его пре-

стависѧ · сущю Феодосію · ꙗко ꙗко · тогда нача на труды прости-
 ратисѧ · не волюби игры дѣтиныѧ · и веселиѧ пустошнаго · ни
 облачашесѧ во свѣтлꙋ ризꙋ · и печаше праскꙋры ко цркви · и
 шедъ в кꙋзницю перекова сѧ желѣзомъ по чресломъ · и то нача
 вогрызати во плоть · и мѣти его зѣвѣдавши · и излома на нѣ же-
 лѣза · по семъ оумысли ити во Иерлѣмъ · и постигши мѣти его ·
 приведоша свѣдѣна · и паки оумысли бежати к Киеву · и взати
 англскіи вбразъ · да тако зкрыетъ матери свои · пришѣше к
 Киеву · и похоже во граде · и изыде на Берестовое · и вниде въ
 пещерꙋ ко бжженному Антонию · и оумоли ѣ быти с нимъ ·
 великій Антоніи повелѣ ѣ стрещи Никонꙋ · и нача трꙋжатисѧ
 вслѣдъ на братію · мелаше во самъ и мꙋкъ сѣлаше · и дрова
 ношаше · и печаше хлѣбы · вѣстѣ въ мѣри его · яко чернецемъ
 естъ в Києве · и скоро восставши · иде х Киеву · и приде к пеще-
 ре Антоніеве · и хоташе нꙋжею влещи Феодосіѧ · но Бжбею
 блꙋтню оумилшисѧ · встави его Бгꙋ работати · и сама
 оумоленна имъ пострици въ черници · в томъ грѣ Києве · и за
 многꙋю его добродѣтель въ игꙋменомъ по Антоні · и сотвори
 собѣ с черници · да созиждетъ црковь каменꙋ стѣки Бци · и по-
 молсѧ Бгꙋ · ископа шенование · и начаша здати црковъ ·
 молашѣ шобычѧ Феодосіи · во днѣ Великого поста · вхощаше в
 пещерꙋ в Масленꙋю нлю · и созѧхꙋ ш немъ дверце · и тамо
 пребываше до сѣботы Лазоревы · постасѧ в мѣтвахъ · и
 трꙋжалсѧ к Бгꙋ клананиемъ · и сшѣшю емꙋ во Цветнꙋю нлю ·
 и целовавшю братію · и вывѣшю Пасце празноваша свѣтло · въ
 ·ѣ· и же днѣ повелѣ братіи обратисѧ к себѣ · и оудариша в би-
 ло · и собрасасѧ вси · вѣ же лежа прѣмо цркви на дворѣ · и рече
 шци · и братіѧ · и чада · се азъ ш васъ шхожю · яви во ми Гб

в постное время в пещере · и тои самъ позвал ма есть · въ̑ кого
хощете имѣти игүменомъ · да бл҃гословлю его вамъ · и испро-
сиша Стефана дѣмественника · и бл҃гословивъ его · рѣ̑ имъ · се не
до конца игүменъ бѹдетъ вамъ · ако же и въ̑ · по семъ нача
г҃лати имъ · се же знамение вамъ по ѿшествии моеѣмъ · аще
бѹдетъ згодилъ Бг҃у · и приалъ ма бѹдетъ Бг҃ъ · то
манастырь имать множитиса и богатѣти · и все в немъ
привѹдетъ · то вѣжъте · ако приалъ ма есть Бг҃ъ во бл҃гн̑ ·
аще ли wskyдевати начнетъ потребами и чернѣци · то раумѣите ·
ако нѣсмь згодилъ Бг҃ови · и заповѣда имъ положити са в пе-
щере · идѣ же многи показа труды · рекъ сице · положите ма в
нощи · во вторюю свѣоту по Пасце · мѣа маиа въ · г̑ · днѣ пре-
дастъ дүшю в рѣцѣ Бг҃у · вечеру же бывшю · со свѣцами несо-
ша · и положиша в пещере чѣное тѣло его · ако же повелѣ · во
wсмое на десѣтъ лѣто по преставлении его · совѣтъ сотвориша
чернѣци со игүменѡ̑ · и рѣша · нѣ̑ добро лежати ѿцю нѣемъ
Феодосию · кромѣ цркви своеа · поне то есть wновалъ ю · и
зстроиша мѣсто · и раку камену поставиша · и пре̑ трею днѣ
оүспениа стѣ̑ Бци̑ · и посла игүменъ · г̑ · бг҃овознивы мнихи · да
прокопаютъ на̑ мощми · и трудившеса до полунощи · мнахѹ ин-
де копающе · единъ̑ прокопану на̑ мощми · и высть гла̑ ѿ него
оүже вы клепаѡ̑ · и в часъ клепаниа гавишаса три столпы на̑
црквию · ако зарѣ wгненна · и се видѣша мниси вси · и мнози
во граде · имъ̑ возвеще и рѣша видѣвше зарю на̑ манастыремъ ·
се оүже приносатъ Феѡсѣ̑ · оүтрѹ̑ бывшю · множество ли̑ при-
идоша ис Кіева со свѣцами · и с темъаномъ · и на другн̑ днѣ
совокүпѣшаса епѣ̑ · переславскн̑ Борѣанъ · Стефанъ
волѡмерскн̑ · и Іѡанъ черниговскн̑ · Янтон̑ пороскн̑ · игүмени

вѣѣ манастревѣ . и воложиша мощи на вариманатѣю . не вѣ во
ѣже тѣла . но состави не распадалиса бѣхъ . а власи главнии
притѣсли бѣху ко лѣвѣ . и вземше со псалмы . положиша оу
цркви стѣла Бѣа во притворе . на деснои странѣ . въ .дѣ.
августа :: (л. 594об. —596об.);

9 мая: ...В той^ѣ днѣ^ѣ принесение мощей стѣаго и великого чудо-
творца Николы . ѿ Мирѣ в Барѣ градѣ ::~ Понеже за
оумножение греховѣ нашихѣ . попуцающе Бгѣ на крѣпаны каз-
ни . ѿво гладомѣ . ѿво нашествиемѣ иноплеменикѣ . акѡ вѣ в
земли Мирстен . идѣ же прѣтлѣ архиепѣа . ѣ во стѣѣ ѿца наше-
го Николы . по смрѣтвиѣ его много лѣ мину . и нашешо аззыкѡ
варварскѣ . поплениша землю Мурскѣ и гра^ѣ Лукни . идѣ же вѣ-
ша честныа мощи стѣаго Николы . и вѣ прѣстѣ не имѣа люди
много . и оустѣхуса Сѣрии ѿ Антиѡхиа шѣше . взати мощи
стѣаго Николы... (л. 614—615); Далее заголовок: В той^ѣ днѣ^ѣ сло-
во ѿ патерика га^ѣ поза^ѣ ѣ трѣжатиса своима рѣкама ::~ Бра^ѣ вопро-
си старца . рци намѣ глѣ . и рѣ старецѣ потцимса дѣлати . и
не ленимса себе спсемеа . и повѣда тако ратаи вѣ нѣкто во-
гатѣ . и хотѣа сѣны своа научитѣ вратѣ . и рече имѣ . чада
вѣсте ли како ѿбогатѣхѣ . и вы аще послушаете мене
ѿбогатѣете . и рѣша емѣ молим тѣ рци намѣ... (л. 615—
615об.);

10 мая: ...В той^ѣ день^ѣ слѣ ѿ чѣнориче нходѣше и манастрѣ^ѣ ::~
В земли Сѣрстен во городе Болѡмерове Киевѣ . ѣ мѣсто тако зово-
мое Берестовое . и тѣ есть манастирь стѣла Бѣа . рекомыи
Печерскии . лавра стѣаго Фѣвдосиа . тѣ вѣ черноричецѣ слабо
живыи . при стѣомѣ Фѣвдосиа . и часто ѿбегаше ѿ манастиря .
и паки приходѣше . блженныи с радостию принимаше его . глше

бо · не имать Бѣ въставити его тако · да кромѣ монастыря того
 скончается · се бо и многожды ѿходати есть ѿ насъ · но и се
 имать конецъ житю приати в монастыри семъ · и с плачемъ
 Бѣа молаше ѡ немъ · проса трыпѣниа емоу · таче по мноземъ
 исхоженіи · прииде ему единоу к монастырю · молаша великомъ
 Феѡсію · да бы приатъ былъ · той же присети мѣтивыи · тако
 ѡвча ѿ заблужениа пришеше · тако с радостию приатъ · и
 причте ко стаду своему · тогда же черноризецъ той же бѣ своима
 рѣкама дѣлаа · стажалъ имѣниа мала · бѣ бо платна дѣлаа ·
 сил принесе · прѣ блженымъ положи · той стѣи гѣа емъ · аще
 хоцеша черноризецъ совршенъ быти · вземъ сил · тако
 ѡслушаниа дѣло есть · вверзи сие в печь горяцю · ѡнѣ теплъ
 сын на вѣру · несый повелѣниемъ блженаго · вверже в печь · и
 тако изгорѣ · самъ же ѿтоле живаше в монастыри томъ прочаа
 дѣи своя · и тако тѣ по прощению блжнаго ѡспе с миромъ ∴ (Л.
 616об. –617);

12 мая: ...В той день память прѣбнаго ѡ на · Мефѣа епѣа
 моравскаго ∼ Прѣбныи ѡцъ ншъ Мефѣди бѣ ѿ града
 Селѣскаго · ѿ савитѣ рѣтелю и богатѣ рѣдеса · ѿ ѡца Леа · и
 мѣри Мариа · бѣ же ѿ оуности ѡноша мѣръ бесѣдѣ · крѣпко
 тѣло · тѣк и знаемъ бѣ црви всегѣ прѣ собою · егѣ же вы лѣ · вѣ ·
 постави его кнѣ во Гловенѣ · и пребывъ тамо лѣ · і · извыче
 азыку словѣску · и помысли скороминѣщее житѣе вѣка сего · и
 долгое грѣшникомъ мѣниа · и оумилиса въ страхъ Бжии · по
 ложив санъ кнжениа прѣ цремъ · і ше на Липскѣю горѣ · и вы
 мни · некогѣ же посла црѣ врата Кирила в Козары · да приведѣ
 жида и ижметъ ѿ ѿ земла ѿ · влху бо козары приаши
 жидовскѣю вѣрѣ · Кири же оумоли врата своего Мефѣдиа ити с

совою · тако ѡмѣаша ꙗзыкѹ словѣскꙋ · швыѣста же всю страну
 тꙋ · и силою Хѣою вса лю оувѣриста и жиды прогнаста · просахꙋ
 же словене крещениа · козары крѣпниа и ѹчитела · а моравлене
 еппа · а вѣгаре наставника · возвратившꙋ же са Меѣдию в
 Кстантї градъ · патриархъ же стїивъ еппа · и возвратиса в
 Моравѹ · во гра Каѡ · и тꙋ многа чюдса сотворивъ · Заври же
 нѣкто родѡ казаринъ · а вѣрою еретикъ · нача противитиса
 Меѣдию · хота хꙋлити вѣрж Хвѹ · и повелѣ кнѣзь моравский
 быти сворꙋ · собра же са жидовъ с Гавриемъ · вѣ · людии ·
 Меѣей же прииде единъ посрѣ ихъ · тако вѣдчиша на стꙋю вѣрж
 Хвꙋ · Меѣдинъ тако изащѣ борѣ · прѣческими и апльскими
 словеса · ако славе вой на шке рꙋцѣ стрелла · на жиды и на
 еретики · никако же не погрешаше · и тако препрени быша ѡ
 Меѣдинъ · сотвориса чюд велие · Самврий расседса · а среди
 слвы земля пожре · и прочїи же поже огнь · и тако рабегошаса ·
 радїи вѣша крѣпне · и нарекоша оуста Хва · поживъ во старос-
 ти доврѣ преставї к Бгꙋ ∴ (л. 618об. —619);

17 мая: ...В той днь слово ѡ патерика ѡ пѣлѣстве и ѡ по-
 коланнї ∴ Молю же всакого чѣка · хотаща дати поколаннї Бгꙋ ·
 хранити себе ѡто многа вина · то во вѣдвизаетъ вса похоти въ
 члцехъ · и изгонитъ стра Бжїи ѡ дша · шваче всею силою про-
 си ѡ Бга · да подастъ ти страхъ свои · да желаниемъ еже къ
 Бгꙋ · погꙋвиши вса похоти ворушася противꙋ шканнїи дши ·
 хотаща розлꙋчитї ѡ Бга · да наследꙋю... (л. 636—636об.);

21 мая: ...Мца тогѡ въ ·ка· днь · памѣ влговѣрнаго црѣ
 Костѣтїи и мѣри е Елены ∴ Она влжнаа Елена въ ѡ града на-
 рицаемаго Герпа · ѡ прѣделъ перскї · рожешиса ѡ ѡца
 Февдора елина сꙋща · мѣри нарицаемыа Елены · во црѣтво

Диоклитъѡне · тогда Коста Селеныи епаршескии предержа санъ · посланъ же вѣи в Персы мира дела · и дошедъ града Серпа · побита тѹ Февдора гостинника · и проси да емѹ вбращетъ дѣцю блѹда рѡ · Февдоръ же не вбрете · приведе емѹ свою дщерь Еленѹ дѣю сѹщю · и вѣи в полунощи знамение велико · лвиса сѣнце посреди нѣси стол · и лѹча испѹщаше на ню... (Л. 644об. –645об.);

22 мая: ...В той дѣнь память иже во сѣи ѡца нѣго Мелхиседека :~ Подобно есть первие ѡчество и рѡ блѣннаго Мелхиседека сказати · имъ же глѣтса неродослѣвенъ · вѣи во ѡ племени Хамова · его роди Нои · Хамъ роди Хуса · Хусъ же роди Крона · Кронъ же роди Фѹра · Фѹръ же роди Неврода · еже и стоппъ замысли здати · по розделений ѡзыкъ Невродъ роди Ламарла · Ламарлъ роди Диса · Дисъ же роди Мелхила · Мелхилъ же роди сего Мѣхиседека · Мелхилъ же вѣи црѣ Палестинстееи земли · и во Иерлме жрьтвѹм · и хотѣ сотворити жрьтвѹ кѣмиромъ · посла Мелхиседека во стадо привести волы и овны · идыи же Мелхиседекъ и возрѣ на нѣо · и видѣ оѹкрашено звездами · и рече томѹ было лѣпо принести жрьтвѹ · иже сотвори нѣса · и на нѣ почиваетъ · и вбращешиса вспать · ко ѡцю своему Мелхилѹ... (Л. 647об. –648об.);

23 мая: ...В той дѣнь вбретѣе чѣнго телеси сѣго сѣла Левѣти · еппа ростѡска :~ Сен вѣи блѣнныи Костѣтина града роженъ и воспитѣ · и за премногѹю его добродѣтель · еппомъ поставленъ вѣи Ростовѹ · им же пребывши еппи · Февдоръ · Иларионъ избегоша · не трѣпаше невѣрствиа и многодосѣдениа люди · се же блаженъи зкрепивса силою крѣтною и помощию сѣиа Бца · и многимъ пощенемъ · и вѣдннемъ · наѣчи ѡ вѣровати Хѣи · и

чюдеса преславна содѣлавъ . ѿ ни едино в мале скажемъ . стѣому
 прилежаще оучению . и наказующе во цркви . и лакающе младыи
 дѣти . ѿступити ѿ лести идолскиа . и вѣровати во стѣю
 Троицю . ѿца и сѣа и стѣго дха . имъ же во старии ширачшася
 невѣрствиемъ своимъ . не внимаху оучению его . яко самъ Хъ
 истинна . яко вино ново . в мѣхи вливати . шбое соблюдаеця .
 аще ли въ ново в мѣхи ветхи . и мѣси просадутъ . и вино
 прѣтсѣ . и шбое погивнетъ . се же блжнии штавь стѣаца . и
 оуча млнци . и абие оустремишася невѣрнии на стѣпомазаннью
 глву . швии со шржкнемъ и дреколиемъ . тако игнати и града .
 или оубити . еппѣ ни мало смѣтися . но паки оукреплаше . и
 смѣщася с нимъ шрвитеры йконы . гла к нимъ . чѣаца не
 оубоитсѣ нахожениа ихъ . не могуть во намъ ничто ве Божиа
 попущениа сотворити . и абие швлечсѣ во сѣныа ризы . и пове-
 лѣ шршвитеромъ йкономъ швлещися в ризы . и яко придоша
 и видѣша лице его яко англу . и абие падоша мртвии . а држзии
 шслепоша . но стѣи млтвою цѣлы и зравы восташи . и наоучи
 а вѣровати Хви . и кртивъ а во стѣю Троицю . ина многа
 чюдеса сотвори и памяти достоина . ко Году его измлада
 возлюбивъ . с миромъ ѿиде . и положено стѣое его и чтное тѣло
 въ цркви прѣстѣа Бци . ю же вѣ создалъ преже вывши его
 еппѣ . и по семъ многимъ лѣтѣо минувшимъ . по Бою
 попущению загорѣсѣ градъ Ростовъ . и погорѣ мало не весь градъ . и
 цркви погорѣ прѣстѣа Бци . и повелѣ блговѣрнии и вѣохранимии
 кнѣз Яндрѣи . снѣ великого кнѣз Геургии . внукъ Владимѣ .
 создати цркву камену во имя прѣстѣа Бца . на мѣсте погорѣв-
 шемъ стѣа цркв . и начаша копати рвы . и швретоша
 блженнаго Исанию . и вѣ цркви мала шснована . и начаша лѣе

молитисѧ кнѣзю · да вы повелѣтъ волѣ цркви заложити · и едва
змоле вывѣ · повелѣ воле ѿ выти · се же всегѧ звѣдетсѧ Бггомъ
рѣнное во сто ѿвалы · не можетъ гра оукрытисѧ връхъ горы
стола · и никто светилника вжеть · поставлаѣ по спуду или по
щдромъ · тако и семъ светилникъ и наставнику · не можно на
толико лѣ кровенну выти по землею · се же вы всемураго Бга
промысломъ · и копающимъ ровъ рѣнен стѣнѣ · и шбретоша
гробъ · и вѣ кровенъ двема дскама · и людемъ не
домыслашисѧ · и шврзше гробъ · и видѣша лице его тако
свѣтъ светашесѧ · и рызы его тако вчера шволченны · ш преве-
ликое чюдо вратие · толикомъ лѣтомъ минувшимъ · не изме-
нисѧ вжтвенное тѣло его · и рызы его не изотлѣша · пачѣ и
гробъ в немъ же вѣ стое тѣло его · видѣвшѣ людие · ворадова-
ша же сѧ рѣстнию великою zelo · и послаша вѣстѣ ко кнѣзю Анд-
рѣю · повѣдающе емъ бывшее чюдо преславное · слышавѣ кнѣзь ·
прослави великю мѣдрость Бжю · и моласта Бггү глше · Блго
Ги Исѣ Хсѣ · что ти воздамъ за всѧ ѿ ми еси воздалъ · ко всеи
швласти и моеи державе · сподобилъ еси сицею сокровищю
шкровенну выти · и поминаѧ спсное слово глше · тако штѧи еси ш
премѣрыхъ и раумны · и шкрылъ ѣ таи млнцемъ · и посла вско-
ре гробъ каменъ · положити в немъ тѣло стѧго · идѣ же и
доинѣ лежитъ во цркви прѣстѧмъ Бци · содевал прѣслѧнаѧ чюде-
са · подоваѧ исцелениѧ с вѣрою приходящимъ · прѣчѣки Бци ·
и ко стѣи раце его · во слѧвү Хсү Бггү шшемү · и в дръжавү и
повѣдү хртолюбивомъ кнѣзю шшемү · славаще стѧю Трцию шца и
сѧ ѿ стѧго дха всегѧ и нынѣ ∴ (л. 653–654об.);

Месяц июнь

9 июня: ...В той днь памѧ прѣвнаго ѿца ншго Кирила · архиеппа александрскаго :~ Кирилъ дивныи ѿць ншъ вѣ ѿ граѧ александрскаго · сестричичъ Феофила патриарха · воспитанъ же въ всѣмъ наказаніемъ · римскимъ научиса книгамъ · и по спеніи нѣа своа вѣщамъ причтомъ приати прѣль александрскии · и еретиѧ аки волки ѿ цркви ѿгна · невѣрныа в вѣрж вративъ · и вселеннсю блгочестіемъ наслѣдивъ · и всако писаніе в хотѣннѧ ново сказавъ · и еретика с престола сверже · и прѣтѣю двѣ Мрїю Ха рѣшю Бцю нарече... (л. 692–692об.);

17 июня: ...В той днь слово нѣкоего старца ѿ почитании кнїиенъ · ако полезнее всѣ книг почитати псалтырь :~ Рѣ старецъ вѣрѣте ми чадо · ничто тако смѣшаетъ и вкорбляетъ и струпъ сотворити · и погубитъ и шпечалитъ вѣсы и самого Сатонѧ · акѣ побчитиса намъ псаломъ и почитати приѣбно псалтырь · и вса на книги на ползу сѣтъ · и вѣчалъ немалу сотворитъ весомъ · но не тако акѣ шлѣтръ да роди ѿ ней · ибо побчиса шлѣмомъ во ѿ совѣ молимъ · вѣ вѣсы кленемъ · егда во глѣмъ помилѣи ма Бже · по велицен милти твои ѿцисти безаконіе мое · и не ѿверзи мене во время старости · внегѧ изнемоши крѣпости мои · и не ѿстави мене · симъ вѣсы кленемъ · егда глѣмъ да воскресетъ Бгъ и разидѣтсѧ врази его · и да бежатъ ѿ лица его вси ненавидѣшии его... (л. 704об. –705);

20 июня: ...В той днь слово ко всакому крѣланнѣ :~ Чада моа возлюбленнаа · вспоминайте колика вѣтъ ѿ премлѣтиваго Бга · воспрѣдохомъ · вемрѣтное и везпечалное житіе · завистию же и прелестию Дьаволею не токмо изгнание приахъ мною и

смирѣти выхомиѣ · и доселе не престаеѣтъ лова и прелцаѣ насѣ · да
и мы не престаемиѣ братие противашесѣ надежю благаго Бѣга ·
дѣла его сѣуть еже штовратити насѣ ѿ вѣрны · и надежи Бѣга
нишего · в невѣрство привести · и к тому не престаеѣтъ · все зло
не престаеѣтъ вода на ны блѣ · прелюбодѣиство · тѣбы ·
оубоинства · пѣанство · клеветы · зависти · ненависти ·
лихѣманиа и во иныхъ слѣ дѣлѣ · и чрезъ естество · и прочаѣ
также ѿ Ядана и до Ноа · ѿ Ноа же и до Явраама и во
идолослужение · сребролюбие · волхование · чародеиные введе · и
ѿлучи ѿ Бѣга живаго · того всего во оумѣ и въ срѣци свое приво-
дитъ · влюдитесѣ ѿ сѣбти вражиа · и ѿ всѣхъ дѣла его
слыхъ... (л. 710об. –712);

27 июня: ...В той дѣнь слово ш Мартинѣ мнисе · иже вѣ
Турове оу сѣхъ Бориса и Глѣба · еди живыи ш Бѣе ~ Некто
старецъ именовъ Мартинъ · бывъ преже поваръ епѣомъ
туровскимъ · Семиоу · и Игнатию · и Якимъ · и сего епѣ
Георгии своеѣ старости рѣ · бывъ мни · пребываше во епискупли
манастыри оу сѣ мѣнкъ · на волони единый жѣвыи · частѣ
волаше старецъ лономъ · чрево во емъ в лоно вхожаше · и егѣ се
бываху · тогда лежаше старецъ вопиа не могши востати · и
послужити телеси своему · единою же волашю емъ тѣм же
недугомъ · лежаше въ кѣльи · ѿ жажка воныа изнемогаше ·
никому посетившю его зане вѣ вода велика школо манастыра · в
третий дѣнь видоста к нему сѣла мѣнка Борисъ и Глѣбъ · лже
во своемъ пѣбии · тако и на иконе написана вѣста · и гласта
чимъ болиши старче · шнѣ повѣда има недугъ свои · и рѣста ·
хощеши ли воды · шнѣ же рѣ гна оуже еи давно жадаю · и вземъ
единый рѣчку старчио принесе воды · и вземъ корецъ напоиста

старца · и рѣ старецъ · чьѡ еста дѣцкаѡ · и глѡ · стѡѡ Яро-
 славлѡ · и мнѣвѣ старецъ · Геѡргиевича Арослава слүзе еста ·
 и рѣ · Бгѣ да сотвориѡ вамѡ многа лѣта гнѡ моѡ · ѡбаче вземше
 сама хлѣбѣ ѡдита · азъ во не могу послүжити вамѡ · ѡнѡ
 рѣста · авѡ товѣк вылъ хлѣбѣ · вѣ оуже ѡидеве · и ты не боли-
 но зпочини · и тѣ невѡма выста · старецъ ѡбретеса здравѣ · и
 ставѣ прослави Бга · и стѡѡ мчнѡка · и превѡ до тогѡ года
 здравѣ · и се самѣ сказа дхѡвному ѡцю : (л. 724об. –725);
 В той днѣ слово тако доврѡ посещати болащѡ и во все :~ Не лени-
 теса посещати болащѡ Га ра · равно во е млѣтѡни посещати
 болащѡ · слыши глѣсѣ глѣшь · боѡк посетисте мене · аще
 заграѣтъ ѡши свои не слышати болащего · и то помолитса и не
 вүдетъ слышашего · аще во в велице санү еси · болашо во мздү
 ѡ Ба примешѡ · и таковыѡ возлюбленѣ вүдеши · аще ли е не
 имаши что донести на потребу имѣ · да сеѡк донеси · и еже ѡ
 словесѣ ѡтешеніе · то емү принеси... (л. 725–725об.);

28 июня: ...В той днѣ слово како пѡбаѣ чтѡити ѡца и мѣрь
 · рѡѣла сво :~ Гѣ прославилѣ ѡца ѡ чадехѣ и сѣ мѣринѣ
 ѡцѡстѡ грехѡ · акѡ богатаисѡ прославлѡ мѣрь свою · чтѡи ѡца
 · и вовеселитса ѡ чаде · и в днѣ молбы своѡѡ послүшѡ вүдетъ ·
 прославлѡѡ ѡца долги днѡ сотворитъ · и послүшѡѡ Гда поко-
 итъ мѣрь свою · тако же вѡкома поравѡта има рожешема его... (л.
 727–727об.);

29 июня: ...Мѡца тогѡ вѣ ·кѡ· днѣ · стѡртѣ стѣхѣ вѣхѡвнѡѡ
 апѡлѣ Петра и Павла :~ Петръ стѣын великии Хвѣ апѡстѡлѣ вѣ ѡ
 града Вифсаиды · жидѡвинѣ сынѣ родѡмѣ · вѡшѡ рыбарѣ
 Тивирѡнѡскаго морѡ... (без продолженія) (л. 728об.); В той днѣ
 словопреніе Петрова Симѡнѡ волхѡвѡ :~ Пришешо збо стѡму апѡлү

Петръ ѿ Антиохиа в Римъ · и шита вли торгѹ оу Климеѳа нѣ-
кого корабленика · оучаше словѹ Бжню приходѣща к нему · и
ввестиша ему ако Симонъ нѣкто естъ сдѣ · ѿ Египта пришѣ и
нарицаетъ себе Хд · творитъ чудеса многа · и црѣ Тиверии
власть послушаше его · и ражегса Петръ стѣ дх · прииде к
дому иде же вѣ Симонъ... (л. 729–729об.); В той днѣ подчение
на память стѣ аплѣ Петра и Павла :~ Слышите братие въ
ѣльи самого Га глца · ко зчникомъ своимъ животнаѣ словеса ·
и же послушающе написающѣ на срци нши дховно · да будемъ
та же црѣ · и оуже рече к Петрови · ако ты еси Петръ сииречь
твердыи камень вѣры · Петръ во твердыи камень наречеса · на
немъ Хсѣ создѣ црковъ дховнѹ · ей же врата смртнѣ не могутъ
сдѣлѣти... (л. 730об. –731);

Месяц июль

11 июля: ...В той днѣ зспение блженнаѣ Ольги княгини ·
прѣтѣ руское нбо :~ Сиа блженаѣ Ольга родомъ плесковитянина ·
княгиня Игорѣ кнса всеѣ Рускиѣ землѣ · иже седѣше Киевѣ · и
нача княжити снѣ его Стславъ · и выша вси не ведуще Бга ·
күмирѣ служаше · и Дьволу згонал твораше · блаженнаѣ же
Ольга мѣра сүци паче всѣ · немалы печаловаше · видаци всѣ
члки прельщены Дьволѣ · слышавши же в вѣре стѣ · иде в
Константинъ град · тогда црѣвѹющую Емгьскѹю · испытавши же
добрѣ стѹю вѣрѣ · крѣсѣ ѿ патриѣха Фотѣѣ · в лѣта · 5·5·2·Г
ε · и превѣ во крѣщении лѣтѣ · дѣ · просвещенна же бывши радова-
шеса дшею · подчивѣ ю патриархѣ во вѣре и рѣ · блженна еси ты
въ женѣ руски · блгословити во тѣ имѹтѣ снѣве рускии · в по-

слѣдни днѣ внукъ твой · вѣ же има еи нарѣно во стѣомъ крѣпнии
 Елена · по семъ примъ крѣтъ и прозвигтера · приде во свою
 землю · и тои крѣтъ и доинѣ стонтъ во стѣои Софѣи во штари
 на десной стране · и имѣа писма сил · шеновиса Рѣскага земля
 стѣмъ крѣтомъ · егѣ приа Ольга блговѣрнаа княгиня · и
 швходаше всю Рѣскую землю · даны оуроки легки оуставляюще ·
 идолы сокращающе яко истиннаа шченица Хва · дааша же
 млтыню многу шбозен чади · аще и поганѣ дааше · но Бга
 должника себѣ сотвори · и тако прослави ю · нетлѣниемъ
 блженое тѣло венчавъ · еже и доинѣ видимо естъ всеми ржскимѣ
 сны · чѣно поживши лѣ · ѡе · и нача волѣти · и призва сна его
 Стѣслава · заповѣда ему погрести са с землею равно · а могилъ
 не сучи ни трызны творити · ни плакати · но посла злато к
 патриарху Црѣа града · и престависа мѣа июла въ · ал · днѣ ·
 послѣ же внукъ еа Володимиръ крѣти всю землю · и создѣ црѣковъ
 во има стѣмъ Бѣа · и вземъ ѡ земля тѣло своеа вавы · свое
 тѣло нетлѣнно · вложи в раку древану и постави ю во црѣкви
 стѣмъ Бѣа · Бгѣ шшѣму слва всегѣ и ннѣ ∴ (л. 762–763);

12 июля: ...В той днѣ блженую мѣнку варѣ · ѣ сна его Ёвана
 · шбенюю в Киеве ∴ Володимиръ велики еше поганъ сын · пове-
 ди ашвоа Гѣ · и приде г Киевѣ · твораше жрѣтву кумиромъ з
 воары повѣды рѣ · и рѣша старци · мечемъ жрѣбии на сны и
 тшери нши · да зарѣжемъ бгомъ ншимъ · и ваше нѣкто члкъ
 Бжии именовъ варѣтъ · родомъ ѣ Црѣа града · с сномъ своимъ
 Ёваномъ седаше в Киеве · дръжа вѣрж крѣтълскую · и сего не
 трыпаше Дѣволъ · власть во имѣаше надо всѣми · а стѣтъ
 ему аки шрѣжие во сѣци · не могли ему что сотворити · напоусти
 на нь люди · рекоша пришѣше къ нему послании · и паде жрѣбии

на снѣ твои · возлюбивша и бѣши наши · да его сотворимъ треву
бѣгомъ · ѡнѣ рече нѣ сѣтъ бѣши · но древо истесано · но бездѣшно
· и по мале изъгннетъ · ни адатъ бо ни пьютъ ни
молватъ · но бѣтъ единъ ѣ на нѣсѣ · емѣ слѣжѣ и греци · то бо
сотворилъ естъ нѣбо и землю · а ваши бѣши что сотворили · но са-
ми сдѣлани сѣтъ ваши · и не дамъ весомъ сѣна своего · и ти
шѣше повѣдаша людѣ · вземше ѡрѣжжѣ придоша на нас · и рѣша
даи сѣна на потребу бѣгомъ · ѡнѣ же рече · аще сѣтъ бѣши да
пришлѣтъ единого по снѣ мои · а вы чѣмѣ перѣтъ естъ тревѣете ·
и кликнуша киане · посекоша сѣбни и тоу оусечени быша · испо-
вѣдающе крѣтъане · и приаеца вѣчнѣю жизнь за сѣтъю вѣрѣж
мѣчена ∴ (л. 764об. –765);

15 июля: ...В то днѣ оупение блжннаго и великого кнѣза
Блѣдѣра · крѣтившаго Рускѣю землю ∴ Сеи оубо Володимеръ снѣтъ
Сѣтославль · ѡ племени варажска · первое же ко идоломъ много
тщание твораше по ѡчю преданию · да егда восхотѣ бѣтъ извра-
ти совѣ люди новыа · вдохну в сего блѣтъ дѣха сѣтго · и возвну
аки ѡ сѣна · ѡ лютаго идолослѣжениа · и посла по всѣмъ азѣкѣ
испытатъ законы · како вѣрѣютъ · и оувидѣвъ сѣтъю вѣрѣ
греческѣю · аки свѣцѣю на свѣтили · и рѣ в сѣвѣ сице · да сотворю
понаду в землю ѣ · и пленю землю ѣ и грады · и вбращѣю тѣ
считѣла · да еже оумысли то и сотвори · и посла къ цѣркви
греческомѣ · даи за нас сестрѣ свою · аще ли не даси · да сотво-
рю граду твоѣмѣ аки и семѣ сотвори · ѡнѣ же ѡвѣща · нѣесть сдѣ
таковаго шѣвѣа · давати крѣтъанѣ за поганыа · аще ли крѣтиши
то и се полѣчиши · и ваще колше цѣтѣво нѣбно · и рѣ Владимиръ ·
тако да сотворю · пришѣше ѡ тебе со цѣцею · ти да крѣтатъ нас ·
в то же время впалъ в нас Владимиръ в недѣгѣ шѣвѣна шчина · и

рѣ црѣца пославши к немѹ · аще не крѣтишисѧ не избѹдеши
 волѣзни тоѧ · шнѣ же рече · крести мѧ · ибо на то призвалъ
 есмь ва · егда крѣтиша и сотворисѧ чудо велико · вшѣшио емѹ во
 стѹю крѣкъ · и ѿверъсостасѧ очи его · и выста ѧко николи же
 имѣвшѣ недѹга · и прозрѣвъ всѣхъ Бѣга · просвещѣ вывъ дшѣю и
 тѣломъ и радовашѣ · прише г Киевѹ иви всѧ идолы · Перѹна ·
 Хорса · Дажъвѣга · Мокошъ · и прочѧ всѧ идолы · по семѹ вова
 все множество люди · заповѣда имъ крѣтити · нарекъ и днѣ си-
 це рекъ · аще то не вбратитсѧ оутро на рече · тои бѹдетъ мнѣ
 противенъ · и снисесѧ весь народъ · мѹжи и жены на Почаинѹ
 рекѹ · и мѧнци свершении в водѣ стоѧхѹ · шви до полса · инии
 до выѧ · а дрѹжни врадѧхѹ · а прозвиретъ по врегѹ стоѧще
 мѧтвы глѧхѹ · иже нѧ крестимыи · и ѿтоле нарѣсѧ мѣсто стѣе
 иде же нѣкъ црѣкви ѣ стѹю мѣнкѹ рове · и тои вы первыйѧ ходатаи
 нашемѹ спѣснию · Володимеръ же возрѣвъ на нѣо · помолисѧ за
 крѣтъѧны глѧ · Бжѣ сотворивши нѣо и землю · призри на ново
 мѣсто · просвещены люди сил · и дадъ имъ Гѣ оувидети тобѧ
 истиннаго Бѣга · и оутверди и во правѹю вѣрѹж · и Гѣ помози на
 сѹпротивныхъ враги · и надѣасѧ на твою дрѣвѹ попрѹ козни его ·
 повелѣ же людемъ ставити црѣкви по всѣмъ градомъ · а самъ
 создѧ црѣквь стѣѧ Бѣци · и оудививъ ю вельмѣ · выстѣ нѣколко
 лѣ нача волѣти · и престависѧ к Бѣгѹ в лѣ · 5 · ф · кг · 6 · мѣа июлѧ
 в · 11 · днѣ · прѣвы во крѣщнии лѣ · кз · и тѣло его положиша во
 црѣкви стѣѧ Бѣци · ю же вѣ самъ создѧлъ · и плакасѧ его все
 множество людии · болре аки ѿца · людие аки застѹпника ·
 сироты аки помощника · нищи и вдовици аки питателѧ и кор-
 мителѧ · да како тѧ возможемъ по достоѧнию похвалити · со-
 творшого дѣло равно апломъ · хвалѣи во швою Римскаѧ землю

Петра и Павла · а сѣа Іѡна Богословца · Єгипетскаа Марка · Антиохійскаа Лукку · Греческаа Андрѣа · вса же Рускаа земля тебе княжа Володимера яко Гнѣа апла · молебными пѣсньми памѣ твою пражнѹюще · похвалныа венца приносиа ти · глѣще рѣѹиса блжнныи Владимире · примиши венецъ ѿ рѹки вседрѹжитела Бга · рѣѹи сѣаа главо · возю и оѹчтелю нашъ · им же ибывше тмы · свѣк понавше · рѣѹи чѣное древо самаго Раа · и израсте намъ сѣыа лѣктораси сѣою мѣнкѹ Борисъ и Глѣвъ · ѿ неа же нѣк снове рускиа насыщаютеа приемяущимъ недѹго исцеление · рѣѹи дѣлателью выры Хѣвы · истерзалъ лесное терние из Ржси · и возрастивъ крѣннемъ всю Рускѹю землю · и насѣавъ книгами сѣыми · ѿ ни же жнѹтъ рѹети снове полѣныа рѹководи покаание · дрѹззи оѹже адатъ нескѹнѹю пищу въ црѣтви нѣнемъ · еа трапезы да сподовѣса и мы грѣшнии и недостойнии · кающе ѿ свой согрешений ·: (л. 771–773);

17 июля: ...В той днѣ сѣыа мѣнци Марини ·: Хѣа мѣнца Марина вѣ ѿ Антиохиа Писидискиа · дщи Єдесиа жерца идолскаго · зане бы крѣаа ата бы и приведена ко Яполорню епархѹ · и много мѣнна Хѣ не ѿвержеса · а идолскѹю сѹетѹ и немощъ оѹкори · тѣмъ сатворенна бы в темници · и той полѹнощи Бгѹ молѣшиса · ависа еи змиа прѣвеликъ · и оѹстремиса пожрети хотѣа ю... (л. 777об. –778);

20 июля: В той днѣ слово Іѡ Славѹсѹстаго ѿ женахъ слыхъ:~ Ничто же естѣ подобно на земли женѣ слѹазычне · никий оѹво звѣрь точенъ ѣ женѣ прѹнырливѣ · горде и величавѣ · что бо лѣа слѣе въ четвероноги · что ли змиа лютѣе в ползѹщи · нѣсть ничто же женѣ слѣе · жена азычна послѹшестѹетъ ли словеса прѣмѹры · и Соломо глѣтъ · лѹче жити со львомъ и со змиемъ в

пустыни · не з женою слово҃ычною и прокудиво... (л. 784об. — 785); В той днь слово в поколнии греховъ своихъ :~ Донеле житъ дышеша · аще согрешаша в послѣднии днь · на нем же шдрѣ лежи дшю влекии · хотя изыти ѿ житъа сего · покаиса · временнаа туга не ставлаѣ ти Бжне члколюбие · и не глти ми · како или кою виною гноа полно есмь · струпы шбьатъ · на послѣднии днь · могу ли са исповѣдати · и село можеша · молиса · милостыню ѿ дому своего сотвори · ѿдадъ нищии... (л. 785об. —786);

24 июля: ...Мца того въ ·кд· днь · стрѣтъ ст҃юю мчнкѹ Бориса и Глѣба чютворѣ · Ги влѣ :~ Стѣа слѣвнаа Хва мчнка Борисъ и Глѣвъ · вѣста сѣа Володимера крѣтивши Ржскюю землю · многи сѣы имѣ Володимеръ ѿ разныи женъ · число · вѣ · посажа властелемъ · Вышеслава в Новѣ рѣде · Изаслава в Полотъскѣ · Стѣполка в Турове · Дрослава по смрѣти Вышеслави в Новѣ городе · Бориса в Ростове · Глѣба в Муроме · Стѣослава в Деревехъ · Всеволода в Володимере · Мстислава Тьму в Торокани · Станислава в Смоленске · Студислава въ Плескове · и призва Володимеръ Бориса г Киевѹ · вѣ во емѹ милѣе всѣхъ детии · прииде же емѹ вѣстѣ яко печенѣзи идутъ на Ржсь · и собра вои многи · посла Бориса за Нѣпрѣ · а самъ воленъ въ · тогда же и престависа · Стѣполкъ же седѣ Киевѣ · исполнивъ срѣце свое незаконнелмъ рече · погублю братию всю · и вудѹ единъ властелии в Ржси · шедъ ноцию в Вышегород · и созва к собѣ воары его · Путышю · Талца · Словича · Лашка · и рече · шѣше оукините брата моего Бориса · и вудете ми правители · сии шѣщася емѹ · Борисъ не шбрете печенѣгъ · возвратиса и ста на Ялте · и тѹ пришѣше послании швици · и шоводоша копии · и еще же емѹ

дышюцю возложиша на кола · поведоша и · и ту мечемъ прово-
доша · и ту предастъ дшю в ржцѣ Бжии · прилтъ венець ѿ
Ха Бга · с лики стѣхъ мчнкъ въ небеснемъ црѣвни въворомася ·
со аглы прѣстоа стѣи Богородици · тѣло же его положиша в
Бышегороде · въ цркви стго Василиа · по семъ Стѣполкѣ посла
с лестню ко Глѣбови гла · поиди вворзе · ѿцѣ ти волитъ · емѣ
с малою дрѣжиною вворзе идущи · и вы на Болзе · спадеса с
кона и наломи ногѣ · и того ра всаде в насадъ · и пошедъ ѿ
Смоленска · ста на Смадине · и ту стретоша послании на
оубниство з Горасѣро · и ако приближишася гаша насадъ его · и
повелѣ Горасѣръ оубити Глѣба · и начаша скакати со воружиемъ
в насадъ к нему · поваръ же Глѣбовъ именемъ торчинъ ·
вземъ ножъ закла гна своего стго Глѣба · и прѣстави ѿ житъа
сего · мѣа сентебра въ ·ѣ· днѣ · тѣло стго повергоша на
Смадине межю двема колодома · Бгъ же показа его славно
смиольномъ · гакѣ дрѣвле їзрѣльтанѣ кости Иосифови · и
пришѣше со крѣты · взяша его и положиша въ цркви · донде же
поведивъ Ярославъ Стѣполка · и седе в Києвѣ · и принесеъ Глѣ-
ба · положи з Борисомъ в Бышегородѣ · и дастъ има Гб Бгъ
чюдотворныа дары · волѣзни исцелати · слепыа просвещати ·
хромыа воставлати · вѣсы ѿгонати · в погребехъ ѿ оузъ
процати · кнземъ рускимъ а своимъ срѣдникомъ · во вранехъ на
поганыа помагати · ихъ же млтвами и мы смиреннии да сподо-
вимса полѣчити Бжию млть · здѣ нѣѣ и в вѣдущии вѣкѣ ·:

(Л. 792об. –794);

Месяц август

11 августа: ...В той днь слово Іѡна Слауѣстаго ѡ ѡпущающій жены · и по̀пѣкѹ поимающій :~ Егда же мѹ восхоцетъ пѹстити свою женѹ · или жена ѡ перваго вежати мѹжа · да поманетъ Павла ѡчаща и глѣща · жена привазана ѣ закономъ · до негѡ времени живѣтъ ѣ мѹ еѣ · свободна же бываетъ по мѹни смѣрти · видиши ли ако работаетъ живущѹ ѡномѹ · которыѹ же книги или законъ ѡпущати жены повелеваютьъ · но творѣщии таковаѣ с прелюбоудѣици въ мѹкѹ ѡсѹжаются · не бо инако хоцетъ сѹдити Хсѣтъ въ днь ѡнъ · но ако самъ положилъ ѣ законъ · да же покарѣмса законѡ Бжню · и свой не пѹщамъ женъ... (л. 839–840об.)

Несомненный интерес, особенно для историков, представляют имеющиеся в Прологе записи. Так, на л. 446 об. после завершения февральских текстов читаем:

В лѣтѣ · 7395 · годѹ · за ѹмножение грѣк ради ншій пришла стѹжа мѣда йона · в · 14 · днь · застѹдила рженѡ цѣк · 91 · годѹ · пришла потопа на всю землю · и потопила хлѣвъ по поламъ и не дала созрѣти · и с поль хлѣва прѣтати · и тогѡ годѹ · почали хлѣвъ кѹпити по полтинѣ · и по̀ватцати · и по рѹблию · 91 · годѹ · кѹпили хлѣвъ по два рѹбли и по полѹтрѣѣ и вѡши · тогѡ годѹ · была зима стѹдена и многиѹ люди помирѣли ѡ глѣда и ѡ мразѣ · по градомъ и по сѣламъ · и по дорогамъ · тогѡ годѹ · была мгла на Никити днь · 91 · годѹ · далъ Гь Бъ оѹрдѡ лрѡвомѹ хлѣвѹ · и кѹпили хлѣвъ в полтинѹ и менши · 91 · годѹ · пришолъ на Рѹскѹю землю на сѣверскиѹ ѡвласти с литовъскиѹ мѡ... (далее текст, к сожалению, оборван, лист подклеен более поздней бумагой).

В конце рукописи помещена еще одна привлекающая внимание запись, в которой Лжедмитрий I назван Дмитрием

Ивановичем и указан год написания книги: Лѣта ·ꙗꙗꙗ· марта въ ·ѣ· на памѣ прѣѣнаго ѿца нашего Феофилакта епѣпѣ никамѣйского · и памѣ стѣго великого Хрѣтѣ мѣнка Феофра Тирона · при блговѣрномъ црѣи и великомъ кнѣзѣ Димитрее Ивановиче всеа Русии · и при его гдрѣе нашен блговѣрною црѣи и великои княгинии во иноцѣ Марфе и при стѣишѣ патриархе Игнатие · и при ...номъ архиепѣк... Феѡ... ...скомъ и моурѣскомъ · при книга молѣ с прѣо... (правая часть записи кем-то восстановлена на более поздней бумаге, которой подклеен соответствующий лист рукописи; заключительные строки не поддаются уверенному прочтению) (л. 891об.).

Как видим, и Пролог из Нижегородского архива содержит весьма разнообразные по своему содержанию тексты. Среди них как изначальные византийские, так и древнерусские рассказы и повести, встречающиеся не только в списках Пролога, но и в русских летописях, а также древнейшие инославянские тексты. И в мирное время, и в тяжелые годы истории Руси-России эти произведения читались и переписывались. В частности, и этот хранящийся в Нижегородском архиве Пролог был переписан в 1606 г., то есть в год, когда самозванец Лжедмитрий I самонадеянно почувствовал себя относительно твердо на русском престоле и 8 мая 1606 г. вступил в брак с Мариной Мнишек в Москве (их обручение было в Кракове еще 10 ноября 1605 г.). Но уже через 10 дней (в ночь с 16 на 17 мая) москвичи поднялись против поляков, а руководители заговора захватили Лжедмитрия, которого выдало воинство — стрельцы. Через год появится Лжедмитрий II, а в 1611 г. выступит на историческую сцену Козьма Минич Захарьев Сухорукий, известный впоследствии как нижегородский гражданин Козьма Минин. Нет сомнения, что Козьма Минин — богатый

купец и видный нижегородский общественный деятель — имел в своей библиотеке какой-либо Пролог, эту всемирную библиотеку для чтения, либо в одном томе (как рукопись Пролога 1606 г. из ЦАНО), либо в двух томах (как Пролог из Нижегородского собрания РГБ). Это могли быть и четыре кварталные книги, но такой четырехтомник нижегородского происхождения или хотя бы нижегородского бытования пока, кажется, не обнаружен.

Источники, литература и примечания

1. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. III. М., 1939. Стб. 958.
2. Там же.
3. Жуковская Л.П. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога (избранные византийские, русские и инославянские статьи) // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 110.
4. СККДР. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 376.
5. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М., 1899. С. 600.
6. Там же. С. 323.
7. СККДР. Вып. 1... С. 376.
8. РГБ. Собр. Троице-Сергиева монастыря, № 717 и № 718 (с текстами на июнь–октябрь, что, возможно, связано со временем приезда царской семьи на богомолье).
9. Там же. № 720, № 721, № 722 (тексты в них начинаются с ноября).
10. Жуковская Л.П. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога... Таблицы I и II на отдельных листах.
11. Жуковская Л.П. Ранняя редакция древнерусского Пролога // Тезисы докладов и сообщений конференции по итогам науч-

- но-исследовательской работы за 1988 г. (21 апреля 1989 г.). Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. М., 1989. С. 106–108.
12. Бубнов Н.Ю. Славяно-русские прологи // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». М., 1973. С. 279.
 13. РГАДА. Ф. 381. № 172 и № 177.
 14. Мошин В.А. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X–XV вв. // ТОДРЛ. Т. XIX. М.–Л., 1963. С. 79.
 15. ГИМ. Собр. Хлудова, № 190.
 16. Там же. Собр. Барсова, № 729.
 17. РГБ. Собр. Никифорова, № 496.
 18. ГИМ. Собр. Хлудова, № 188; Чудовское собрание, № 17.
 19. Злыгостьева О.Г. Лингвотекстологическое исследование списков Стишного пролога XV–XVII веков (На материале оригинальных русских майских чтений): Автореф. дисс. ... к. филол. н. Барнаул, 1993. С. 9.
 20. Бубнов Н.Ю. Указ. соч. С. 280.
 21. РГИА. Хутынский (1479 г., на сентябрь–ноябрь); СНА-3934 (посл. четверть XV в., на декабрь–февраль); СНА-3935 (XV в., на март–май); СНА-3936 (XV в., на июнь–август).
 22. РНБ. Соловецкое собр.: С-700.808 (до 1631 г., на сентябрь–февраль) и С-704.812 (до 1631 г., на март–август); Соловецко-Анзерское собр.: СА-59/1425 (1633 г., на сентябрь–февраль) и СА-60/1426 (1630 г., на март–август); Собрание Титова: № 1218 (XVI в., на сентябрь–ноябрь) и № 1217 (XVI в., на март–май).
 23. РГБ. Собр. Троице-Сергиевой лавры, № 715, № 716, № 717, № 718, № 720, № 722.
 24. Жуковская Л.П. Международный симпозиум по средневековым сборникам // АЕ за 1979 г. М., 1981. С. 357.
 25. Жуковская Л.П. 1) Статьи Пролога Государственного архива Калининской области и их использование для истории русского языка // Среднерусские говоры: Межвузовский тема-

- тический сборник научных трудов. Калинин, 1986. С. 110–111; 2) Двести списков XIV–XVII вв. небольшой статьи как лингвистический и исторический источник (Статья Пролога о построении церкви во имя Георгия Ярославом Мудрым) // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность. Киев, 1987. С. 33–63.
26. Жуковская Л.П. О втором южнославянском влиянии // Die slawischen Sprachen. Salzburg–Wien, 1982. В. 2. S. 131–144.
27. Богатова Г.А. 1) Гибнут храмы русского языка // Русский вестник. 1992. № 39 (октябрь). С. 16; 2) Знаете ли Вы по-русски, или история одного словаря // Согласие. 1991. № 4. С. 3; Жуковская Л.П. Тихая катастрофа // Молодая гвардия. 1989. № 5. С. 255–261.
28. Жуковская Л.П. 1) К вопросу о южнославянском влиянии на русскую письменность. (Житие Анисьи по спискам 1282–1632 гг.) // История русского языка: Исследования и тексты. М., 1982. С. 277–287; 2) О южнославянском влиянии XIV–XV вв: (На материале проложного Жития Евгении) // Язык и письменность среднеболгарского периода. М. 1982. С. 26–59; 3) Древние книги и писатели в Изборнике Святослава 1073 г. // Изборник Святослава 1073 г.: Факсимильное издание: Научный аппарат. М., 1983; 4) Возраст Веры в Прологе // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 149–150; 5) Статьи Пролога Государственного архива Калининской области... С. 96–116; 6) Повторяющиеся статьи Пролога как лингвистический источник: (На материале статьи Василия Великого «О пьянстве») // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987. С. 98–108; 7) Проложное житие Афанасия и Кирилла Александрийских (Наблюдения над текстом и языком списков) // Источники по истории русского языка XI–XVII вв. М., 1991. С. 60–72.
29. Жуковская Л.П. 1) О якобы датированных списках Стишного пролога (Троицкое собрание ГБЛ) // История русского языка: Памятники XI–XVIII вв. М., 1982. С. 74–121; 2) О значении понтюзо и некоторых других вопросах филиграноведения // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 64–76.

30. РГБ. Нижегородское собр., № 103 (первая половина XVI в.).
31. РГБ. Собр. Пискарева, № 95 (вторая четверть XVI в.); БРАН, 13.8.2. (середина XVI в.); РГАДА. Собр. РГАЛИ, № 113 (конец XVI в.); МГУ, № 1303 (XVI–XVII вв.); РНБ. Соловецкое собр. (основное), № 707.817 (XVII в.); РНБ. Кирилло-Белозерское собр., № 11.1250 (XVII в.) (все перечисленные рукописи являются русскими по происхождению); РГБ. Собр. Румянцева, № 325 (XVII в.); Научная библиотека им. Стефаника (г. Львов). Собр. научного товарищества им. Шевченко, № 322 (XVII в.) (эти две рукописи украинские).
32. ЦАНО. Ф. 2636. Оп. 2. Д. 53 (1606 г.)

Список сокращений

АЕ	— Археографический ежегодник
БРАН	— Библиотека Российской академии наук (г. Санкт-Петербург)
БСЭ	— Большая советская энциклопедия
ВМЧ	— Великие Минеи Четии
ГИМ	— Государственный исторический музей (г. Москва)
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (г. Санкт-Петербург)
ЛЗАК	— Летопись занятий археографической комиссии
НГОУНБ	— Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности
ПЛДР	— Памятники литературы Древней Руси
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов (г. Москва)
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства (г. Москва)
РГИА	— Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)
РГБ	— Российская государственная библиотека (г. Москва)
РНБ	— Российская национальная библиотека (г. Санкт-Петербург)
СККДР	— Словарь книжников и книжности Древней Руси
ТОДРЛ	— Труды отдела древнерусской литературы
ЦАНО	— Центральный архив Нижегородской области (г. Н. Новгород)

Содержание

<i>Русинов В.Н.</i> Искоростень или Коростень?	3
<i>Белякова М.М.</i> Житие блаженного Петра, царевича Ордынского: история текста	43
<i>Русинов В.Н.</i> К объяснению двух мест в тексте летописного рассказа о Пьянском побоище 1377 г.	101
Жуковская Л.П. Нижегородские прологи в кругу дру- гих рукописных.....	143
Список сокращений	190

**Проблемы происхождения
и бытования памятников древнерусской
письменности и литературы**

Сборник научных трудов

Издательство Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского
603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23.

Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Academy.
Усл.печ.л. 11,2. Уч.-изд. л. 9,7. Тираж 300. Заказ 653.

Типография Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37.